

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Северо-Кавказский социальный институт»**

на правах рукописи

НЕВСКИЙ РУСЛАН ЭМИЛЕВИЧ

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ:
ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Алексей Григорьевич КИБАЛЬНИК**

Ставрополь–2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Доктринальное понимание преступлений против человечности	19
1.1. Российская доктрина о преступлениях против человечности	20
1.2. Зарубежная доктрина о преступлениях против человечности	38
Глава 2. Нормативные основания и «контекстуальный элемент» преступлений против человечности и их значение для национального уголовного права	53
2.1. Нормативные основания преступлений против человечности и их значение для национального уголовного права	53
2.2. «Контекстуальный элемент» преступлений против человечности и его значение для национального уголовного права	78
Глава 3. Криминализация преступлений против человечности в национальном уголовном праве	112
3.1. Зарубежный опыт криминализации преступлений против человечности (на примере стран континентальной Европы)	112
3.2. Перспектива криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России	132
Глава 4. Вопросы квалификации преступлений против человечности в национальном уголовном праве	151
4.1. Квалификация преступлений против человечности по Уголовному кодексу РФ: существующая практика	151
4.2. Квалификация преступлений против человечности по Уголовному кодексу РФ: возможные перспективы с учетом международной практики	165
Заключение	175
Библиографический список использованных источников	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Вряд ли кто поспорит с утверждением о том, что преступления против человечности (наряду с преступлением агрессии, геноцидом и военными преступлениями) – это тягчайшие деяния, требующие самой строгой оценки и наказания. Человечество давно осознало фатальность их совершения, масштабы причиняемого в результате вреда. Общеизвестно, что в отечественной и зарубежной литературе имеется немало количество научных и научно-публицистических трудов, посвященных пониманию преступлений против человечности, прежде всего – совершенных во время Второй Мировой войны и квалифицированных в качестве таковых в Приговорах Нюрнбергского и Токийского трибуналов.

Потребовалось почти полвека для того, чтобы мир содрогнулся снова и, после совершения невероятных по своей жестокости и чудовищности преступлений, вновь учредил специальные органы международной уголовной юстиции – трибуналы *ad hoc* по Руанде¹ и бывшей Югославии². Именно в решениях этих трибуналов впервые в современной истории содеянное было квалифицировано как преступления против человечности, акты геноцида и военные преступления. Деятельность указанных международных трибуналов, по существу, помогла возродить веру в то, что такое «абсолютное зло» должно быть наказано и наказано всегда, а также создала новые критерии юридического понимания преступлений против человечности («контекстуальные элементы»).

Но международные трибуналы *ad hoc* создаются для каждого конкретного случая и не являются панацеей против самых серьезных преступ-

¹ Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. // UN/S/RES/955/Russian.

² См.: Устав Международного трибунала (по бывшей Югославии) от 25 мая 1993 г. // UN/S/RES/827/Russian.

лений международного характера. В свое время большие надежды возлагались на деятельность постоянного органа международной уголовной юстиции – Международный уголовный суд, создание которого было провозглашено на Римской дипломатической конференции в 1998 г.³. Однако, в силу различных причин Международный уголовный суд так и не стал эффективным органом, осуществляющим преследование за наиболее тяжкие международные преступления. Достаточно сказать, что трое из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН – Китай, Россия⁴ и США – даже не являются его участниками.

И международное сообщество было вынуждено пойти по уже «знакомому» пути – пути принятия конвенций и иных соглашений, обязывающих государства устанавливать преступность наиболее тяжких преступлений международного характера на уровне национального законодательства. Впервые такая обязанность возникла в силу прямого указания Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.⁵ и была повторена в значительном количестве международных документов.

Во многих государствах, ратифицировавших Римский Статут Международного уголовного суда, в национальное законодательство были введены нормы о преступлениях против человечности (а, например, в Германии был принят собственный «Кодекс о преступлениях против мира и безопасности человечества»). Но также во многих странах, включая Россию, ничего подобного не произошло.

В то же время в последние двадцать лет в мире резко возросло количество различных международных и внутригосударственных конфликтов и

³ Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // UN/Doc/A/CONF.183/9. Russian.

⁴ Россия, вслед за Соединенными Штатами, де-факто отозвала свою подпись под Римским Статутом в конце 2016 г. См.: Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Российская газета. 2016. 18 ноября.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

военных противостояний, к сожалению, неизбежно сопровождающихся совершением военных преступлений и преступлений против человечности. И это обстоятельство не осталось без внимания международного сообщества.

В 2014 г. Комиссия международного права ООН приняла решение о создании единой Конвенции о преступлениях против человечности. На настоящий момент состоялось несколько официальных обсуждений проекта, но когда он будет принят – не известно. Тем не менее, надо особо подчеркнуть, что одной из главных идей Проекта является то, что «каждое государство принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы преступления против человечности представляли собой правонарушения по его уголовному праву»⁶ (ч. 1 ст. 5).

Особую значимость вопрос криминализации преступлений против человечности в УК РФ приобрел в связи с вооруженным конфликтом на востоке Украины, начавшемся в 2014 г., и проводимой с февраля 2022 г. Специальной военной операцией. Достаточно вспомнить, какой резонанс вызвали обвинения в адрес России и судебный процесс в Нидерландах по поводу трагедии авиарейса МН17, расцененной как совершение преступления против человечности⁷.

С другой стороны, идет расследование преступлений, совершенных на территории конфликта представителями Вооруженных Сил и иных вооруженных формирований Украины, а также иностранными наемниками. Согласно официальной информации, Следственный комитет РФ по состоянию на конец июля 2022 г. расследует более 1300 уголовных дел, так или иначе связанных с названным вооруженным конфликтом. В подавляющем большинстве эти преступления совершены против представителей мирно-

⁶ Проект Конвенции о преступлениях против человечности. Доклад Комиссии международного права ООН. 68 сессия // <https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/chp7.pdf> (дата обращения 13.11.2022).

⁷ См., например: МИД РФ: вердикт суда по МН17 указывает на то, что в его основе лежал политический заказ // <https://tass.ru/politika/16361285> (дата обращения 13.11.2022).

го (гражданского) населения⁸. При этом ни одно из этих преступлений не может быть расценено как преступление против человечности по очевидной причине – отсутствие такой нормы в отечественном уголовном законодательстве.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что вопрос об обосновании криминализации преступлений против человечности в национальном уголовном законе, ее способах и пределах, актуален для российской доктрины уголовного права.

Степень научной разработанности проблемы.

По вполне понятным причинам, в отечественной доктрине вопрос о юридическом понимании преступлений против человечности, их социально-политической сути активно изучался после окончания Второй Мировой войны и проведения Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов. В это время вышли серьезные исследования А.И. Полторака⁹, А.Н. Трайнина¹⁰. В 70–90–е гг. XX века периоды проблемы, связанные с преступлениями против человечности (и в целом – против мира и безопасности человечества) рассматривались в трудах И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, И.И. Лукашука, А.В. Наумова и других авторов.

На настоящий подъем научного интереса к данной теме (и к пониманию всей системы преступлений против мира и безопасности человечества) начался на рубеже XX–XXI веков и был связан с деятельностью новой системы международной уголовной юстиции. Был защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций, посвященных общим вопросам развития международного уголовного права и его влияния на национальное уголов-

⁸ Как продвигается расследование преступлений украинских националистов, которые воюют с мирными гражданами? Интервью главы СК РФ Александра Бастрыкина// Российская газета. 2022. 25 июля.

⁹ *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М.: Наука, 1965. 352 с.

¹⁰ *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М.: Издательство АН СССР, 1956. 299 с.

ное законодательство¹¹, значению деятельности международных трибуналов *ad hoc* и развитию системы международной уголовной юстиции¹².

Отдельные аспекты понимания преступлений против человечности рассматривались в диссертационных исследованиях, посвященных геноциду как наиболее тяжкому преступлению против мира и безопасности человечества¹³, «контекстуальным обстоятельствам» в составе преступления

¹¹ См.: *Кибальник А.Г.* Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 51 с.;

Родионова Т.А. Влияние международного права на отечественное уголовное законодательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2011. 22 с.;

Скуратова А.Ю. Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГИМО МИД России, 2006. 33 с.;

Спиридонов А.П. Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 416 с.;

Субботина Е.Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РПА Минюста России, 2011. 23 с.

¹² См.: *Каюмова А.Р.* Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. 40 с.;

Михайлов Н.Г. Международный уголовный суд по бывшей Югославии как инструмент международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. 54 с.;

Накашидзе М.Р. Органы международной уголовной юстиции: проблемы становления и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2007. 26 с.;

Рабаданова А.А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. 24 с.

¹³ См.: *Аванесян В.В.* Геноцид: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 37 с.;

Вартанян В.М. Уголовная ответственность за геноцид: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. 26 с.;

Дадуани Т.Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2012. 21 с.;

Мартиросян А.С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. 26 с.;

Москалев Г.Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 26 с.;

по международному уголовному праву¹⁴, а также проблеме криминализации апартеида в российском уголовном законе¹⁵.

На сегодняшний момент в отечественной доктрине имеется единственное диссертационное исследование Т.И. Курносовой, специально посвященное имплементации международно-правовых норм о преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство¹⁶.

Однако в настоящее время проблема криминализации преступлений против человечности актуализировалась в связи с вышеназванной деятельностью Комиссии международного права ООН, а также общими проблемами развития международного уголовного права и международной уголовной юстиции. Повторимся – особую значимость в этом вопросе для нашего государства играют вооруженный конфликт на востоке Украины, начавшийся в 2014 г. и проводимая с февраля 2022 г. Специальная военная операция.

Все указанные обстоятельства также свидетельствуют о необходимости исследования проблемы криминализации преступлений против человечности и вопросов их квалификации в отечественном уголовном законодательстве.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения и интересы, возникающие с совершением преступлений против человечности, а также с наступлением уголовной ответственности за эти преступления по международному и национальному уголовному праву.

Панкратова Е.Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. 33 с.

¹⁴ *Малярова Е.А.* Контекстуальные обстоятельства как элемент состава преступления по международному уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. 29 с.

¹⁵ *Гигинейшвили М.Т.* Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2013. 25 с.

¹⁶ *Курносова Т.И.* Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2015. 292 с.

Предметом диссертационного исследования выступают объективные и субъективные признаки составов преступлений против человечности как они отражены в нормах международного уголовного права, решениях современных международных судов (трибуналов), в национальном уголовном законодательстве, а также разработаны в отечественной и зарубежной правовой науке.

Основной целью исследования является доктринальное обоснование необходимости криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России, а также применимости конвенциональных норм и практики современных международных трибуналов *ad hoc* (юрисдикцию которых наше государство признает) для их квалификации.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи** диссертационного исследования:

- 1) изучить основные признаки преступлений против человечности, сформулированные в действующих для России нормах международного уголовного права;
- 2) определить применимость «контекстуальных элементов» преступлений против человечности, выработанных в решениях признаваемых Россией современных международных судов (трибуналов) *ad hoc* для отечественного уголовного права;
- 3) изучить зарубежный опыт криминализации преступлений против человечности;
- 4) обосновать возможные пути криминализации преступлений против человечности в российском уголовном законодательстве;
- 5) изучить вопросы квалификации преступлений против человечности в соответствии с действующими нормами УК РФ и предложить варианты решения указанных квалификационных проблем.

Методологической основой проведенного исследования стал универсальный диалектический метод познания. Также в работе использованы следующие методы: историко-правовой, логико-правовой, сравнительно-

правовой, метод социологического опроса (анкетирование). Перечисленные методы применялись при изучении содержания теоретических источников и правовых норм; в ходе анализа и обобщения результатов опроса специалистов в области уголовного права, а также представителей судов и правоохранительной системы.

Теоретической базой явились труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области национального и международного уголовного права. Среди использованных в диссертации работ необходимо особо выделить труды А.Х. Абашидзе, К. Амбоса, М.Ш. Бассиони, Г. Верле, П. Вилкички, А.Г. Волеводза, П. Гаэта, М.Т. Гигинейшвили, С.В. Гловой, Л.В. Иногамовой-Хегай, А. Кассезе, А.Г. Кибальника, К. Киттичайзари, И.И. Лукашука, Н.М. Лямина, К. Маклеода, Л. Мэя, В.П. Коняхина, Н.Г. Михайлова, Н.И. Костенко, Н.Ф. Кузнецовой, Т.И. Курносковой, Д.В. Лобача, А.В. Наумова, Г.А. Нелаевой, Д. Робинсона, А.И. Рарога, Г.А. Русанова, В.Н. Русиновой, Н.А. Сафарова, А.Ю. Скуратовой, Е.Н. Трикоз, У. Шабаса.

Нормативной основой исследования послужили Конституция Российской Федерации; Уголовный кодекс РФ (в действующей редакции); федеральное законодательство России; подзаконные акты Президента РФ; актуальное уголовное законодательство ряда континентальных стран Европы (Германия, Испания, Италия, Франция).

Исходя из специфики заявленной проблематики, особое значение в качестве источников сыграли следующие документы международного права:

- Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран от 8 августа 1945 г.;
- Приговор Международного (Нюрнбергского) военного трибунала от 1 октября 1946 г.;
- Устав Международного трибунала (по бывшей Югославии) от 25 мая 1993 г.;

- Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г.;
- Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.;
- Элементы преступлений Международного уголовного суда 2002 г.;
- Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.;
- Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г.;
- Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г.
- Проект Конвенции о преступлениях против человечности, подготовленный Комиссией международного права ООН (2014 г.) и последующие в 2016–2019 гг. официальные обсуждения Комиссии.

Эмпирическую базу исследования, в силу специфики темы, составили 54 решения международных судов (трибуналов) современности (по Руанде и бывшей Югославии), чью юрисдикцию признает Российская Федерация. Также изучена имеющая отношение к теме практика Верховного Суда России (постановления Пленума и решения по отдельным делам) по квалификации убийств, насильственных сексуальных преступлений, иных преступлений против личности.

В целях изучения мнения специалистов в городах Краснодаре, Москве, Ростове-на-Дону и Ставрополе были проведены социологические опросы. На вопросы анкет ответили 25 специалистов в области уголовного и международного уголовного права, имеющие ученые степени кандидата или доктора юридических наук. Также проведено анкетирование 100 судей и сотрудников правоохранительных органов (прокуратуры и следователей Следственного комитета Российской Федерации) в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области. Результаты проведенных опросов использованы непосредственно в тексте самой диссертации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является оригинальным монографическим научным исследованием, в котором сформулировано авторское понимание преступлений против человечности как составной части системы преступлений против мира и безопасности человечества. Авторская позиция основана на действующих для России нормах международного права и решениях международных трибуналов *ad hoc*, а также положениях планируемой к принятию Единой Конвенции ООН о преступлениях против человечности.

В диссертации определено соответствующее современным реалиям содержание «контекстуального элемента» преступлений против человечности, которое имеет непосредственное значение для применения национального уголовного законодательства.

В исследовании представлено авторское решение ряда проблем, связанных с криминализацией преступлений против человечности и их квалификацией в соответствии с действующими нормами российского уголовного законодательства, а также квалификацией преступлений против человечности в случае их возможной криминализации в национальном законодательстве.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в **основных положениях, выносимых на защиту**:

1. В российской и зарубежной доктрине доминирует позиция о том, что современная система преступлений против человечности основана на положениях Устава Нюрнбергского (в меньшей мере – Токийского) трибуналов. Также общим моментом является «перечневое» понимание современной системы и видов преступлений против человечности как составной части международных преступлений (преступлений против мира и безопасности человечества).

Для западной доктрины характерен однообразный подход к определению преступлений против человечности и их системы, основанный на предписаниях «уставных» норм международного права. Особенностью

российской доктрины, в условиях отсутствия в национальном уголовном законодательстве нормы о преступлениях против человечности, является отнесение к данным преступлениям геноцида, экоцида и (в качестве самостоятельного деяния) апартеида.

2. Нормативными основаниями современной системы преступлений против человечности (в плане материального права) необходимо считать Устав Нюрнбергского трибунала, конвенции о международных преступлениях (в частности, о геноциде и апартеиде), уставы международных трибуналов *ad hoc*, Римский Статут Международного уголовного суда. Так как последний документ не имеет силы для Российской Федерации, его предписания формально не могут быть использованы в качестве нормативной основы криминализации преступлений против человечности в национальном праве.

3. «Контекстуальный элемент» преступлений против человечности, определенный в уставах международных трибуналов *ad hoc*, к настоящему времени претерпел самые существенные изменения. Решающая роль в этой трансформации принадлежит практике указанных трибуналов. В частности, из «контекстуального элемента» преступлений против человечности исчезли требования установления обязательной связи такого преступления с вооруженным конфликтом, а также обязательного участия государства в его совершении в виде осуществления «политического плана». Обязательными составляющими «контекстуального элемента» преступлений против человечности является установление широкомасштабного или систематического характера нападения на гражданское население, под которым понимаются все (любые) гражданские лица на территории совершения нападения.

4. Изменение «контекстуального элемента» преступлений против человечности позволяет четко разграничить деяния, объективные признаки которых совпадают в конкретных составах преступлений против человечности и военных преступлений (например, убийства, пытки, причинения

«серьезного» вреда здоровью, актов сексуального насилия). При установлении непосредственной связи такого деяния с вооруженным конфликтом международного или внутреннего характера оно должно быть квалифицировано как военное преступление. Это имеет большое значение для квалификации деяний в национальной юрисдикции в государствах, чье уголовное законодательство не предусматривает норм о преступлениях против человечности. В частности, для России данное обстоятельство принципиально важно для целей ст. 356 УК РФ («Применение запрещенных средств и методов ведения войны»).

5. На основе анализа действующих норм международного уголовного права, практики международных трибуналов *ad hoc* и «контекстуального элемента» предложено авторское определение преступлений против человечности: *«Преступления против человечности – это умышленные деяния, являющиеся частью системы преступлений против мира и безопасности человечества, выраженные в широкомасштабном или систематическом нападении на гражданское население, не связанном с вооруженным конфликтом. Преступность этих деяний установлена в международном уголовном праве и рекомендована к установлению в национальном уголовном законодательстве».*

6. С учетом положительного зарубежного опыта, наиболее приемлемой для Российской Федерации представляется «рамочная» модель криминализации преступлений против человечности в национальном законодательстве посредством *трансформации* действующих для России норм международного права о преступлениях против человечности во внутреннее законодательство (то есть формулирование самостоятельной нормы в 34 главе УК РФ). В работе предложен авторский вариант такой криминализации, основанный на положениях Устава Нюрнбергского трибунала, уставов международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, а также действующих для России конвенционных норм международного уголовного права.

7. В условиях отсутствия самостоятельной нормы о преступлениях против человечности в национальном законодательстве, квалификация таких деяний по УК РФ может осуществляться лишь по «остаточному» принципу.

Деяние, совершенное в рамках широкомасштабного и/или систематического нападения на гражданское население, не связанного с вооруженным конфликтом, может быть квалифицировано как акт геноцида (ст. 357 УК РФ) при соблюдении двух условий: а) гражданское население принадлежит к определенной национальной, расовой, этнической или религиозной группе; б) установлена цель полного либо частичного уничтожения такой группы.

При несоблюдении указанных условий деяние квалифицируется как «общеуголовное преступление» против личности (убийство, умышленное причинение вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и пр.). В случае криминализации нормы о преступлении против человечности последняя должна иметь квалификационный приоритет над «общеуголовными» нормами УК РФ (прежде всего – над нормами о преступлениях против жизни и здоровья, личной свободы, половой свободы и половой неприкосновенности личности).

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что результаты настоящей работы вносят определенный вклад в развитие научного понимания преступлений против человечности как составной части системы преступлений против мира и безопасности человечества.

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты также выступают предпосылкой развития перспективных научных исследований по проблемам уголовной ответственности за совершение данных преступлений и, в целом, преступлений против мира и безопасности человечества.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы:

– при формировании уголовно-правовой политики государства в плане противодействия совершению преступлений против человечности и иных преступлений против мира и безопасности человечества (как это указано в ч. 1 ст. 2 УК РФ);

– в процессе совершенствования национального уголовного законодательства, ставящего в качестве одной из своих задач обеспечение международного мира и безопасности человечества;

– при подготовке руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации;

– в учебном процессе юридических вузов и факультетов при преподавании курса уголовного права и соответствующих специализированных курсов («Преступления против мира и безопасности человечества», «Международное уголовное право»).

Степень достоверности результатов исследования обеспечена использованием значительного количества источников (прежде всего, решений международных уголовных трибуналов *ad hoc*), научной литературы, исследованием объективных и субъективных признаков преступлений против человечности, соотнесением полученных результатов с достижениями теории и практики уголовного и международного уголовного права, в том числе, в плане противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества.

Обоснованность и достоверность подтверждаются обширной эмпирической базой исследования, позволившей максимально точно и полно выявить специфику преступлений против человечности, криминализация которых возможна (а, с учетом развития системы международного права – рекомендована) в уголовном законодательстве России.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, полученные в результате проведенного диссертационного исследо-

вания, докладывались на заседаниях кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института.

Результаты диссертационного исследования сообщались на следующих международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях:

– VI Международная научно-практическая конференция «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании–2021» (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 22–24 июня 2021 г.);

– XII Российский конгресс уголовного права (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 28–29 мая 2020 г.);

– «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» (Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 14 февраля 2020 г.);

– V Международная научно-практическая конференция «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, 20 сентября 2019 г.);

– «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» (Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 15 февраля 2019 г.);

– ежегодные научно-практические конференции «Университетская наука – региону» (Северо-Кавказский федеральный университет, апрель 2019 г.; апрель 2018 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Северо-Кавказского социального института, Краснодарского университета МВД России, а также используются в практической деятельности прокуратуры Ставропольского края.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в пяти опубликованных работах, включая четыре статьи в специализированных периодических изданиях перечня ВАК при Министерстве науки и

высшего образования Российской Федерации¹⁷.

Структура и объем диссертации. Диссертация выполнена в объеме, соответствующем требованиям ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Структура работы определялась с учетом специфики темы. Диссертация состоит из введения, четырех глав (включающих восемь параграфов), заключения, списка литературы и использованных источников.

¹⁷ **Основные результаты диссертации опубликованы в следующих работах автора:**

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. *Невский Р.Э.* Перспектива криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 3. С. 29–34.

2. *Невский Р.Э.* Доктринальное понимание «контекстуального элемента» преступлений против человечности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4. С. 272–273.

3. *Котов С.В., Невский Р.Э.* Исполнение приказа при совершении преступлений против человечности: использование опыта международного права в российском уголовном праве // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5. С. 262–263.

4. *Невский Р.Э., Троицкий Н.С.* Военные преступления и преступления против человечности: общее и особенное в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 197–202.

Публикации в иных изданиях

5. *Невский Р.Э., Троицкий Н.С.* Где находится грань между военным преступлением и преступлением против человечности? // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: Материалы XII Российского конгресса уголовного права. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 174–177.

Глава 1. ДОКТРИНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

История юридического (легального) признания тех или иных деяний в качестве преступлений против человечности и ответственности за них насчитывает более ста пятидесяти лет. И все это время доктрине идут оживленные споры о том, что такое «человечность» как международно-правовая категория, какие именно деяния необходимо понимать под преступлениями против человечности, в чем состоит их социально-юридическая сущность, необходимо ли введение уголовного преследования за совершение таких преступлений на национальном уровне и т.д.

Многие авторы начинают отсчет времени существования понятия «преступления против человечности» с момента принятия Санкт-Петербургской декларации «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль» от 29 августа 1868 г., в тексте которой сказано, что применение таких снарядов противоречит «законам человеколюбия». Практически все исследователи, занимающиеся данной проблематикой, упоминают знаменитую «оговорку» Ф.Ф. Мартенса, сделанную в преамбуле Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.¹⁸. По мнению подавляющего большинства авторов, данная оговорка¹⁹ стала

¹⁸ См.: *Грицаев С.А.* Эволюция понятия «преступления против человечности»: от Санкт-Петербургской декларации 1868 г. до Римского статута 1998 г. // *Международное уголовное правосудие: современные проблемы.* М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 174;

Глотова С.В. Концепция преступлений против человечности: генезис и современное понимание концепции // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2016. № 3. С. 101–108;

Самович Ю.В. Генезис международно-правовой регламентации понятия «преступления против человечности» // *Вестник Томского государственного университета.* 2012. № 357. С. 132–135.

¹⁹ «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны ... население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

основанием появления в международно-правовых документах²⁰ самого термина «преступления против человечности»²¹.

1.1. Российская доктрина о преступлениях против человечности

Отечественные авторы единодушны в том, что отправной точкой для формирования современной системы преступлений против человечности в международном (а впоследствии – и в национальном) уголовном праве стало «Нюрнбергское наследие»²². Прежде всего – это Устав и Приговор Нюрнбергского трибунала.

По словам А.В. Наумова, «наиболее серьезное влияние на развитие международного уголовного права оказало именно создание и функционирование Нюрнбергского международного военного трибунала», так как «именно в его Уставе были сформулированы нормы о составах тягчайших международных преступлений, а именно: преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности». Кроме того, «основные принципы Нюрнберга, и, в первую очередь, основания криминализации преступлений против мира и безопасности человечества, оказали громадное влияние на развитие национального уголовного права мно-

²⁰ А именно – в Декларации правительств Великобритании, России и Франции, посвященной истреблению армянского населения Турции в 1915 г.

²¹ Надо заметить, что в доктрине высказана позиция о том, что «Оговорка Мартенса» не имеет отношения пониманию «человечности» и «преступлений против человечности», так как она целиком и полностью относилась к формировавшемуся в то время праву вооруженных конфликтов.

См.: *Пикте Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1994. С. 80.

²² Подробнее об истории формирования системы преступлений против человечности см.: *Колчевский И.Б.* Возникновение и содержание понятия «преступления против человечности» // Закон и право. 2016. № 12. С. 103–105;

Курносова Т.И. История закрепления понятий о военных преступлениях и преступлениях против человечности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 110–115;

Светличная Д.В. К истории международной криминализации преступлений против человечности // Международный правовой курьер. 2019. № 5. С. 31–36;

Триkoz Е.Н. Преступления против человечности в международном уголовном праве // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 100–117.

гих государств». Наконец, «Нюрнберг явился мощным стимулом для развития уголовно-правовой доктрины». Его идеи «остаются основополагающими для разработки теоретических основ уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества народов как неотъемлемой составной части науки уголовного права, в том числе, теоретической разработки доктринального толкования соответствующих составов преступлений, предусмотренных как международным, так и национальным уголовным правом»²³.

Как указывают О.Н. Хлестов и Н.В. Прокофьев, формулирование в ходе Нюрнбергского процесса понятия «преступления против человечности» и решения Трибунала «содействовали разработке международно-правовых норм о защите прав человека в мирное время, о международном сотрудничестве в этой области»²⁴.

В этом вопросе солидарны практически все другие отечественные авторы, указывающее на решающее воздействие «Нюрнбергского наследия» на принятие основополагающих норм международного уголовного права, в которых начала формироваться современная система преступлений против человечности²⁵.

²³ Наумов А.В. Нюрнбергский процесс и международный правопорядок // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 30–31.

²⁴ Хлестов О.Н., Прокофьев Н.В. Уроки Нюрнберга // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 44.

²⁵ См.: Булдаков Б.С. Нюрнбергский процесс и Хабаровский процесс – два главных события XX В. В борьбе с преступлениями против человечности // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 7. С. 107–112;

Валеев Р.М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридическая наука. 2015. № 5. С. 69–74;

Лебединец И.П. Международное уголовное право. М.: Проспект, 2017. С. 21–22;

Международное уголовное право. 2-е изд. / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1999. С. 28;

Мальцев А.В. Преступления против человечности // Влияние итогов Нюрнбергского процесса на становление новой системы международного судопроизводства / под ред. А.Г. Чернявского, Г.Ф. Чекмарева, Н.А. Синяевой. М.: Русайнс, 2022. С. 54–56;

Радошнова Н.В., Варфоломеева Т.В., Карлик С.М. Решение Нюрнбергского международного военного трибунала как правовое основание криминализации преступлений против человечности // Вопросы экономики и права. 2021. Вып. 157. С. 24–28;

Речь идет, прежде всего, о принятии таких «ключевых» документов международного права как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.²⁶; Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г.²⁷; Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г.²⁸

Отметим, что в последнее время в отечественной доктрине подчеркивается важность «Нюрнбергского наследия» для систематизации системы преступлений против человечности (а равно и иных международных преступлений) в уставах современных международных трибуналов *ad hoc* по Руанде и бывшей Югославии и, в итоге, в Римском Статуте Международного уголовного суда. Одними из первых на данное обстоятельство обратили внимание И.И. Лукашук и А.В. Наумов²⁹. Сейчас эта позиция стала, поистине, аксиоматичной³⁰.

Например, по словам И.М. Сафиуллиной, «целью создания международного уголовного правосудия является наказание конкретных людей за совершение конкретных международных преступлений, воплощающее в

Решетов Ю.А. Развитие норм международного права о преступлениях против человечности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. *И.А. Ледях, И.И. Лукашука*. М.: Институт государства и права РАН, 1995. С. 169–179;

Слабкая Д.Н., Новиков А.В. К вопросу о преступлениях против человечности // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1. С. 140–148.

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

²⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

²⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 43. Ст. 686.

²⁹ *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. С. 122.

³⁰ См.: *Васякина Е.В.* Эволюция международных уголовных трибуналов (1945–1994 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2014. С. 12;

Грицаев С.А. Теоретические аспекты правосудия по Римскому Статуту Международного уголовного суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2005. С. 12;

Моргун Д.О. Правые основы и механизмы сотрудничества органов международной уголовной юстиции с субъектами международного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. С. 16–17;

Рабданова А.А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. С. 15.

себе не месть, а торжество закона». При этом «значение Нюрнбергского процесса в данном случае трудно переоценить». Несмотря на значительный период времени, прошедший с момента принятия Нюрнбергским трибуналом Приговора, «проблема международных преступлений по-прежнему остается одной из самых актуальных».

На основе анализа уставов международных трибуналов *ad hoc* и Римского Статута Международного уголовного суда, автор пришла к выводу о том, что «международные законодатели» (т.е. разработчики Римского Статута) «по большей части ... фактически вернулись к формулировкам Устава, Регламента и Приговора Нюрнбергского трибунала, как наиболее удачным, с учетом практики трибуналов по Югославии и Руанде, а также с учетом сложившихся международных норм в области прав человека». Таким образом, «Нюрнбергские принципы, закрепившие международную уголовную ответственность физических лиц за совершение международных преступлений, стали основополагающими принципами международного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права»³¹.

По мнению М.Р. Накашидзе, Устав и Приговор Нюрнбергского Трибунала, «кодифицировав уже существовавшие нормы международного права, устанавливавшие преступный характер тех или иных деяний, впервые на международном уровне установили конкретные меры ответственности за их совершение, а также, заложили структуру и механизм международной уголовной юстиции, осуществляющей свою деятельность на основе международного уголовного судопроизводства, базирующегося на Нюрнбергских принципах»³².

³¹ Сафиуллина И.П. Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: автореферат дис. канд. юрид. наук. Казань: Казанский государственный университет, 2003. С. 2–3.

³² Накашидзе М.Р. Органы международной уголовной юстиции: проблемы становления и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2007. С. 6.

Наконец, по словам Н.И. Агамирова, «Нюрнбергское наследие», отраженное в уставах международных трибуналов *ad hoc* и Римском Статуте Международного уголовного суда, имеет «непреходящее значение и оказывает влияние на развитие норм и принципов международного права об ответственности за международные преступления». Такое «непреходящее значение» также состоит в том, что «в ходе процесса на практике был реализован принцип уголовной ответственности физических лиц, виновных в совершении преступлений против международного права». В свою очередь, формулирование принципа личной ответственности за совершение международных преступлений положило «начало процессу становления и развития международного уголовного права, призванного защищать жизнь и достоинство человеческой личности, мир и безопасность народов, обеспечивать международную законность и правопорядок. Большое значение уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов состоит в том, что они ввели принципиально новый и совершенно необходимый элемент в механизм обеспечения мира, а именно – индивидуальную уголовную ответственность по международному праву». Данное нововведение «носило революционный характер»³³.

Что касается *дефиниции преступлений против человечности*, то в российской доктрине обычно говорится о том, что эти преступления являются частью системы против мира и безопасности человечества (или просто – преступлений против человечества³⁴). При этом современные отечествен-

³³ Агамиров Н.И. Международный уголовный суд в новых политических реалиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.

³⁴ Надо оговориться, что в отечественной литературе высказана точка зрения об идентичности понятий «преступления против человечества» и «преступления против человечности». Авторы обосновывают положение о рассмотрении понятий «преступления против человечества» и «преступления против человечности» как синонимов «на основе проведенного анализа генезиса в русском языке английского термина “humanity”». В итоге они приходят к заключению о том, что «“преступления против человечества” и “преступления против человечности” обозначают одну группу преступлений, направленных против человечества как совокупности людей, человечности».

См.: Иногамова-Хегай Л.В., Курносова Т.И. Международные «преступления против человечности» и «преступления против человечества»: их соотношение // Общество и право. 2015. № 4. С. 74.

ные авторы, вслед за «классическими трудами»³⁵, констатируют тот факт, что эти преступления являются «тягчайшими», «чудовищными», «самыми серьезными» международными преступлениями.

В итоге большинство исследователей приводят «перечневый» список преступлений против человечности, как он был сформулирован в Уставе Нюрнбергского трибунала и развит в уставах современных международных трибуналов *ad hoc* и Римском Статуте Международного уголовного суда. Говоря иными словами, в работах большинства отечественных авторов не дается собственного определения преступлениям против человечности, а приводится их система и виды в соответствии с нормами международного права. При этом обычно подчеркивается, что в наиболее «законченном» виде система преступлений против человечности сформулирована в ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда³⁶ (не имеющего силу для нашего государства).

Надо сказать, что в отечественной доктрине также высказывалась довольно необычная позиция, согласно которой система преступлений против человечности практически отождествлялась со всей системой преступлений против мира и безопасности человечества³⁷. Однако данная точка зрения поддержки не нашла. Причина тому – явное заблуждение авторов относительно природы преступлений против человечности как самостоя-

См. также: *Пшеничнов И.М.* Преступления против человечности и человечества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 329–332.

³⁵ См., например: *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М.: Юридическая литература, 1979. С. 33; *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 7–8.

³⁶ См.: *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. М.: Проспект, 2014. С. 61–62;

Кубанцев С.П. Преступления против человечности: международно-правовой аспект // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 66–68;

Лебединец И.П. Международное уголовное право. М.: Проспект, 2017. С. 21;

Панов В.П. Международное уголовное право. М.: Инфра–М, 1997. С. 54–55;

Попаденко Е.В. Международное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 78–84; и др.

³⁷ *Лулу А.А., Оськина И.Ю.* Транснациональное криминальное право. М.: Дело и сервис, 2012. С. 126–128.

тельной разновидности международных преступлений (т.е. преступлений против мира и безопасности человечества как таковых).

Обратных примеров, связанных с формулированием самостоятельного понятия преступлений против человечности и их системы, в российской науке немного.

Отметим точку зрения И.Б. Колчевского, который под преступлениями против человечности предложил понимать «общественно опасные бесчеловечные деяния, посягающие на личность, основные неотъемлемые (общечеловеческие) права и свободы человека, а также иные права и свободы, охраняемые международным гуманитарным правом, совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц как в мирное, так и в военное время». Соответственно, общим объектом преступлений против человечности предложено считать «личность человека, совокупность основных неотъемлемых прав и свобод человека, иные права и свободы, установленные международным гуманитарным правом и соответствующими ему нормами и принципами»³⁸.

Такое определение преступлений против человечности можно признать удачным и корреспондирующим к нормам международного уголовного права. За одной оговоркой: как будет показано далее, современный «контекстуальный элемент» преступлений против человечности дает все основания считать, что они, конечно, могут совершаться в военное время, но при этом должна быть исключена их непосредственная связь с самим вооруженным конфликтом.

А.Г. Кибальник, говоря о «группе» преступлений против человечности, указывает, что их непосредственным основным объектом является «безопасность человечества, представляющая собой состояние защищенности человечества в целом либо демографических групп от угроз их физическому существованию. Безопасность человечества вовсе не обязатель-

³⁸ Международное уголовное право / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Юрайт, 2016. С. 152–154.

но связана с фактом наличия состояния войны или вооруженного конфликта». Далее, «ввиду характера угроз... их дополнительными объектами необходимо признавать весь комплекс личных прав и свобод человека (в первую очередь, жизнь и здоровье), а также право на безопасность окружающей среды»³⁹.

Данное определение также не вызывает особых нареканий. Единственное замечание касается того, что современный «контекстуальный элемент» преступлений против человечности (измененный со времени Нюрнберга и принятия Устава Международного трибунала), как это будет показано далее, не связывает защиту гражданского населения с фактом его принадлежности к какой-либо защищаемой «демографической группе».

Наконец, Н.М. Лямин отмечает, «что родовым объектом преступлений против человечности является состояние защищенности человечества в целом, а также его демографических и (или) иных групп и индивидуальных прав человека от угроз преступных посягательств». Автор подчеркивает, что действующие нормы международного уголовного права «не предполагают наличие специального субъекта в составах преступлений, отнесенных к категории преступлений против человечности»⁴⁰.

Обобщая приведенные точки зрения, можно утверждать, что в отечественной доктрине система преступлений против человечности формулируется преимущественно «перечневым» способом в соответствии с действующими нормами международного уголовного права, начиная с Устава Нюрнбергского трибунала. Авторы, предлагающие самостоятельное определение преступлений против человечности (при имеющейся разнице в терминологии), солидарны в том, такими преступлениями являются деяния, признанные международными преступлениями, изначально посягающие на интересы безопасности человечества в целом. Эти преступления

³⁹ *Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В.* Международное уголовное право / под ред. *А.В. Наумова, А.Г. Кибальника*. 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 192.

⁴⁰ *Лямин Н.М.* Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 20–21.

ставят под угрозу жизненно важные интересы гражданского населения вне непосредственной связи с военными действиями (вооруженным конфликтом).

Более серьезные дебаты в отечественной доктрине идут относительно понимания современной *системы преступлений против человечности* на международном и национальном уровнях. То обстоятельство, что в эту систему (по крайней мере, на международном уровне) включаются преступления, перечисленные в «уставные» нормы послевоенных и современных международных трибуналов, а также ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда, ни у кого не вызывает сомнений. Однако, в ситуации отсутствия самостоятельной нормы о преступлениях против человечества в российском уголовном законодательстве, споры развернулись в несколько иной плоскости, что стало отличительной чертой отечественного подхода в понимании преступлений против человечности.

В 34-й главе УК РФ сформулированы (под прямым влиянием международного уголовного права – это обстоятельство общепризнанно) составы преступлений против мира и безопасности человечества. Как уже говорилось, самостоятельной нормы о преступлениях против человечности в ней нет. Зато есть другие нормы, в которых российские авторы видят наличие именно этих преступлений.

1. В первую очередь, речь идет о *геноциде*. С момента принятия в 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него именно геноцид стал расцениваться в качестве «тягчайшего» преступления против человечности (человечества).

Исходной точкой такого подхода стала известная позиция А.Н. Трайнина. Он считал, что, несмотря на отсутствие геноцида в перечне преступлений в Уставе Нюрнбергского трибунала (термин «геноцид» также не употреблен и в Приговоре Нюрнбергского трибунала), именно в нем (Приговоре) впервые было сформулировано смысловое понимание этого деяния

«как системы преступных действий, направленных на физическое уничтожение ... [какой-либо специально говоренной] группы населения»⁴¹.

На основе этой «классической» (для российской доктрины) точки зрения при определении круга преступлений против человечности отечественные авторы традиционно говорят о «геноциде», с одной стороны, и «иных преступлениях против человечности» – с другой⁴². «Исключительный» характер преступления геноцида традиционно связывается не столько с признаками объективной стороны (они во многом совпадают с конкретными видами преступлений против человечности – убийством, причинением «серьезного» вреда здоровью), сколько с «чудовищностью» его целей – полного либо частичного уничтожения специально защищаемой демографической группы (национальной, расовой, этнической, религиозной)⁴³.

Исходя из этой посылки, в отечественной доктрине обычно оговаривается, что геноцид является «специальным видом преступлений против человечности»⁴⁴ или «преступлением против безопасности всего человечества»⁴⁵. Например, по словам Е.Н. Трикоз, геноцид действительно «ближе всего стоит к преступлениям против человечности. В то же время он отличается от них по масштабам репрессий против определенных групп насе-

⁴¹ *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969. С. 409.

⁴² См.: *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. М.: Проспект, 2014. С. 59–61;

Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. С. 122–124; и др.

⁴³ *Кибальник А.Г.* Геноцид в решениях современных международных трибуналов // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2011. № 1. С. 14.

⁴⁴ См.: *Курс уголовного права.* Т. 5. Особенная часть / под ред. *Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова.* М.: Зерцало–М, 2002. С. 383;

Полный курс уголовного права. Т. V. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. *Международное уголовное право* / под ред. *А.И. Коробеева.* СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. С. 837.

⁴⁵ См.: *Российское уголовное право. Общая и Особенная части.* Т. 3. Особенная часть / под ред. *Н.А. Лопашенко.* М.: Юрлитинформ, 2014. С. 653–654;

Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. *В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой.* М.: Проспект, 2015. С. 850;

Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд. / под ред. *А.В. Наумова.* М.: Wolters Kluwer, 2010. С. 753.

ления и ярко выраженными специфическими целями». Его (геноцид) отличают «особые цели – физическое уничтожение именно отдельных национальных, этнических, расовых или религиозных групп населения»⁴⁶.

Отметим, что в литературе встречаются случаи отнесения геноцида к военным преступлениям (то есть, к преступным нарушениям правил и методов ведения вооруженного конфликта либо преступлениям, посягающим на регламентированные международным правом средства и методы ведения войны)⁴⁷. Полагаем, что данная позиция не вполне точно отражает понимание геноцида в современном уголовном и международном праве.

Так, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. прямо указывает, что акты геноцида могут быть совершены как в военное, так и в мирное время (т.е. собственно, это обстоятельство юридического значения не имеет). Да из новейшей истории хорошо известно, что акты геноцида в отношении народности тутси и ставшие предметом разбирательства Международного трибунала по Руанде, были совершены в мирное время⁴⁸.

Так или иначе, для российской доктрины, не смотря на остающиеся терминологические разночтения, продолжает оставаться доминирующей позиция о необходимости признания геноцида преступлением против человечности (в качестве «самого опасного», «самого тяжкого», затрагивающего интересы «существования человечества» и т.д.⁴⁹). Ряд авторов

⁴⁶ Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 150.

⁴⁷ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М.: Спарк, 1998. С. 471;

Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 8-е изд. / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2014. С. 771.

⁴⁸ Специалисты-криминологи считают, что к обстоятельствам, «создающим благодатную почву для геноцида» все же надо относить состояние войны или военного (вооруженного) конфликта, что, в принципе, не вызывает возражений.

См.: Аванесян В.В. Геноцид: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11.

⁴⁹ Недаром в литературе предложено, «исходя из высочайшей степени общественной опасности» геноцида, считать потерпевшими от него «всех представителей демографической группы, вне зависимости от того, скольким лицам причинен физический или имущественный вред».

предприняли попытку считать геноцид (на основе буквального понимания ст. 6 и 7 Римского Статута Международного уголовного суда, а также соответствующих норм уставов трибуналов по Руанде и бывшей Югославии) в качестве самостоятельного преступления, отличающегося по своей природе от преступлений против человечности⁵⁰.

Однако последняя позиция в отечественной доктрине не нашла поддержки, и геноцид продолжает расцениваться подавляющим большинством российских авторов в качестве «тягчайшего» преступления против человечности (человечества как такового либо безопасности человечества).

2. Второй отличительной чертой российской доктрины является признание *экоцида* в качестве самостоятельного преступления против человечности (безопасности человечества). Данный подход прямо корреспондирует к положениям ст. 358 УК РФ. Эта норма, по мнению В.Н. Кудрявцева⁵¹, появилась в отечественном законодательстве в силу предписаний Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 апреля 1981 г.⁵².

Представление о преступлении экоцида исторически корреспондирует к актам международного права, регламентирующим применение методов и средств ведения вооруженных конфликтов (в частности, к вышеназванной

См.: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. С. 89.

⁵⁰ Например, Т.Г. Дадуани выделил следующие признаки, отличающие геноцид от преступлений против человечности: 1) «чтобы доказать факт совершения преступления геноцида не требуется доказывать связь данного преступления с военными действиями, что является условием при совершении преступления против человечности»; 2) геноцид «отличает от других преступлений против человечности то, что совершение данного преступления имеет целью уничтожение группы, как таковой, что не является обязательным условием при квалификации случаев, относящихся к бесчеловечным преступным деяниям».

См.: Дадуани Т.Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

⁵¹ См.: Международное уголовное право. 2-е изд. / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1999. С. 131–132.

⁵² Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.

Конвенции и I Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям о защите жертв войны). Действительно, исторически вопрос о преступности экоцида возник в связи с массовым уничтожением лесов во время войны США во Вьетнаме. Однако в последующем возможность совершения этого преступления перестала рассматриваться в «жесткой связке» с наличием вооруженного конфликта – совершение акта экоцида «стало расцениваться как преступление против безопасности человечества вне зависимости от того, совершен он в мирное или в военное время»⁵³.

В настоящее время под экоцидом (у ряда авторов употреблен практически либо во многом совпадающий по содержанию термин «биоцид»⁵⁴) обычно понимается умышленное совершение такого неблагоприятного воздействия на природную среду, которое может привести к экологической катастрофе либо иному природному бедствию «самых серьезных масштабов». В результате под угрозой могут оказаться жизни неопределенного круга лиц на значительных территориях (вплоть до глобального уровня)⁵⁵.

Именно по этой причине в отечественной доктрине все чаще звучат призывы о признании экоцида преступлением не только на национальном, но и на международном уровне. По мнению А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцева, в настоящее время вопрос о признании экоцида преступлением против человечности «является нерешенным». Не смотря на всю очевидность того факта, что уничтожающее (неважно, в ходе вооруженного конфликта или нет) воздействие на окружающую среду создает реальную угрозу ин-

⁵³ См.: *Греченкова О.Ю.* Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2007. С. 10;

Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. С. 109.

⁵⁴ О спорах в различии содержания понятий «экоцид» и «биоцид» см., например: *Давитадзе М.Д.* Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 85–89.

⁵⁵ Обзор точек зрения по этому вопросу см.: *Королев А.Н.* Экоцид в системе международных правонарушений // Международное публичное и частное право. 2007. № 2. С. 46–48.

тересам безопасности всего человечества, «в перспективе ситуация [с официальным признанием экоцида как преступления против человечности на международном уровне – Р.Н.] не будет меняться к лучшему». На сегодня, несмотря на доктринальные разработки, ни в одном действующем международно-правовом акте не содержится дефиниции экоцида. Причина заключается в том, то «оценки международных событий часто носят политический характер». Поэтому необходимо перевести вопрос о криминализации и пенализации преступления экоцида в правовую плоскость: в частности, он может быть криминализован как самостоятельное преступление или как разновидность преступлений против человечности в Римском Статуте Международного уголовного суда⁵⁶.

Так или иначе, многие отечественные авторы в настоящее время признают экоцид в качестве самостоятельного преступления против человечности либо преступления против безопасности человечества в целом.

3. Как известно, в ч. 1 (j) ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда в качестве одного из преступлений против человечности прямо определен *апартеид* (в самом общем смысле – осуществление политики дискриминации по расовому признаку). Для России Римский Статут не имеет юридической силы – но действуют другие акты международного права, предписывающие установить преступность апартеида на национальном уровне. Речь идет о таких основополагающих актах международного права как Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г.⁵⁷ и (что даже важнее) Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г.⁵⁸.

Поэтому в отечественной доктрине практически единодушно апартеид признавался и признается самостоятельным преступлением против че-

⁵⁶ *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Экоцид как международное преступление: проблемы и перспективы // *Международное уголовное правосудие: современные проблемы*. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 273–274.

⁵⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

⁵⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 43. Ст. 686.

ловечности по международному праву (не смотря на тот факт, что в российском уголовном законодательстве самостоятельной нормы о преступлении апартеида нет)⁵⁹.

В настоящее время все большее число исследователей высказывается требование о необходимости его криминализации в этом качестве (то есть как преступления против человечности) в главе 34 УК РФ. В частности, Т.Г. Гигинейшвили предложила введение в УК РФ самостоятельной нормы об апартеиде как «совершаемой в рамках широкомасштабного или систематического преследования расовой, религиозной, национальной, этнической, политической и иной социальной группы, а равно в условиях институционализированной дискриминации названной группы в целях установления и поддержания господства над такой группой»⁶⁰.

4. Надо отметить, что в отечественной доктрине были высказаны «нестандартные» точки зрения о необходимости отнесения к преступлениям против человечности деяний, образующих незаконный оборот оружия массового поражения⁶¹, а также международного терроризма⁶².

Как представляется, преступление, предусмотренное в ст. 355 УК РФ, непосредственно не посягает на интересы, защищаемые международными и национальными нормами о преступлениях против человечности (если, конечно следовать доминирующей в доктрине позиции).

⁵⁹ См.: Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. С. 124–125;

Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 185–187.

⁶⁰ Гигинейшвили М.Т. Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2013. С. 9.

⁶¹ См.: Полный курс уголовного права. Т. V. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. С. 841.

⁶² Иногамова-Хегай Л.В. Международный терроризм как международное преступление против человечности в международном уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1. С. 19–23.

По справедливому мнению подавляющего большинства авторов, незаконный оборот оружия массового поражения (ядерного, химического, биологического и иного) создает угрозу международному миру – и в этом кроется суть криминализации этого деяния⁶³. Очевидно, что запрещенные к обороту виды оружия по определению не имеют избирательного действия. Потенциально их незаконный оборот (не говоря уже о возможном применении) создает опасность существованию совершенно для всех людей, оказавшихся в зоне поражения, и в этом заключается общественная опасность незаконного оборота оружия массового поражения для всего человечества.

Что касается акта международного терроризма (как он сформулирован в национальном уголовном законодательстве), то в ст. 361 УК РФ прямо названы альтернативные цели его совершения: стремление виновного нарушить мирное сосуществование государств и народов либо причинить вред интересам Российской Федерации. Несмотря на неоднозначность определения акта международного терроризма в УК РФ, наличие в нем явных «просчетов» и «огрехов» (о чем говорят многие авторы⁶⁴), буквальное понимание перечисленных целей акта международного терроризма дает

⁶³ Полагаем правильной позицию о том, что «с точки зрения международного и национального уголовного права, незаконный оборот оружия массового поражения необходимо относить к числу «тягчайших» преступлений против международного мира... Именно интересы по обеспечению международного мира надо признать основным непосредственным объектом незаконного оборота оружия массового поражения, являющимся составной частью интересов мира и безопасности всего человечества в глобальном масштабе. В то же время интересы обеспечения безопасности человечества могут являться дополнительным непосредственным объектом этого преступления (особенно при незаконном обороте оружия массового поражения с целью дальнейшего совершения преступлений террористического характера)».

См.: *Гедиев М.Ш.* Незаконный оборот оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2012. С. 8–9.

⁶⁴ По этому вопросу см., например: *Волеводз А.Г.* К вопросу об установлении уголовной ответственности за акт международного терроризма: что не учел законодатель в ст. 361 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 75–90;

Лобач Д.В. Некоторые проблемные аспекты квалификации, возникающие в результате криминализации международного терроризма // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 5. С. 53–59.

основание расценивать данное преступление как преступление, изначально направленное против интересов международного мира⁶⁵.

Вывод по параграфу.

Для российской доктрины характерно «перечневое» понимание преступлений против человечности, основанное на нормах международного уголовного права. При этом доминирующей позицией является признание Устава Нюрнбергского трибунала в качестве отправной точки формирования системы преступлений против человечества в международном (впоследствии – в национальном) уголовном праве. Не смотря на то, что Римский Статут Международного уголовного суда не имеет юридической силы для Российской Федерации, большинство отечественных авторов солидарны во мнении о том, что в ст. 7 этого документа система преступлений против человечности изложена, по состоянию на текущий момент, в наиболее завершенном виде.

Отличительной особенностью российской доктрины является то обстоятельство, что в качестве самостоятельных преступлений против человечности (безопасности всего человечества) расцениваются преступления геноцида, экоцида и (потенциально) апартеида. Такое положение вещей, во многом, обусловлено фактом отсутствия в национальном уголовном зако-

⁶⁵ Нельзя не согласиться с утверждением о том, что «в качестве основного непосредственного объекта акта международного терроризма необходимо признавать *международный мир* как совокупность общественных интересов и отношений, обеспечивающих отсутствие военных действий между государствами (группами государств) на основе и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права».

Действительно, ведь цель нарушения мирного сосуществования государств и народов (как она определена в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ) представляет собой «стремление виновного лица, совершившего акт международного терроризма, к результату в виде любого ухудшения состояния международного мира вплоть до провоцирования войны между государствами либо немеждународного вооруженного конфликта между народами». Далее, «если акт международного терроризма совершается с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов, то *место совершения такой акции не должно иметь юридического значения*. Такой акт может быть совершен в России, в иностранном государстве либо на нейтральной территории и подлежит квалификации по ст. 361 УК РФ».

См.: *Суворов В.А.* Уголовная ответственность за акт международного терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2019. С. 9–10.

нодательстве самостоятельной нормы о преступлениях против человечества, с чем согласны 20 из 25 (80%) опрошенных специалистов-теоретиков в области уголовного и международного уголовного права.

1.2. Зарубежная доктрина о преступлениях против человечности

Зарубежные (прежде всего, западные) специалисты обычно рассматривают систему преступлений против человечности в контексте создания и развития норм международного гуманитарного, международного обычного и международного уголовного права. В чем нет особых расхождений между отечественными и западными авторами – это в понимании того, что отправной точкой развития системы преступлений против человечности (в нормативно-позитивном смысле) стали Устав и Приговор Нюрнбергского трибунала и (в меньшей мере) документы Токийского процесса.

Например, Д. Робинсон (*D. Robinson*) прямо указывает, что термин «преступления против человечности» и его развитие в документах международного права не являются «современной новацией» (в плане определения в Римском Статуте Международного уголовного суда). Они «отражают развитие международного гуманитарного права со времен Нюрнберга»⁶⁶.

По словам «отцов-основателей» и признанных авторитетов доктрины современного международного уголовного права М.Ш. Бассиони (*M.Ch. Bassiouni*) и А. Кассезе (*A. Cassese*), именно Нюрнбергский процесс заложил основания для современного понимания преступлений против человечности «как таковых»⁶⁷. Его Устав и Приговор стали «отправной точкой» для официального их закрепления в Уставах международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, а также в Римском Статуте Международного уголовного суда⁶⁸.

⁶⁶ См., например: *Robinson D.* Defining «Crimes against Humanity» at the Rome Conference // *American Journal of International Law*. 1999. Vol. 93. № 1. P. 43–44.

⁶⁷ *Bassiouni M.Ch.* Crimes against Humanity in International Criminal Law. 2nd edition. New York: Martin Nijhoff Publ., 1999. P. 60–65.

⁶⁸ *Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A.* Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 86–89.

Изучая историю принятия Устава Нюрнбергского трибунала и его содержание, а также Приговор, известный американский автор Р. Кларк (*R. Clark*) пришел к выводу о том, что «точные контуры» преступлений против человечности остались в вышеназванных документах «неясными и, в значительной мере совпали с очертаниями понятия военных преступлений». Однако «наибольшую ценность представляет не само по себе создание доктрины преступлений против человечности, а то обстоятельство, что наряду с повторной криминализацией ведения агрессивной войны проторила себе путь для последующей законодательной разработки составов других преступлений, имеющих международное значение». Таким образом, создание доктрины преступлений против человечности «привело непосредственно к появлению в законе составов подобного рода преступлений»⁶⁹.

Как понимаются преступления против человечности в зарубежной доктрине?

Как правило, их определение дается на основе предписаний «уставных» норм международного уголовного права – то есть, положений Устава Нюрнбергского трибунала, уставов Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии и Римского Статута Международного уголовного суда. Обратимся к «классическим» точкам зрения признанных зарубежных авторитетов в области международного уголовного права.

Говоря о современном понимании системы преступлений против человечности, А. Кассезе выделяет следующие их основные черты:

1) преступления против человечности являются наиболее «одиозными» посягательствами, выражающиеся в «серьезной атаке» на человеческое достоинство и «смертельном унижении или деградации одного или нескольких людей»;

⁶⁹ Кларк Р. Преступления против человечности на Нюрнбергском судебном процессе // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И.А. Ледаха, И.И. Лукашука. М.: Институт государства и права РАН, 1995. С. 168–169.

2) преступления против человечности – это «не изолированные или спорадичные события», они представляют собой часть «широкомасштабной или систематичной практики», де-факто проводимой государством («официальными структурами государственной власти») либо «организованными политическими группами»;

3) преступления против человечности «запрещены» и «могут преследоваться вне зависимости от состояния войны и мира»;

4) жертвами преступлений против человечности становятся гражданские лица или (во время вооруженных конфликтов) лица, не принимающие непосредственного участия в вооруженном конфликте⁷⁰.

К. Киттичайзари (*K. Kittichaisaree*) также определяет преступления против человечности на основе общеобязательных принципов права, признанных мировым сообществом. Эти преступления, «находясь за пределами терпимости современной цивилизации», обладают следующими чертами:

1) эти деяния «бесчеловечны по своей природе и характеру»;

2) они «разрушают либо причиняют серьезный вред телесному или психическому здоровью»;

3) деяния совершаются «как часть широкомасштабного или систематического нападения»;

4) жертвами являются представители гражданского населения⁷¹.

К. Амбос (*K. Ambos*), также определяя преступления против человечности через положения «уставных» норм послевоенных и современных международных трибуналов и Римского Статута Международного уголовного суда, подчеркивает отсутствие обязательной необходимости устанавливать их непосредственную связь с вооруженным конфликтом и принад-

⁷⁰ Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 90–91.

⁷¹ Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. P. 85, 90.

лежность потерпевших к «дискриминируемым меньшинствам», и говорит о следующих неотъемлемых признаках этих преступлений:

- 1) существование контекста широкомасштабного и/или систематического нападения;
- 2) жертвами такого нападения выступают представители гражданского населения;
- 3) осознание виновным факта, что он участвует именно в широкомасштабном и/или систематическом нападении;
- 4) «индивидуально» совершенные деяния являются составной частью такого нападения⁷².

По словам сербского автора С. Ного (*S. Nogo*), преступления против человечности (человечества) «во многих отношениях ставят под угрозу основные права человека, которые отражаются в праве на жизнь, свободу и безопасность, достоинство и гуманное обращение». Преступления против человечности должны рассматриваться как «массовые преступления против гражданского населения», так как они «угрожают общепринятым человеческим ценностям, охраняемым международным правом».

При определении признаков преступлений против человечности С. Ного традиционно говорит о том, что они представляют собой «особо насильственное нарушение», «серьезное оскорбление человеческого достоинства и унижение одного или нескольких людей». Они состоят «не в отдельных или единственных событиях, а [являются] частью политики правительства или широкой или систематической практики совершения преступления, допускаемого или поддерживаемого правительством или фактической властью». Преступления против человечности «запрещены и должны быть наказаны независимо от того, совершены они во время войны или в мирное время», а их жертвами выступают «гражданские лица

⁷² *Ambos K. Crimes against Humanity and the International Criminal Court // Forging the Convention for Crimes against Humanity / ed. by L.N. Sadat. Cambridge University Press, 2011. P. 282, etc.*

или, лица, которые не участвуют (или больше не участвуют) в военных действиях».

Наконец, при доказывании преступлений против человечности необходимо установить, что «намерение лица, совершившего преступление, заключается в достижении определенного результата». Если виновный действовал «как представитель системы» и лично не участвовал в совершении преступления, «достаточно [установить], что ему было известно о риске, что такое деяние может иметь серьезное последствие для жертв, учитывая насилие и произвол системы, в которой были убиты жертвы». Также такое лицо «должно знать о связи между его действиями и проводимой политикой или практикой»⁷³.

Как видно из приведенных определений, в зарубежной (преимущественно – западной) доктрине выработано довольно однообразное понимание преступлений против человечности и их признаков. С другой стороны, иностранные авторы подвергают критике положения ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда, говоря о «неопределенности», «расплывчатости» ряда составов некоторых конкретных преступлений против человечности.

Так, Ч. Джело (*Ch. Jalloh*) на примере производства Международного уголовного суда относительно событий в Кении, заявляет о «неясности» положений Римского Статута относительно вовлеченности государства в совершение преступлений против человечности, а также о «неясности» определения «другие бесчеловечные деяния». По его мнению, «отсутствует концептуальный консенсус в отношении того, что делает преступление против человечности преступлением против человечности», и даже Римский Статут «не решает проблему». Ряд профессоров считают «требование о необходимости государственной политики для совершения атак» обязательным. Другие ученые утверждают, что «никакой элемент политики не

⁷³ Ного С. Международное уголовное право (пер. с сербского). СПб.: Юридический Центр Пресс, 2019. С. 130–132.

требуется». Третьи считают, что «в отношении организационного аспекта ... при отсутствии государственной политики должна существовать организация», такая организация должна быть «подобной государству и иметь определенный тип политики». Наконец, существует «еще более широкое правозащитное предположение о том, что преступления против человечности должны охватывать любое образование, способное совершать преступления против человечности».

Другими словами, «не совсем ясно, какова отличительная черта или особенность преступления против человечности, которое перемещает его из внутреннего в международное в такое состояние, чтобы его совершение привлечь интерес и осуждение международного сообщества в целом». Происходит ли это «из-за участия государства или организации в совершении или оправдании подлых злодеяний»? Или это просто «широко распространенные или систематические масштабы нападений на простых гражданских лиц»? Или, возможно, «сочетание каждого из этих факторов придает преступлению его существенный характер и превращает все человечество в жертв»?

В итоге Ч. Джело говорит о необходимости выработки «последовательного и сбалансированного подхода к новому определению преступлений против человечности» и изменении ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда. Определение преступлений против человечности в Римском Статуте «целесообразно рассматривать как политический выбор со стороны участников». То обстоятельство, что «формулировка преступлений против человечности является принципиально политическим решением», делает уместным «признать их политические последствия в процессе внесения поправок, а не пытаться изменить их предполагаемое значение посредством судебных изменений [т.е. в зависимости от решений Между-

народного уголовного суда – Р.Н.] со всеми вытекающими отсюда рисками»⁷⁴.

Для современной зарубежной доктрины характерны несколько подходов в *определении социально-юридической сущности* преступлений против человечности и их системы. Например, в континентальной европейской традиции наличествует стремление многих авторов определить систему преступлений против человечности (равно как и других международных преступлений, в частности – геноцида, военных преступлений и актов агрессии) через категорию «*охраняемых интересов*» в контексте «организованного насилия».

Так, по мнению известного немецкого исследователя Г. Верле (*G. Werle*), «в контексте преступлений против человечности угроза всеобщему миру, безопасности и благополучию заключается в систематическом или широкомасштабном нападении на основополагающие права гражданских лиц». Данный контекст, будучи «контекстом организованного насилия, ставит под угрозу человечность как таковую» (в плане «минимального стандарта правил человеческого сосуществования»). Следовательно, преступления против человечности «затрагивают не только индивидуальную жертву, но и международное сообщество в целом». Однако «кроме этих ценностей ... данная норма также защищает индивидуальные права, то есть жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности»⁷⁵.

С другой стороны, при определении преступлений против человечности и их системы, многие зарубежные авторы используют так называемый «*нормативистский*» подход, отрицающий приоритетное значение норм обычного международного права (включая решения международных уголовных трибуналов) в определении преступлений против человечности.

⁷⁴ *Jalloh Ch. What Makes a Crime Against Humanity a Crime Against Humanity? // American University International Law Review. 2013. Vol. 28. P. 382–441.*

⁷⁵ *Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 397.*

Например, Л. Мэй (*L. May*) говорит о приоритетном значении норм *jus cogens* (т.е. норм императивного характера), которые должны быть «главной основой для существования международного судебного преследования за геноцид и преступления против человечности». В свою очередь, по его мнению, недопустим «основной альтернативный подход» относительно того, что обычные нормы (включая решения международных уголовных трибуналов) «могут основывать международное уголовное право». Поэтому составы преступлений против человечности и их «контекстуальный элемент» изначально должны быть определены в нормативном предписании – тем более, что «деятельность трибуналов не всегда однообразна... при рассмотрении однотипных дел»⁷⁶.

Значительный интерес представляет *философско-правовой подход* к изучению природы преступлений против человечности. Сторонники этого подхода, говоря о преступлениях против человечности, подчеркивают двойственность самого термина «человечность»: во-первых человечность можно определить через универсальные нравственные категории (гуманность, человеколюбие), которые, «собственно и делают нас людьми»; во-вторых, под человечностью можно понимать само существование человеческого рода, человеческой цивилизации.

По мнению К. Маклеода (*C. Macleod*), в западной доктрине существует семь основных философско-правовых подходов к определению сущности преступлений против человечности, а именно:

1. *Преступление против человечности «противоречит человеческой природе преступника»*. Автор подчеркивает, что в формулировках Устава Нюрнбергского трибунала, уставов международных трибуналов *ad hoc* и Римского Статута, определяющих виды преступлений против человечности, использованы термины «убийства», «истребление», «порабощение», «другие жестокости», совершенные в отношении граждан

⁷⁶ *May L. Crimes against Humanity: A Normative Account. Cambridge University Press, 2005. P 25, etc.*

данского населения. В этом случае «преступное действие считается бесчеловечным, поскольку, совершая его, преступник ведет себя так, будто не отдает себе отчета в том, что он сам является представителем рода человеческого: его действия не достигают человеческого уровня».

2. *Совершаемые преступления «направлены против человеческой природы жертвы».* По мнению М. Маклеода, также в формулировках Устава Нюрнбергского трибунала, уставов международных трибуналов *ad hoc* и Римского Статута Международного уголовного суда (одновременно с первым) подчеркнут иной аспект: преступления против человечности представляют собой «преступления против человеческого статуса или состояния» и «выражаются в пренебрежении и игнорировании человеческой природы жертв».

3. Игнорирование преступлений против человечности *«превращает нас в соучастников преступления, направленного против человеческой сути личности»*, следовательно, «ни при каких обстоятельствах внешний мир не может закрыть на них глаза».

4. Преступление против человечности *«шокирует человеческое сознание»*, «вызывает негодование и шокирует сознание любого представителя человеческого рода».

5. Преступление против человечности всегда *«создает угрозу общественной безопасности людей»*, следовательно, «потерпевшими считаются все люди, формирующие социум, нации или международное сообщество».

6. Преступление против человечности *«умаляет значение человеческого рода»*, а сам «факт того, что человек оказался способен спланировать и совершить преступление такой тяжести, умаляет значение всех представителей человеческой расы».

7. Преступление против человечества *«причиняет вред всему человечеству»*, то есть оно буквально «совершается против человечества как такового». Именно это обстоятельство, по мнению автора, является

«ключевым» для понимания природы преступлений против человечности, «дает основание для вмешательства третьих сторон» (других государств, наднациональных органов) в уголовное преследование за совершение такого рода преступлений и «позволяет использовать» для этого универсальную юрисдикцию.

В итоге К. Маклеод приходит к выводу о том, что, в любом случае, совершение преступления против человечности означает «не просто крупномасштабную акцию, состоящую из отдельных преступлений», это означает совершение преступления, «тяжесть и серьезность которого не измеряются в количественном отношении»⁷⁷.

В западной доктрине имеются и весьма «экстраординарные» точки зрения на преступления против человечности, далеко выходящие в своем философском осмыслении за пределы международно-правового поля.

Например, Д. Лабэн (*D. Luban*) предлагает философско-правовое толкование преступлений против человечности, в соответствии с которым они представляют собой «оскорбление нашей природы как политических животных», «двойного характера» людской природы. Он считает преступления против человечности (человечества) преступлениями, совершенными «политически организованными группами против других групп в том же гражданском обществе», преступлениями, «состоящими из самых варварских злодеяний». По его мнению, в отношении преступлений против человечности не существует «надежного прецедентного права» и «различных законодательных актов», определяющих их. Концепция этих преступлений «все еще находится в детстве своего правового развития»⁷⁸.

В поле зрения зарубежных авторов находятся вопросы *о соотношении и отграничении* преступлений против человечности от геноцида и военных

⁷⁷ *Macleod C. Towards a Philosophical Account of Crimes against Humanity // European Journal of International Law. 2011. Vol. 21. № 2. P. 281–302.*

⁷⁸ *Luban D. A Theory of Crimes against Humanity // Yale Journal of International Law. 2004. Vol. 29. P. 85–167.*

преступлений, иных конвенционных преступлений, а также о «шкале тяжести» международных преступлений.

Говоря о соотношении преступлений против человечности и преступления геноцида, зарубежные авторы традиционно исходят из понимания принципиальной важности «геноцидальной цели», наличие которой «превращает» преступление против человечности в самое тяжкое международное преступление. Действительно, преступления против человечности в виде убийств и причинения «серьезного» вреда здоровью, совершаемых в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, имеют много общих объективных черт с актами геноцида. Более того, по словам А. Кассезе, «специальное намерение на геноцид» включено в категорию «дискриминационного намерения», как оно определяется для преступления против человечности в виде преследования.

Жертва «и здесь и там выбирается преступником не из-за ее личных качеств, а по признаку принадлежности к той или иной человеческой группе». И при преступлении геноцида, и при преступлениях против человечности происходит своеобразная «деперсонификация» жертвы. Однако установление именно «геноцидальной цели» (т.е. намерения полностью либо частично уничтожить национальную, расовую, этническую или религиозную группу людей) «преобразует» любое преступление против человечности в акт геноцида⁷⁹. Данная позиция стала доминирующей в зарубежной доктрине⁸⁰.

Вопрос об отграничении военных преступлений и преступлений активно обсуждается после вынесения «беспрецедентного» решения Международного трибунала по бывшей Югославии по делу Д. Тадича (*Prosecutor v. D. Tadic*), к которому бы неоднократно будем обращаться далее. Апелляционное решение по данному делу стало «прецедентом», устранившим

⁷⁹ Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 127–128.

⁸⁰ См., например исследование, специально посвященное установлению «геноцидальной цели» и ее значению для квалификации: Cerimovic E. To Prevent and To Punish: Genocidal Intent: thesis ... PhD degree. Budapest, 2010. P. 73–74.

юридически «ранее обязательную» связь между преступлениями против человечности и вооруженными конфликтами⁸¹.

А. Пайам (*A. Payam*) исследовал вопрос о том, что, если поведение субъекта «соответствует законам войны», может ли оно представлять собой преступления против человечности во время вооруженного конфликта? Категория преступлений против человечности «сама по себе возникла во время мировых войн» и изначально требовала связи с международным вооруженным конфликтом. Но в настоящее время она «представляет собой автономную концепцию», основанную «на праве прав человека», которая криминализирует «широкомасштабное злодеяние» как в военное, так и в мирное время. Преступления против человечности, совершенные в вооруженном конфликте, по-прежнему «определяются законами войны» (т.е. расцениваются как военные преступления).

Автор рассуждает о «существенной конвергенции» между нормативными предписаниями, «не допускающими отступлений» от соблюдения прав человека и минимальными стандартами гуманного обращения в «Праве Женевы». Анализируя решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу Готовины, в А. Пайам говорит о недопустимости «ослабления законов войны» за счет «реклассификации поведения в качестве преступлений против человечности» (по смыслу, речь идет о «недопустимости» квалификационной подмены военного преступления на преступление против человечности). Таким образом, отказ от оценки посягательств на гражданских лиц в качестве военных преступлений «не обязательно приводит к усилению защиты гражданских лиц во время вооруженных конфликтов»⁸².

На расширение (не всегда оправданное) сферы применения норм о преступлениях против человечности, не связанной с «конкуренцией» с

⁸¹ *Dinstein Y. Crimes against Humanity after Tadic // Leyden Journal of International Law. 2000. Vol. 13. № 2. P. 373–394*

⁸² *Payam A. Reconciling Crimes against Humanity with the Laws of War: Human Rights, Armed Conflict, and the Limits of Progressive Jurisprudence // Journal of International Criminal Justice. 2008. Vol. 6. № 1. P. 21–37.*

«правом войны» указывает голландский автор Х. Ван дер Вилт (*H. Van Der Wilth*). По его мнению, в практике международных трибуналов *ad hoc* сложилась ситуация, когда «размыты границы» между таким конкретным преступлением против человечности как порабощение гражданского населения и «классическими» конвенционными преступлениями как торговля людьми и/или состояние рабства. По мнению автора, «поглощение» торговли людьми и рабства преступлением против человечности в виде порабощения, произошедшее в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии, не означает, что сама торговля людьми и рабство приобрели статус преступления, подсудного органам международной уголовной юстиции. Такое «поглощение» стало возможным в силу того, что масштабы совершения торговли людьми и рабства стали отвечать «контекстуальному критерию» преступления против человечности и сознательно совершались «в рамках широкомасштабного и систематического нападения на любых гражданских лиц»⁸³.

Существует ли «шкала тяжести» международных преступлений?

В принципе, большинство зарубежных авторов отвечают на этот вопрос утвердительно, говоря о наибольшей тяжести и опасности преступления геноцида для всего мирового сообщества (с чем солидарны российские коллеги). Что касается преступлений против человечности и военных преступлений, то в зарубежной доктрине высказано предположение, что они (на основе «юриспруденция Нюрнберга» и «прецедентного права» международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде) должны считаться более тяжкими по сравнению с военными преступлениями⁸⁴.

Вместе с тем, в зарубежной доктрине допускается возможность квалифицировать одно и то же деяние одновременно как акт геноцида и как

⁸³ *Van Der Wilth H.* Trafficking in Human Beings, Enslavement, Crimes against Humanity: Unraveling the Concepts // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. № 2. P. 297–334.

⁸⁴ *Frulli M.* Are Crimes against Humanity More Serious Than War Crimes? // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12. № 2. P. 329–350.

преступление против человечности (с чем, конечно, нельзя согласиться в силу принципа *non bis in idem* – «не суди дважды»).

В частности, критике было подвергнуто решение Судебной палаты Международного трибунала по бывшей Югославии по делу *Prosecutor v. R. Krstic* за отказ от вынесения приговоров как за преступления против человечности, так и за геноцид в связи с совершением одного и того же деяния (данное решение было названо «явно ошибочным»⁸⁵).

Надо также отметить, что в зарубежной доктрине в последние годы предложено резко расширить понимание преступлений против человечества, выйдя «за пределы международного уголовного права». По существу, речь идет о возникновении потенциальной возможности национального законодателя произвольно определять то или иное деяние в качестве преступления против человечности.

Так, например, по мнению М. Ренцо (*M. Renzo*), «национальный суд должен пользоваться преимуществом при осуществлении юрисдикции над индивидуальными преступлениями против человечности». При этом важно, чтобы, когда виновные «преследовались и наказывались национальными судами, мы рассматривали эти суды как действующие во имя всего человечества, а не только во имя определенной политической силы государства». В частности, «индивидуализированными» преступлениями против человечности предложено расценивать «убийство, изнасилование или принуждение к проституции». И если национальный суд преследует обвиняемого в этих преступлениях – он «делает это также во имя всего человечества»⁸⁶.

Может ли национальный законодатель по своему усмотрению криминализовать какое-либо деяние в качестве преступления против человечности? В принципе, да, это – его суверенная воля. Однако сложно согласить-

⁸⁵ *Palombino F.M.* Should Genocide Subsume Crimes Against Humanity? Some Remarks in the Light of the *Krstić* Appeal Judgment // *Journal of International Criminal Justice*. 2005. Vol. 3. № 3. P. 778–789.

⁸⁶ *Renzo M.* Crimes against Humanity and the Limits of International Criminal Law // *Law and Philosophy*. 2012. Vol. 31. P. 473–474.

ся с утверждением М. Ренцо о том, что иные государства (политические системы) также обязаны расценивать такое осуждение как осуждение за преступления против человечности. В любом случае, за государством должно оставаться суверенное право криминализовать то или иное деяние в качестве преступления против человечности без обязательной и строгой «тождественности» с буквой международного права.

Вывод по параграфу.

В зарубежной (прежде всего, западной) доктрине наблюдается определенное единство в плане определения преступлений против человечности, их признаков и системы. Авторы традиционно исходят из буквального понимания «уставных» норм международного права – Устава Нюрнбергского трибунала, уставов международных трибуналов ad hoc по Руанде и бывшей Югославии, Римского Статута Международного уголовного суда. Однако в понимании сущности преступлений против человечности наблюдается некоторая разница в зависимости от юридической методологии «похода» («категориального», «нормативного», «философско-правового»).

Существенное внимание в зарубежной доктрине уделяется вопросам соотношения преступлений против человечности с другими международными преступлениями (преступлениями против мира и безопасности человечества), прежде всего – военными преступлениями.

Также можно говорить о существовании в зарубежной доктрине тенденции «расширения» круга преступлений против человечности за счет признания таковыми деяний по национальному законодательству.

В целом с выводом по параграфу согласились 21 из 25 (84%) опрошенных специалистов в области уголовного и международного уголовного права.

Глава 2. НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ И «КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1. Нормативные основания преступлений против человечности в современном международном праве и их значение для национального уголовного права

Оставляя за рамками исследования вопрос об истории принятия актов международного права о преступлениях против человечности⁸⁷, констати-

⁸⁷ Вопрос об истории принятия Устава Нюрнбергского трибунала, международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, Римского Статута Международного уголовного суда, ряда основополагающих конвенций ООН (в частности, о преступлениях геноцида и апартеида) очень подробно изучен в отечественной и зарубежной доктрине.

См.: *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд. М.: Юнити, 1998;

Институты международного правосудия / под ред. В.Л. Толстых. М., 2014. С. 368–444;

Лямин Н.М. Международный уголовный суд и преступные нарушения прав человека. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 5–21;

Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 378–433;

Попаденко Е.В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 108–167;

Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 148–190;

Bass G.J. Judging War: The Politics of International War Crimes Tribunals: thesis ... PhD degree. Harvard University, 1999;

Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 253–262;

Futamura M. Revising the «Nuremberg Legacy»: Societal Transformation and the Strategic Success of International War Crime Tribunals – Lessons from the Tokyo Trial and Japanese Experience: thesis ... LLD degree. London, 2005;

Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. P. 17–37;

Maguire P.H. Nuremberg: A Cold War Conflict of Interest: thesis ... PhD degree. Columbia University, 1995;

Olafsson S.G. Crimes against Humanity: Emergency of a Law of Humanity: thesis ... PhD degree. Stockholm, 2012; и др.

руем непреложный и общепризнанный факт: вся современная международно-нормативная основа, в которой сформулирована система этих преступлений (как и иных преступлений против мира и безопасности человечества) берет свое начало в документах Нюрнбергского процесса.

В ст. 6 *Устава Нюрнбергского трибунала* от 8 августа 1945 г.⁸⁸ определены материально-правовые признаки преступлений, совершенных подсудимыми «индивидуально или в качестве членов организации». Впервые в истории за преступление агрессии, военные преступления и преступления против человечности была установлена индивидуальная уголовная ответственность.

Среди преступлений против человечности Устав Нюрнбергского трибунала назвал:

– убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны;

– преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала.

Важнейшим⁸⁹ (с точки зрения всей международной уголовной, а впоследствии – и национальной уголовной юстиции) стало однозначное указание на то, что не имеет значения то обстоятельство, «являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет». Это стало первым в истории случаем официального признания приоритета международного права в определении преступности деяния над национальным законодательством.

Также в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала оговаривалась ответственность за соучастие в совершении подсудных Трибуналу преступле-

⁸⁸ Официальное наименование: Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран. См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 561–721.

⁸⁹ См., например: *Волеводз А.Г.* Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 60–61.

ний. Принципиально важной стала позиция о том, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана». Данное указание впервые в истории международного уголовного права установило основание индивидуальной ответственности соучастников, не являвшихся непосредственными исполнителями, а также криминализовало предварительную преступную деятельность по осуществлению международных преступлений, включая преступления против человечности. Формулировка о наказуемости действий соучастников, не являющихся непосредственными исполнителями, и подготовительной преступной деятельности стала традиционной для последующих норм международного уголовного права.

Конкретные преступления против человечества, равно как преступные акты агрессии и военные преступления, нашли свое отражение в Приговоре Нюрнбергского трибунала от 1 октября 1946 г.⁹⁰, и подробно освещены в специальной литературе⁹¹.

Что касается дефиниции преступлений против человечности, то в Уставе Нюрнбергского трибунала, по существу, речь шла о двух видах таких преступлений:

1) массовые акты насилия в отношении гражданского населения («убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости»), так

⁹⁰ По Приговору Нюрнбергского трибунала были осуждены 19 главных нацистских преступников, из них 12 (Г. Геринг, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт, М. Борман) – к смертной казни через повешение. См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 561–721.

⁹¹ См.: *Вылегжанин А.Н., Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала) // Современное право. 2017. № 1. С. 117–130;

Лебедева Н.С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО университета. 2010. № 6. С. 75–92;

Сухарев А.Я. Нюрнбергский процесс на службе мировой законности // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 3–14; и др.

или иначе связанные с военными действиями (т.е. до их начала либо во время их совершения);

2) «преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам», так или иначе связанное с совершением преступления агрессии, военными преступлениями либо иными преступлениями против человечности.

Такой «дуализм» в понимании преступлений против человечности отразился в дальнейшем на развитие всех норм международного уголовного права о преступлениях против человечности. В любом случае, в первом виде («первой модели») преступлений против человечности по Уставу Нюрнбергского трибунала принципиальным стало указание на то, что потерпевшими от преступлений против человечности надо расценивать представителей гражданского населения – то есть людей, не участвующих в военных действиях, в войне как международном вооруженном конфликте. Бесспорно, это положение касалось, прежде всего, мирного населения воевавших во Второй Мировой войне государств, которому были причинены невероятные страдания (ведь даже приблизительно определенное количество жертв среди мирного населения не установлено и по сей день).

Впоследствии защита от «убийств, истреблений, порабощений, ссылок и других жестокостей» стала распространяться на представителей гражданского населения, не принимающих участие в немеждународном вооруженном конфликте (II Дополнительный протокол к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.). В настоящий момент это положение Устава Нюрнбергского трибунала «эволюционировало» до защиты любых представителей гражданского населения вне зависимости от того, присутствует ли вооруженный конфликт сам по себе. То есть, защита гражданского населения от массовых проявлений «жестокостей» стала распространяться и на мирное время, без обязательной «связки» с вооруженным конфликтом международного или немеждународного характера.

Второй вид («вторая модель») преступлений против человечности в Уставе Нюрнбергского трибунала («преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам») исторически был связан, прежде всего, с массовым истреблением еврейского населения в нацистской Германии и оккупированных ей странах Европы. Известно, что именно представителям еврейской (и ряда других) национальности было отказано, по существу, в человеческом статусе. Считается общепризнанным, что в результате такого «преследования» еврейского населения – точнее, его массового уничтожения, известного как «Холокост» – за годы Второй Мировой войны погибли более шести миллионов человек. Примечательно, что сам факт отрицания Холокоста считается преступлением по законодательству многих европейских государств⁹².

Данный вид («вторая модель») преступлений против человечности, закрепленный в Уставе Нюрнбергского трибунала, впоследствии сыграл решающую роль в конвенционном определении преступления геноцида, которое нашло отражение в национальном уголовном законодательстве многих стран, включая Россию.

В ст. 5 *Устава Токийского трибунала* от 19 января 1946 г.⁹³ дословно воспроизводились формулировка и перечень преступлений против человечности из ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала. Токийский трибунал стал «вторым опытом» международного уголовного правосудия в современной истории⁹⁴. Однако, с точки зрения дефиниции преступлений против человечности, он являлся «калькой» с Устава Нюрнбергского трибуна-

⁹² См., например: *Иванов А.Ю.* Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 17.

⁹³ Официальное наименование: Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока. См.: <http://docs.cntd.ru/document/902053853> (дата обращения – 13.11.2022).

⁹⁴ См. подробнее: *Джантаев Х.М.* Токийский трибунал: второй опыт международного правосудия (к 60-летию Токийского трибунала) // *Международное право.* 2007. Т. 31. № 3. С. 190–206.

ла, и принципиальных новелл в понимание системы преступлений против человечности не внес.

25 мая 1993 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, утвердившую *Устав Международного трибунала по бывшей Югославии*⁹⁵.

Этот международный трибунал *ad hoc* был призван «осуществлять судебное преследование лиц», совершивших акты геноцида, военные преступления и преступления против человечности на территории бывшей Югославии в период многостороннего вооруженного конфликта, вспыхнувшего после распада этого государства в 1991 г. Юрисдикция данного трибунала и, соответственно, его Устав и решения официально признаются Российской Федерацией.

Международный трибунал по бывшей Югославии функционировал до 31 декабря 2017 г. За время своей деятельности к ответственности были привлечены 161 человек, из них признаны виновными – 90, оправданы – 21. Дела в отношении 13 обвиняемых были переданы в национальные суды Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии. В отношении 37 лиц уголовное преследование было прекращено по различным основаниям, включая 17 случаев смерти обвиняемых во время разбирательства⁹⁶.

В настоящее время по оставшимся без окончательного решения делам производство осуществляется в так называемом «Международном Остаточном Механизме для международных трибуналов», учрежденном резолюцией Совета Безопасности ООН № 1966 от 20 декабря 2010 г.⁹⁷.

Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии получила самые разные оценки – от восторженной похвалы до резкого не-

⁹⁵ Официальное название: Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. См.: UN/S/RES/827/Russian.

⁹⁶ См. официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии: <https://www.icty.org/> (дата обращения – 13.11.2022).

⁹⁷ UN/S/RES/1966/Russian.

приятия. Наибольшей критике подверглись политико-правовые аспекты работы этого Трибунала. В частности, его деятельность осуждали за:

– «предвзятость по национальному признаку»: среди осужденных – подавляющее большинство сербов: 94 из 161 привлеченного к ответственности;

– «политизированность»: Трибунал отказался рассматривать встречные иски о бомбардировках НАТО бывшей Югославии и причиненными ими жертвами и разрушениями, что дало повод усомниться в честности Трибунала, а некоторые авторы даже назвали его деятельность «лицемерием»⁹⁸.

В отличие от политико-правового аспекта, в материально-правовом плане оценка деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии была преимущественно позитивной (об этом подробнее будет сказано дальше). По существу, в его решениях впервые после Второй Мировой войны на международном уровне впервые официально были применены уголовные нормы о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Определение и перечень преступлений против человечности, по которым Международный трибунал по бывшей Югославии осуществлял свою юрисдикцию, содержались в ст. 5 его Устава. К ним данный документ относится:

⁹⁸ О политико-правовой оценке деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии см., например:

Мезяев А.Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 46–49;

Михайлов Н.Г. Международный уголовный суд по бывшей Югославии как инструмент международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. С. 15–18;

Нелаева Г.А., Хабарова Н.А. Оценки деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии: взгляды российских и зарубежных экспертов // Международное право и международные организации. 2016. № 4. С. 457–464;

Kibalnik A.G. Evaluation of Activities of the International Tribunal for the Former Yugoslavia in the Russian Doctrine of International Criminal Law // *Sovereignty and Works of International Courts* / edited by S. Nogo. Belgrade, 2018. P. 241–247;

Simonovic I. The Role of ICTY in the Development of International Criminal Adjudication // *Fordham International Law Journal*. 1999. Vol. 23. № 2. P. 450–459; и др.

- a) убийства;
- b) истребление;
- c) порабощение;
- d) депортацию;
- e) заключение в тюрьму;
- f) пытки;
- g) изнасилования;
- h) преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам;
- i) другие бесчеловечные акты.

Все эти деяния расцениваются в качестве преступлений против человечности в случае, если они совершались «в ходе вооруженного конфликта, будь то международного или внутреннего характера, и направлены против любого гражданского населения». Таким образом, Устав Международного трибунала по бывшей Югославии исходил из наличия обязательной связи между конкретным совершенным преступлением и вооруженным конфликтом. По сути, в ст. 5 этого документа изначально была воплощена «первая модель» Устава Нюрнбергского трибунала.

Однако деятельность самого Международного трибунала по бывшей Югославии, отраженная в решениях по конкретным делам, вышла за рамки Устава и стала не только правоприменительной, но также приобрела черты правотворчества, изменив содержательную сущность некоторых норм Устава. На это обстоятельство (в самом разном ключе – от полной поддержки до резкого отрицания) неоднократно обращалось внимание в отечественной и зарубежной доктрине⁹⁹.

⁹⁹ См.: *Марочкин С.Ю., Нелаева Г.А.* Правотворческий эффект решений международных трибуналов (на примере решений Международного трибунала по бывшей Югославии) // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 206–214;

Михайлов Н.Г. Принцип законности в толковании судей Международного трибунала по бывшей Югославии // Государство и право. 2010. № 4. С. 63–70;

Peltonen A. The Role of International Criminal Courts in the Formation of Customary International Law: thesis ... PhD degree. Helsinki, 2013. P. 90–93;

Не давая оценку результатам деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии, отметим следующее. В плане понимания преступлений против человечности в его решениях перестало соблюдаться содержащееся в ст. 5 Устава правило об обязательной «связке» совершения такого преступления с внутренним или международным вооруженным конфликтом. Стала допускаться возможность совершения преступления против человечности без контекста существования вооруженного конфликта как такового либо связи с таким конфликтом¹⁰⁰ (подробнее об этом – в следующем параграфе).

С другой стороны, бесспорным позитивом Устава Международного трибунала по бывшей Югославии стало прямое и однозначное указание на то, что потерпевшими от преступлений против человечности должны считаться «любые» гражданские лица. Данное положение впоследствии вошло в положения ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда.

8 ноября 1990 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, утвердившую *Устав Международного трибунала по Руанде*¹⁰¹. Для Российской Федерации данный документ и решения трибунала имеют юридическую силу.

Этот специальный орган международной юстиции был призван осуществлять «судебное преследование лиц», ответственных за совершение актов геноцида и «серьезных нарушений международного гуманитарного права», имевших место территории Руанды и соседних стран в течение календарного 1994 года. Международный трибунал по Руанде функционировал до 31 декабря 2015 г. и за время своей деятельности привлек в качестве

Schabas W.A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge University Press, 2006. P. 110–112.

¹⁰⁰ *Prosecutor v. D. Tadic. Case № IT-94-1-A. 15 July 1999. §249–251.*

¹⁰¹ Официальное наименование: Устав Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года. См.: UN/S/RES/955/Russian.

обвиняемых 96 человек, из которых 61 был признан виновными в совершении актов геноцида и преступлений против человечности, 4 обвиняемых находятся в розыске. Дела в отношении 10 лиц были переданы в национальные судебные органы¹⁰². В настоящее время оставшиеся без окончательного решения дела, как и в случае с Международным трибуналом по бывшей Югославии, переданы в Международный Остаточный Механизм для международных трибуналов.

Политико-правовые аспекты деятельности Международного трибунала по Руанде подверглись гораздо меньшей критике по сравнению с Международным трибуналом по Югославии¹⁰³. С другой стороны, в решениях Международного трибунала по Руанде тоже имеется своеобразный «правотворческий» эффект, наполнивший новым содержанием нормы его Устава¹⁰⁴.

Понятие и перечень преступлений против человечности определен в ст. 3 Устава Международного трибунала по Руанде. К их числу отнесены те же девять деяний, что и в ст. 5 Международного трибунала по бывшей Югославии (убийство; истребление; порабощение; депортация; заключение в тюрьму; пытки; изнасилования; преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам; «другие» бесчеловечные акты). Отличительной чертой Устава по Руанде стало то, что он криминализовал преступления против человечности по «второй модели» Нюрнберга. Все пере-

¹⁰² Официальный сайт Международного трибунала по Руанде: <https://www.unictf.org> (дата обращения – 13.11.2022).

¹⁰³ Зато резкой критике подверглась деятельность национальных судов Руанды по осуждению лиц, виновных в геноциде и преступлениях против человечности (так называемые суды «гачача»), которая проводилась параллельно деятельности Международного трибунала. За время такой «параллельной» юрисдикции более ста человек были приговорены к смертной казни, тогда как Международный трибунал по Руанде не имел права назначать этот вид наказания.

См., например: *Brehm H.M., Uggem C., Gasanabo J.D. Genocide, Justice, and Rwanda's Gacaca Courts // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2014. Vol. 30. № 3. P. 333–352.*

¹⁰⁴ См., например: *Мезе Э. Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного уголовного трибунала по Руанде // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 54–61.*

численные в ст. 3 Устава деяния могут расцениваться в качестве преступлений против человечности, только если они совершены «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам».

Именно указание на «широкомасштабное или систематическое нападение на гражданское население» стало впоследствии обязательным признаком любого преступления против человечности, его «контекстуальным элементом» (что нашло отражение, в том числе, в обсуждаемом проекте Единой Конвенции ООН о преступлениях против человечности). В этом состоит, пожалуй, основная роль Устава трибунала по Руанде для формирования понятия и всей системы этих преступлений.

Что касается обязательной «увязки» нападения с «политическим, этническим, расовым или религиозным мотивом»: по мнению большинства авторов, данное обстоятельство отразило специфику руандийской трагедии¹⁰⁵. В этой африканской стране с апреля по июль 1994 г. представителями народности хуту были физически уничтожены, по меньшей мере, 600 тысяч (по некоторым оценкам – до миллиона) человек, принадлежавших к народности тутси¹⁰⁶.

В дальнейшем «увязка» широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население с «политическим, этническим, расовым или религиозным мотивом» была «преодолена» в решениях самого Международного трибунала по Руанде¹⁰⁷ и, главное, в ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда¹⁰⁸.

¹⁰⁵ См., например: *Верле Г.* Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 395.

¹⁰⁶ См.: Официальный доклад Организации Объединенных Наций «Геноцид в Руанде и ООН» // <http://un.org/ru/preventgenocide/rwanda/rwandagenocide.shtml>. (дата обращения – 13.11.2022).

¹⁰⁷ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-A. 1 June 2001. § 464.

¹⁰⁸ См.: *Mettraux G.* Crimes against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda // *Harvard International Law Journal*. 2002. Vol. 43. № 1. P. 237–316.

17 июля 1998 г. на Дипломатической конференции в Риме был принят кодифицированный документ международного уголовного права – *Римский Статут Международного уголовного суда*¹⁰⁹. Именно этот документ в наиболее завершенной форме отразил современную систему преступлений против человечности – в этом вопросе наблюдается практически полное единодушие авторов.

Сам Международный уголовный суд начал свою работу в 2002 г., по состоянию на 20 июля 2021 г. в нем участвуют 123 государства, два государства-участника из него вышли (Бурунди и Филиппины). По тем или иным причинам Римский Статут не был подписан рядом ведущих государств мира (в частности, Индией и Китаем), а США и Россия де-факто отозвали свою подпись под этим документом¹¹⁰. Соответственно, для Российской Федерации Римский Статут не имеет юридической силы и не может учитываться в национальном уголовном законодательстве.

В ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда содержится в качестве обязательного («контекстуального») элемента любого преступления против человечности названо «широкомасштабное или систематическое нападение на любых гражданских лиц», которое совершается «сознательно». В ч. 2 ст. 7 дается легальное определение «нападению на любых гражданских лиц», которое «означает линию поведения, включающую многократное совершение актов... против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике».

Таким образом, в рамках Римского Статута произошло своеобразное объединение обеих «моделей» преступлений против человечности, развитых в уставах международных трибуналов *ad hoc* на основе Устава Нюрнбергского трибунала. Примечательным событием стал отказ от установле-

¹⁰⁹ UN/Doc/A/CONF.183/9. Russian.

¹¹⁰ См.: Официальный сайт Международного уголовного суда: <https://www.iccpi.int> (дата обращения – 13.11.2022).

ния обязательного участия государства или государственных структур в «контекстуальном элементе» преступления против человечности.

По сравнению с уставами международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, в Римском Статуте расширен перечень деяний, образующих систему преступлений против человечности (как говорилось ранее, в доктрине высказывались критические замечания по поводу «неопределенности» признаков некоторых из таких деяний). В ч. 1 ст. 7 этого документа к конкретным видам преступлений против человечности отнесены уже одиннадцать деяний, совершаемых в рамках «контекстуального элемента».

Но настоящий «прорыв» в области понимания конкретных преступлений против человечности случился в ч. 2 и 3 названной нормы, где дано легальное определение большинству таких деяний. Буквальное сопоставление положений частей 1, 2 и 3 ст. 7 Римского Статута позволяет говорить о следующей системе конкретных преступлений против человечности, совершаемых в рамках «контекстуального элемента»:

А. *Убийство*. Заметим, что, в отличие от уставов международных трибуналов *ad hoc*, термин «убийство» использован в единственном числе.

В. *Истребление* – то есть «умышленное создание условий жизни, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения».

С. *Порабощение*, которое буквально означает «осуществление любого или всех правомочий, связанных с правом собственности в отношении личности, и включает в себя осуществление таких правомочий в ходе торговли людьми, и в частности женщинами и детьми».

Д. *Депортация или насильственное перемещение населения* – то есть «насильственное перемещение лиц, подвергшихся выселению или иным принудительным действиям, из района, в котором они законно пребывают, в отсутствие оснований, допускаемых международным правом».

Е. *Заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права.*

Ф. *Пытки* – которые означают «умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого; но пытками не считается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно»¹¹¹.

Г. *Изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести.* Термин «*принудительная беременность*» официально определен как «незаконное лишение свободы какой-либо женщины, которая стала беременной в принудительном порядке, с целью изменения этнического состава какого-либо населения или совершения иных серьезных нарушений международного права».

Н. *Преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным... или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми действиями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда.* При этом уточнено, что «*преследование*» означает умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки меж-

¹¹¹ Данное определение пытки корреспондирует к положениям ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

В этом документе «пытка» определена как «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера». В данное определение «не включается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно». Конвенция имеет силу для Российской Федерации.

См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

дународному праву по признаку принадлежности к той или иной группе или иной общности. В ч. 3 ст. 7 Статута указано, что термин «гендерный» в контексте общества «относится к обоим полам, мужскому и женскому» и «не имеет какого-либо иного значения».

I. Насильственное исчезновение людей, которое официально определено как «арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного периода времени».

J. Преступление апартеида, которое означает «бесчеловечные действия», аналогичные по своему характеру тем, которые указаны в ч. 1 ст. 7 Статута, «совершаемые в контексте институционализированного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой или группами и совершаемые с целью сохранения такого режима»¹¹².

K. Другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Следует еще раз подчеркнуть – нормативные установления Римского Статута относительно системы преступлений против человечности имеют юридическую силу только для стран-участниц Международного уголовно-

¹¹² Данный пункт прямо корреспондирует к ст. II Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г., где преступление апартеида определено как «бесчеловечные акты, совершаемые с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над какой-либо другой расовой группой людей и ее систематического угнетения». В ст. IV названной Конвенции установлена обязанность государства «принять любые меры законодательного или иного характера, необходимые для пресечения, а также предотвращения любого поощрения преступления апартеида и сходной с ним сегрегационистской политики или ее проявлений и наказания лиц, виновных в этом преступлении». Конвенция имеет силу для Российской Федерации.

См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 43. Ст. 686.

го суда. Большинство из них, так или иначе, определили преступность перечисленных деяний в национальном законодательстве, хотя прямого требования их «внутренней» криминализации Римский Статут не содержит.

Однако в преамбуле этого документа четко говорится о том, что преступления против человечности и другие «тягчайшие преступления угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию». В свою очередь, «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действительное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми *на национальном уровне* [курсив наш – Р.Н.], так и активизацией международного сотрудничества». Здесь же сказано о том, что Международный суд лишь «дополняет органы национальной юстиции», которые, как правило, все же применяют национальное право.

Решение вопроса о криминализации преступлений против человечности (в соответствии с Римским Статутом Международного уголовного суда) отдано на усмотрение национальных законодателей. Для многих «ключевых» государств, включая Россию, такой вопрос не ставится в принципе по причине неучастия в перманентном органе международной уголовной юстиции. *Но никто не ставит под сомнение «тягчайший характер» этих преступлений и необходимость их криминализации в национальных законах.*

Понимая, что эффективного и реально действующего для всех и на равных началах органа уголовной юстиции из Международного уголовного суда пока не получается, Объединенные Нации вернулись к апробированному опыту.

Как известно, после Второй Мировой войны был принят ряд конвенций о наиболее тяжких международных преступлениях, в которых содержалось прямое предписание о криминализации таких деяний в национальном законодательстве. Прежде всего, речь идет о *Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* от 9 декабря 1948

г.¹¹³, в ст. I которой объявлялась преступность актов геноцида вне зависимости от того, совершены они в мирное или военное время.

В ст. II этой Конвенции определяется «контекстуальный элемент» геноцида – его специфическая цель и перечень специально защищаемых демографических групп: геноцидом признаются действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Перечень самих деяний, образующих преступление геноцида, здесь же сформулирован следующим образом:

а) убийство членов такой группы;

б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

И самое главное – в ст. V Конвенции содержится однозначное обязательство о том, что каждая Договаривающаяся Сторона примет «необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой», и, в частности, предусмотрит «эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида». Говоря иными словами, каждое государство-участник Конвенции обязуется установить преступность геноцида в национальном законе, что и было сделано практически всеми государствами-членами ООН, в том числе Россией (ст. 357 УК РФ)¹¹⁴.

¹¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

¹¹⁴ В некоторых странах норма о геноциде была введена не непосредственно в уголовный закон, а приняты специальные законодательные акты о геноциде. Например,

Учитывая, что, как это было показано в предыдущей главе, российская доктрина обычно расценивает преступление геноцида как «тягчайшее» преступление против человечности, Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. необходимо считать нормативным основанием криминализации преступлений против человечности для отечественного (и не только отечественного) уголовного права (законодательства).

Гораздо более важным надо считать то обстоятельство, что опыт *императивного требования* об установлении преступности деяния в национальном законе, начатый Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, был продолжен в целом ряде международных документов. И именно этот опыт Объединенные Нации решили применить в отношении преступлений против человечности.

В 2014 г. Комиссия международного права ООН представила проект Единой Конвенции о преступлениях против человечности¹¹⁵ (далее в параграфе – Проект). Смысл этого шага понятен – придать преступлениям против человечности полноценное (не «уставное») конвенциональное определение и обязать государства-члены ООН установить преступность этих деяний в национальном законодательстве.

В ст. 2 Проекта сформулировано «общее обязательство» о том, что все государства признают следующее: преступления против человечности «независимо от того, совершены они во время вооруженного конфликта или нет, являются преступлениями по международному праву, которые государства обязуются предотвращать и наказывать».

Статья 3 Проекта содержит определение «контекстуального элемента» и перечень преступлений против человечности. Сами конкретные виды этих преступлений, а также легальные токования терминов дословно вос-

в Англии в 1969 г. был принят отдельный *Genocide Act* (Закон о геноциде). См.: *Smith J. Criminal Law*. 10th ed. London: Lexis Nexis Publ., 2002. P. 409.

¹¹⁵ <https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/chp7.pdf> (дата обращения – 13.11.2022).

производят (с небольшим уточнением в п. «h») вышеприведенные положения ст. 7 Римского Статута. А вот «контекстуальный элемент» сформулирован следующим образом: «преступление против человечности» означает любое деяний, «когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно».

Таким образом, Комиссия международного права ООН сделала решительный (на наш взгляд, весьма положительный) шаг. В отличие от Римского Статута Международного уголовного суда и предшествующих «уставных» документов международного права, «контекстуальный элемент» преступлений против человечности в Проекте *не содержит* даже упоминания об участии государства или какой-либо организации в осуществлении либо планировании «широкомасштабного или систематического нападения». Совершение преступления против человечности, согласно Проекту, допускается не только при участии государства, официальных и неофициальных организованных структур – оно возможно даже лицом, действующим самостоятельно.

И главное: в ст. 5 Проекта предписана *обязательность криминализации преступлений против человечности по национальному праву*. Согласно этой предлагаемой норме, каждое государство «принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы преступления против человечности представляли собой правонарушения по его уголовному праву». В частности, каждое государство должно принять «необходимые меры» для обеспечения того, чтобы «правонарушениями по его уголовному праву» признавались:

- а) совершение преступления против человечности (в соответствии с перечнем конкретных преступлений в ст. 3 Проекта);
- б) покушение на совершение такого преступления;

с) отдача приказа, поощрение, побуждение, пособничество, подстрекательство или иное содействие либо способствование совершению или покушению на совершение такого преступления.

В ч. 3 ст. 5 Проекта детализирована обязанность государств установить в уголовном законодательстве пределы ответственности:

а) командира либо «лица, эффективно действующего в его качестве» за совершение преступления против человечности «силами, находящимися под его эффективным командованием»;

б) начальника – за действия подчиненных, находящихся под «его эффективной властью и контролем», в случае совершения преступления против человечности «в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными».

В ч. 4 ст. 5 Проекта содержится требование о том, чтобы каждое государство приняло «необходимые меры» для невозможности исключения уголовной ответственности за преступление против человечности, совершенное во исполнение приказа (распоряжения) начальника, военного командира либо лица, «эффективно действующего» в таком качестве.

В ч. 5 ст. 5 Проекта говорится о том, что каждое государство должно принять «необходимые меры для обеспечения того, чтобы по его уголовному праву» к преступлениям против человечности «не применялся никакой срок давности»¹¹⁶.

Принципиально важным в квалификационном отношении (об этом речь пойдет в следующей главе) представляется предписание п. 6 ст. 5 Проекта: каждое государство «принимает необходимые меры» для обеспечения того, чтобы преступления против человечности «наказывались надлежащими санкциями, учитывающими их тяжкий характер».

Наконец, в п. 7 ст. 5 Проекта содержится предложение об установлении («при условии соблюдения положений своего национального права»)

¹¹⁶ Для Российской Федерации действует Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2. Ст. 18.

ответственности юридических лиц за совершение преступлений против человечности (такая ответственность «может быть уголовной, гражданской или административной»).

Проект Конвенции о преступлениях против человечности активно обсуждается на последних сессиях Комиссии Международного права ООН. В частности, 15 февраля 2015 г. на 67-й сессии был представлен Первый доклад специального докладчика Ш.Д. Мерфи, в котором обсуждались цели принятия Конвенции и первоначальная «реакция государств», а также определение преступлений против человечности, его признаков и «будущая программа работы». Итогом Первого доклада стали предложения о формулировании норм о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них, об общем определении преступлений против человечности и о перечне конкретных деяний, их образующих. При этом в докладе подчеркивалось, что «наиболее общепринятым» является определение преступлений против человечности, содержащееся в статье 7 Римского Статута Международного уголовного Суда. Оно, «в свою очередь, опирается на определения, содержащиеся в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, Нюрнбергских принципах, Уставе Международного трибунала по бывшей Югославии, Уставе Международного уголовного трибунала по Руанде» и ряде проектов Комиссии международного права ООН¹¹⁷.

Основной темой Второго доклада Ш.Д. Мерфи о проекте Конвенции о преступлениях против человечности стало обсуждение проблем криминализации этих преступлений во внутреннем законодательстве государств-участников ООН, вопросы установления национальной юрисдикции в отношении указанных преступлений¹¹⁸. На 71-й сессии, состоявшейся в 2019 г., были обобщены «Соображения и замечания, полученные от прави-

¹¹⁷https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CN.4/680&referer=/english/&Lang=R (дата обращения – 13.11.2022).

¹¹⁸https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CN.4/690&referer=/english/&Lang=R (дата обращения – 13.11.2022).

тельств, международных организаций и других сторон» по проекту Конвенции о преступлениях против человечности¹¹⁹.

Обобщая имеющиеся на сегодняшний день итоги дискуссии Комиссии Международного права ООН, В.М. Валеев говорит о «трех аргументах» специального докладчика Ш.Д. Мерфи в пользу кодификации составов преступлений против человечности:

1) из трех основных категорий преступлений по международному праву (военные преступления, геноцид и преступления против человечности) только две первые из них «охватываются глобальными договорами, которые обязывают предотвращать подобные действия и наказывать за них, равно сотрудничать друг с другом в этих целях»;

2) массовые убийства гражданских лиц, совершенное в ходе международного вооруженного конфликта, подпадает «под режим серьезных нарушений Женевских конвенций 1949 года», в то время как такое же деяние в ходе внутреннего вооруженного конфликта под данный режим «не подпадает»;

3) Конвенция о преступлениях против человечности является «одним из тех ключевых звеньев, которые отсутствуют в современной системе международного гуманитарного права, международного уголовного права и международного права прав человека»¹²⁰.

В любом случае, в дискуссиях Комиссии международного права ООН констатируется тот факт, что мировое сообщество «чрезвычайно заинтересовано» в принятии Конвенции о преступлениях против человечности (особенно ввиду того обстоятельства, что юрисдикцию Международного уголовного суда признают далеко не все государства-члены ООН). В данной Конвенции будут определены понятие и перечень преступлений про-

¹¹⁹ Преступления против человечности. Соображения и замечания, полученные от правительств, международных организаций и других сторон. Документ 71 Сессии Комиссии международного права ООН от 21 января 2019 г. // <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/726> (дата обращения – 13.11.2022).

¹²⁰ Валеев Р.М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридическая наука. 2015. № 5. С. 72–73.

тив человечности, обязанность государств установить преступность этих деяний на национальном уровне и осуществлять их «эффективное» уголовное преследование и взаимную помощь по делам о таких преступлениях.

Проект Конвенции о преступлениях против человечности стал предметом активных дискуссий в доктрине. Сама идея принятия такой Конвенции получила, в целом, однозначное одобрение в научных кругах. Например, по словам Н.А. Сафарова и Ф.Н. Сафарова, разработка и принятие специализированной конвенции, касающейся одного из ключевых преступлений, имеют два важнейших аспекта: первый – материально-правовая кодификация преступлений против человечности; второй – определение специфических мер по предупреждению (включая криминализацию) и наказанию преступлений против человечности в национальной уголовной юрисдикции. По их мнению, нормы предлагаемой Конвенции «отражают современное развитие международного уголовного права, позволяющее надеяться, что принятие нового договора о предупреждении и наказании преступлений против человечности представит собой серьезный шаг в направлении преодоления безнаказанности за международные преступления в глобальном масштабе»¹²¹.

Л.В. Павлова также отмечает бесспорную важность положений Проекта «для унификации уголовного законодательства государств, предотвращения безнаказанности исполнителей столь тяжких преступлений при привлечении их к ответственности национальными судами»¹²².

¹²¹ Сафаров Н.А., Сафаров Ф.Н. Предупреждение и наказание преступлений против человечности: проблемы разработки международной конвенции // Правоведение. 2016. № 6. С. 128–129.

¹²² Павлова Л.В. Роль комментария к Проекту статей о преступлениях против человечности, разрабатываемого комиссией международного права ООН, в унификации национального уголовного законодательства по данному вопросу // Беларусь в современном мире: Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2017. С. 108.

Согласимся с С.В. Глотовой в том, что концепция преступлений против человечности «в международном праве носит общепризнанный характер». Этому во многом способствовало включение этой концепции в статуты международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда. В ст. 7 Римского содержится «наиболее полно отражающее международное право определение преступлений против человечности». В свою очередь, подтверждением общепризнанности их преступного характера «явилась работа Комиссии международного права ООН» по разработке Конвенции о преступлениях против человечности. Согласно Проекту статей, принятых Комиссией, «общая обязанность государств предотвращать и наказывать это серьезное преступление, а также сотрудничать в то же время свидетельствует о его всеобщем запрете, имеющем характер *erga omnes*»¹²³.

Вывод по параграфу.

В основе современных нормативных оснований определения преступлений против человечности и их системы положены Уставы Нюрнбергского и (во вторичном значении) Токийского международных трибуналов. В этих документах был заложен «дуалистичный» подход, согласно которому совершение преступления против человечности, так или иначе, связывалось с вооруженным конфликтом или принадлежностью потерпевших (представителей гражданского населения) к национальной, расовой, этнической или религиозной группе.

Существенную роль в конкретизации преступлений против человечности сыграли «уставные» нормы современных международных трибуна-

См. также: Маня В.С. Инициатива о криминализации пропаганды геноцида или преступлений против человечности // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 3–5. С. 95–100;

Скуратова А.Ю. К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 74–77.

¹²³ Глотова С.В. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и существенные признаки в свете современного развития международного права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 3. С. 36–49.

лов *ad hoc* по Руанде и бывшей Югославии. Однако в наиболее завершенном виде система преступлений против человечности сформулирована в ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда, где преодолена «дуалистичность» их понимания. Согласно положениям Римского Статута, преступление против человечности может совершаться вне обязательной связи с вооруженным конфликтом и в отношении любого представителя гражданского населения.

Так как Римский Статут Международного уголовного суда не имеет силы для значительного количества государств (включая Российскую Федерацию), необходимо признать, что нормативные основания преступлений против человечности содержатся в ряде вышеназванных «уставных» и конвенционных норм – прежде всего, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.

Знаковым событием последнего времени стала деятельность Комиссии Международного права ООН по разработке Единой Конвенции о преступлениях против человечности (проект представлен в 2014 г.). Принятие этой конвенции подтвердит, в целом, сложившуюся в Римском Статуте систему преступлений против человечности. Главным позитивным следствием принятия такой Конвенции станет возникновение обязанности государств криминализовать преступления против человечности в национальном законодательстве.

С данным выводом согласились 19 из 25 (76%) опрошенных специалистов-теоретиков в области уголовного и международного права, а также 64% проанкетированных практических работников.

2.2. «Контекстуальный элемент» преступлений против человечности и его значение для национального уголовного права

Как было сказано выше, в Уставах и решениях международных трибуналов по итогам Второй Мировой войны (приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов), ставших фундаментальной основой для всей современной системы международного уголовного права, в качестве наиболее тяжких преступлений против мира и безопасности всего человечества были расценены преступление агрессии (агрессивной войны), военные преступления и преступления против человечности. Однако в последующие годы (вплоть до сегодняшнего дня) нормативно определенная система военных преступлений и преступлений против человечности в международном праве развивалась по-разному.

В отличие от системы преступлений против человечности, система военных преступлений получила самое серьезное нормативное развитие в документах международного права. Общеизвестно, что во второй половине XX века перечень военных преступлений был значительно расширен четырьмя Женевскими конвенциями о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.¹²⁴ и двумя Дополнительными протоколами к этим конвенциям от 8

¹²⁴ Женевская Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 71–100;

Женевская Конвенция об улучшении участи раненых, больных лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 101–124;

Женевская Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 125–204;

Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 205–280.

июня 1977 г.¹²⁵. При этом особо надо подчеркнуть, что II Дополнительный протокол признал юридическую возможность совершения военных преступлений в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Определенную роль в конвенциональном определении системы военных преступлений сыграли и иные акты международного права, регламентирующие правила ведения вооруженных конфликтов¹²⁶.

Как было показано в предыдущем параграфе, система нормативно (уставно) определенных преступлений против человечности изменялась в гораздо меньшей степени, оставаясь в «замороженном» состоянии вплоть до принятия Уставов международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии и Римского Статута. И хотя ст. 3 Устава Международного трибунала по Руанде и ст. 5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии в целом повторили две «Нюрнбергские схемы» криминализации преступлений против человечности, а Римский Статут объединил их, принципиальное значение для понимания сути преступлений против человечности (равно как геноцида и военных преступлений) сыграла сложившаяся *практика* деятельности современных международных судов *ad hoc*.

Здесь надо сделать оговорку: мы сознательно не будем анализировать практику Международного уголовного суда и ее значение для понимания преступлений против человечности. Делается это не по причине неучастия в нем (Суде) Российской Федерации. Почти за двадцать лет своего функционирования перманентный орган международной юстиции принял окончательное обвинительное решение по трем делам, вынес оправдательные приговоры – по трем, в апелляционном производстве находится одно

¹²⁵ Дополнительный Протокол I от 8 июня 1977 г. к Женевским Конвенциям 1949 г. // UN Doc. A/32/114. Add. I. Russian;

Дополнительный Протокол II от 8 июня 1977 г. к Женевским Конвенциям 1949 г. // UN Doc. A/32/114. Add. II. Russian.

¹²⁶ В частности: Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г., Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1981 г.

дело, судебный процесс идет по трем делам, досудебные процедуры – по двум; по шести делам Судом выданы ордера на задержание 14 подозреваемых¹²⁷. Таким образом, в настоящее время невозможно говорить о какой-либо сложившейся практике Международного уголовного суда.

Зато о значении практики международных трибуналов *ad hoc* сказано и написано немало. Подавляющее большинство авторитетных зарубежных авторов в целом сходятся во мнении, что именно она (практика) наполнила «живым содержанием» «уставные» и конвенциональные нормы о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности¹²⁸.

По существу, указанная практика стала составной частью «обычного международного права» и «продолжает играть решающую роль в международном уголовном праве» несмотря на вступление в силу Римского Статута Международного уголовного суда. Такая практика «должна быть единообразной и широко распространенной, а также долгосрочной». Наконец, именно практика международных трибуналов *ad hoc* свидетельствует об официальной позиции придерживающихся ее государств, что особенно важно при осуществлении «уголовного преследования преступлений по международному праву на национальном уровне»¹²⁹.

Так как Российская Федерация признает юрисдикцию международных трибуналов *ad hoc* и их практику, то это обстоятельство важно для преследования преступлений против человечности отечественными органами уголовной юстиции.

С другой стороны надо еще раз подчеркнуть, что многие политические аспекты деятельности международных трибуналов *ad hoc* (прежде

¹²⁷ Официальный сайт Международного уголовного суда: <https://www.icc-cpi.int> (дата обращения 13.11.2022).

¹²⁸ См.: Cassese A. *Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting F.* Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. P. 10–14; Kittichaisaree K. *International Criminal Law.* Oxford University Press, 2001. P. 45–50; Schabas W.A. *The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone.* Cambridge University Press, 2006. P. 110–112.

¹²⁹ Вепле Г. *Принципы международного уголовного права.* Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 69–70.

всего – Международного трибунала по бывшей Югославии) вызвали массу нареканий в предвзятости, тенденциозности и даже «политически мотивированной ангажированности»¹³⁰. Но это – вопрос оценки «политического наследия» деятельности международных трибуналов *ad hoc*.

Повторим: для нас принципиально важна мысль о том, что решения международных трибуналов *ad hoc* сыграли «огромную» роль для понимания преступности деяний по международному уголовному праву, интерпретации признаков преступлений по международному уголовному праву и решения иных вопросов материального права.

Это в полной мере относится к пониманию преступлений против человечности. В решении по делу *Prosecutor v. D. Erdemovic* дано следующее определение таких преступлений: «Преступления против человечности являются вопиющими актами насилия, нацеленные на самое главное, чем обладает человек: его жизнь, свободу, физическое здоровье, благополучие и достоинство ... Преступления против человечности затрагивают больше, чем отдельную личность, ввиду того, что когда преступному посягательству подвергается человек, то, тем самым, объектом нападения ... становится человечность. Поэтому основной чертой преступлений против человечности является концепция человечности как жертвы»¹³¹.

Важнейшим представляется то обстоятельство, что «решения международных трибуналов *ad hoc* имеют самое серьезное значение для понима-

¹³⁰ Например, по словам Н.Г. Михайлова, Международному трибуналу по бывшей Югославии свойственно «селективное применение» принципа универсальности юрисдикции, т.е. только по отношению к высшим должностным лицам и гражданам бывшей Югославии, подавляющее большинство из которых составляют сербы. Особенно критикуется отказ этого трибунала от привлечения к ответственности военнослужащих – граждан стран НАТО, их непосредственных начальников, а также руководителей соответствующих государств и правительств, за преступления, совершенные ими в Косово и Сербии. Такой отказ продемонстрировал «зависимость МТБЮ от НАТО» и стал свидетельством «нарушения принципа равноотстояния», то есть свидетельством «предвзятости» самого этого международного трибунала.

См.: Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. С. 15–18.

¹³¹ *Prosecutor v. D. Erdemovic*. Case № IT-96-22-T. 29 November 1996.

ния признаков преступления и иных вопросов материального права в национальных уголовно-правовых системах. Так как обязательность решений современных международных трибуналов *ad hoc* является их качественным признаком, она (обязательность) касается всех субъектов международного права (включая Российскую Федерацию), признающих «юрисдикцию и деятельность» международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии¹³².

Эти слова в полной мере можно отнести к пониманию преступлений против человечности, прежде всего к так называемому «*контекстуальному элементу*» (у некоторых авторов он назван «контекстуальным основанием»), свойственным каждому такому преступлению. По общему определению, контекстуальный элемент состава международного преступления «содержит сопутствующие совершению общественно-опасного деяния условия, обуславливающие квалификацию деяния в качестве международного преступления». Именно контекстуальный элемент преступления по международному уголовному праву:

- 1) «входит в основание международной уголовной ответственности»;
- 2) «обеспечивает правильную квалификацию международных преступлений и позволяет разграничить международные преступления между собой»;
- 3) «служит основанием разграничения международной и внутригосударственной юрисдикции, поскольку международное преступление подпадает под юрисдикцию международных уголовных судов (постоянного либо созданных *ad hoc*) исключительно в случае наличия в его составе контекстуальных обстоятельств».

Наконец, «отсутствие контекстуальных обстоятельств в составе международного преступления влечет отсутствие состава международного

¹³² Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосяк П.В. Международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 463.

преступления в целом»¹³³. Говоря иными словами, отсутствие какого-либо контекстуального элемента является основанием прекращения уголовного преследования за любое преступление по международному уголовному праву. В том числе и на национальном уровне – если такое преступление предусмотрено внутренним уголовным законодательством.

Официально контекстуальные элементы преступлений по международному уголовному праву определены в Элементах преступлений Международного уголовного суда, принятых на Первой ассамблее государств-участников Суда 9 сентября 2002 г.¹³⁴ (далее – *Элементы преступлений*). Специально контекстуальному элементу преступлений против человечности в целом (т.е. присущему для каждого конкретного преступления против человечности) посвящена статья 7 названного документа. В основу контекстуального элемента преступлений против человечности (равно как и геноцида и военных преступлений) положены не только «наработки» Римского Статута Международного уголовного суда и уставов международных трибуналов *ad hoc*. Как видно из буквального прочтения ст. 7 Элементов преступлений, при формулировании контекстуального элемента преступлений против человечности использован массив решений, вынесенных международными трибуналами по Руанде и бывшей Югославии.

Рассмотрим контекстуальные элементы преступлений против человечности через призму доктринальных позиций, нормативных установлений международного уголовного права и решений международных трибуналов *ad hoc*.

Прежде всего, необходимо отметить, что документы международного уголовного права (уставы международных трибуналов *ad hoc*, Римский Статут Международного уголовного суда) связывают «контекстуальный элемент» любого преступления против человечности с понятием «широко-

¹³³ *Малярова Е.А.* Контекстуальные обстоятельства как элемент состава преступления по международному уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 13–15.

¹³⁴ UN Doc. ICC-ASP/1/3. Part II-B.

масштабного и/или систематического нападения на гражданское население». Надо сказать, что в российской доктрине «контекстуальному элементу» преступлений против человечности (как и «контекстуальным элементами» других преступлений против мира и безопасности человечества – в частности, преступления геноцида и военных преступлений) уделяется явно недостаточное внимание. На такое положение дел справедливо обратили внимание некоторые авторы¹³⁵. Обратных примеров немного – в целом в них (отечественных доктринальных разработках) процитированы соответствующие положения Элементов преступлений¹³⁶.

И все же в ряде работ, на основе нормативных предписаний международного права и решений международных судов *ad hoc*, дана авторская трактовка. Так, И.Б. Колчевский в качестве контекстуальных элементов преступлений против человечности приводит шесть составляющих: такое преступление совершается как в военное, так и в мирное время; нападение направлено против гражданского населения; нападение совершается в рамках широкомасштабного или систематического нападения; широкомасштабный или систематический характер нападения осознается субъектом; в условиях такого нападения совершаются «бесчеловечные акты», направленные против личности и ее неотъемлемых прав и свобод.

¹³⁵ Собственно говоря, в российской доктрине «контекстуальным элементам» преступлений против мира и безопасности человечества внимание стало уделяться в последние десять-пятнадцать лет.

См.: *Богущ Г.И.* Элементы преступлений в системе применимого права Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права 2009. Специальный выпуск. СПб., 2010. С. 422–429;

Малярова Е.А. Контекстуальный элемент преступлений против человечности: от истоков к современности // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11. С. 57–59;

Триkoz Е.Н. Международный уголовный суд: комплементарность vs. наднациональность // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / отв. ред. *А.И. Рапог*. М.: МГЮА, 2009. С. 493–497.

¹³⁶ См., например: *Костенко Н.И.* Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 213–214; *Русанов Г.А.* Международная уголовная ответственность и международное преступление. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 45–46;

Триkoz Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 165–166.

Рассуждая о широкомасштабности и/или систематичности нападения, автор говорит о «поведении, состоящем из ряда насильственных действий», причем понятие «нападение» должно охватывать «любые акты жестокого обращения с гражданским населением» (в частности, убийства, пытки, изнасилования и пр.). Широкомасштабность нападения подразумевает «значительное количество жертв», а «систематичность» – «высокий уровень организованности, вытекающий из методичного осуществления какой-либо политики государства или организации». Буквально толкуя ст. 7(3) Элементов преступлений, акцент сделан на том, что «такая политика может выражаться, во-первых, в том, что государство или организация активно поощряют осуществление нападения на гражданское население либо подстрекают к нему, во-вторых, создают условия для такого рода деяний».

Отметим, что И.Б. Колчевский, следуя положениям ст. 3 Устава Международного трибунала по Руанде, говорит о нападении на гражданское население как о нападении на представителей «обособленной группы или общности, идентифицирующей себя по каким-либо сходным признакам (расовым, национальным, этническим и пр.)¹³⁷.

А.Г. Кибальник характеризует «контекстуальный элемент» преступлений против человечности преимущественно через практику международных трибуналов *ad hoc*. Автор говорит о значительной роли такой практики в понимании «широкомасштабности» и «систематичности» нападения на гражданское население, которые «переводят» тяжкое общеуголовное преступление, наказуемое по национальному праву в разряд преступлений против человечности. В то же время он приводит примеры разноречивых подходов в установлении контекстуального элемента преступлений против человечности, выработанных международными трибуналами по Руанде и бывшей Югославии. В частности, эти противоречивые позиции касаются элементов связи нападения с вооруженным конфликтом (как

¹³⁷ Международное уголовное право / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Юрайт, 2016. С. 152–153.

международным, так и внутригосударственным) и требования установления «вовлеченности государства» в совершение нападений и их сопряженности с вооруженным конфликтом¹³⁸.

В западной доктрине контекстуальным элементам преступлений против человечества уделено гораздо больше внимания.

Например, известный немецкий исследователь Г. Верле указывает, что любое преступление против человечности направлено, прежде всего, против гражданского населения, а не против отдельных лиц («объект нападения»). Данный фактор подчеркивает «коллективную природу» преступления против человечности вне зависимости от наличия/отсутствия вооруженного конфликта (вне связи с ним). Более того, в отличие от международного гуманитарного права, правовой статус гражданских лиц не зависит от того, «находятся ли они под контролем их собственной или противоборствующей стороны». Критерий «широкомасштабности» нападения означает его «количественный элемент» и зависит от количества жертв осуществленного нападения. Критерий «систематичности» имеет «качественный» характер и «указывает на уровень организации совершаемых актов насилия», служит «цели отграничения изолированных деяний от преступлений против человечности».

Далее, контекстуальные элементы преступлений против человечности входит «элемент политики». Данный элемент вовсе не означает, что политика должна быть «явной или сформулированной ясно и точно» или «решение о ее осуществлении принималось на высшем уровне. Доказательства наличия этого элемента могут быть «фактические обстоятельства, политические платформы или документы, публичные заявления или пропагандистские программы, а также создание политических или административных структур».

¹³⁸ Кибальник А.Г. Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 4. С. 148–150.

Наконец, по мнению Г. Верле, «ментальный элемент» преступления против человечности подразумевает осознание субъектом собственно самого факта совершения широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население и «что его действия представляют собой часть данного нападения». Однако это не означает, что субъект должен знать «подробности плана или политики государства или организации»¹³⁹.

Сходные по существу определения «контекстуального элемента» преступлений против человечности дают и другие авторитетные зарубежные авторы. Например, по словам А. Кассезе, в первую очередь, преступления против человечности должны иметь широкомасштабную или систематическую природу – это «необходимый ингредиент» для признания нападений именно в качестве преступлений против человечности. Конечно, требуется, чтобы «атака на человечность» характеризовалась «экстремальной жестокостью и не была спорадическим событием». В любом случае, такие преступления как убийства, пытки, изнасилования, преследования по политическим, расовым или религиозным основаниям становятся «преступлениями против человечности, только если они являются частью политики»¹⁴⁰.

К. Киттичайзари, описывая «контекстуальный элемент» преступлений против человечности, подчеркивает, что, несмотря на «спорные» положения ст. 3 Устава Международного трибунала по Руанде (о связанности гражданского населения определенной национальной, расовой или религиозной общности). В итоге он приходит к выводу о том, что жертвами преступлений против человечности (при соблюдении всех прочих критериев «контекстуального элемента») могут быть «любые гражданские лица»:

¹³⁹ *Верле Г.* Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 398–412.

¹⁴⁰ *Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A.* Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 92–94.

«индивидуальная жертва» становится таковой только по причине принадлежности к гражданскому населению и без каких-либо оговорок¹⁴¹.

Надо специально отметить, что многие зарубежные авторы говорят о «динамике изменений» понимания «контекстуального элемента» преступлений против человечности. Эта «динамика» связана с изменениями «уставных» норм (либо преодолением расхождений в «уставных» нормах, а именно – в предписаниях уставов международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии) и практики рассмотрения дел в международных трибуналах *ad hoc* и Международном уголовном суде.

Например, К. Амбос и С. Вирт приходят к «поразительному выводу» о том, что «контекстуальный элемент» преступлений против человечности «продолжает меняться на протяжении всей своей истории». В настоящее время в содержании «контекстуального элемента» преступлений против человечности наблюдается «отказ от военного звена, отказ от связи с властью, будь то государство, организация или группа». Если раньше установление таких «связей» требовалось «большинством формулировок преступлений против человечности», то сейчас «авторитетные судьи» [международных уголовных судов – Р.Н.] требуют установления лишь «общего существования контекста»¹⁴². И с этим «поразительным выводом» можно только согласиться.

Указанный «поразительный вывод» о качественном изменении «контекстуального элемента» преступлений против человечности нашел поддержку у других авторов. Например, по мнению М. Ренцо, понимание преступлений против человечности по причине решений международных трибуналов *ad hoc* в настоящее время «уже претерпело ряд важных изменений». Например, «связь с вооруженным конфликтом больше не требуется». Аналогичным образом, требование о том, что «жертвами преступле-

¹⁴¹ Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. С. 94–95.

¹⁴² Ambos K., Wirth S. The Current Law of Crimes against Humanity // Criminal Law Forum. 2002. Vol. 13. P. 12–13.

ний против человечности могут быть только гражданские лица, в конечном итоге было отменено». Наконец, «сейчас признается, что преступления против человечности не должны совершаться субъектами, действующими от имени правительства». При этом особо подчеркивается что «все эти изменения произошли от решений трибуналов»¹⁴³.

Говоря иными словами, «контекстуальный элемент» преступлений против человечности, заложенный уставными нормами Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, претерпел существенные изменения в силу сложившейся практики самих этих Трибуналов. В результате такой трансформации появился официальный документ Международного уголовного суда – Элементы преступлений, отразивший состоявшиеся изменения «контекстуального элемента» преступлений против человечности. Однако не исключено, что под воздействием практики Международного уголовного суда будут изменены и сами элементы преступлений.

По этим причинам представляется необходимым рассмотреть современное содержание «контекстуального элемента» преступлений против человечности через призму Уставов Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, практики международных судов *ad hoc* и предписаний Элементов преступлений. Исходя из сложившегося в доктрине понимания «контекстуального элемента» преступлений против человечности, для уяснения его содержания необходимо изучить следующие факторы:

- 1) понимание гражданского населения как объекта широкомасштабного или систематического нападения;
- 2) обязательность связи совершаемого преступления против человечности с наличествующим вооруженным конфликтом (международным или внутренним);
- 3) «широкомасштабный» или «систематический» характер нападения на гражданское население (в рамках которого совершаются конкретные

¹⁴³ *Renzo M. Crimes against Humanity and the Limits of International Criminal Law // Law and Philosophy. 2012. Vol. 31. P. 475.*

преступления против человечности – убийства, акты сексуального насилия и «жестокое обращение» и пр.);

4) обязательность вовлеченности государства в совершение широко-масштабного или систематического нападения на гражданское население;

5) субъективная составляющая (*mens rea*) «контекстуального элемента».

Гражданское население как объект нападений.

Если в ст. 5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии речь идет о совершении нападений в отношении «любого гражданского населения», то ст. 3 Устава международного трибунала по Руанде буквально оговаривает, что такое нападение совершается на гражданское население «по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам». Как уже говорилось, в доктрине было обращено внимание на такое противоречие «уставных» норм, которое впоследствии было ликвидировано в Римском Статуте Международного уголовного суда.

В любом случае необходимо ответить на вопрос: означает ли это противоречие тот факт, что, в одном случае защищается любой представитель гражданского населения, а в другом – лишь представитель оговоренной группы (групп)? Как показала практика международных судов – нет.

В «знаковом» (у некоторых авторов – «беспрецедентном») решении Международного трибунала по бывшей Югославии по делу *Prosecutor v. D. Tadic* сказано буквально следующее: «Определение ... “население” не означает, что жертвами данных деяний должно быть все население соответствующего государства или территории для того, чтобы деяния признавались преступлениями против человечности...»

Условие “направленности против любого гражданского населения” означает то, что деяния не являются отдельными, а представляют собой линию поведения... Поэтому логический смысл заключается не на отдельной жертве, а на коллективе, и отдельное лицо становится индивидуальным потерпевшим не в связи с его индивидуальными характеристиками, а

связи с тем, что оно является членом гражданского населения, на которое и совершается нападение»¹⁴⁴.

В других решениях Международного трибунала по бывшей Югославии этот тезис был подтвержден, а также уточнено, что не имеет никакого значения «гражданство» жертвы нападения или субъекта нападения¹⁴⁵.

Также надо отметить, что в решениях международных трибуналов *ad hoc* отмечалось, что гражданским лицом надлежит признавать любого человека, не относящегося к «организованной власти, применяющей силу». На основе этого к гражданским лицам следует относить участников вооруженных сил или вооруженных групп, которые перестали принимать участие в боевых операциях или «были выведены из строя иным образом» (при соблюдении «контекстуального условия», что само нападение на них не связано с вооруженным конфликтом)¹⁴⁶.

Именно в силу вышеприведенных факторов «преступлениями против человечности надлежит считать не только против гражданских лиц в строгом смысле данного определения, ... но также бывших членов движений сопротивления и бывших комбатантов», переставших принимать участие в вооруженном конфликте¹⁴⁷.

Таким образом, можно утверждать, что к представителю гражданскому населению относится *любое лицо, не принимающее непосредственного участия в боевых действиях в вооруженном конфликте* (как международного, так и немеждународного характера). И можно только приветствовать указание в ст. 7 (3) Элементов преступлений на то, что «нападение на гражданское население» в контексте данных элементов понимается как линия поведения «против любых гражданских лиц».

¹⁴⁴ *Prosecutor v. D. Tadic*. Case № IT-94-I-A. 2 October 1995. § 644.

¹⁴⁵ *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez*. Case № IT-95-14/2-A. 17 December 2004. § 50; *Prosecutor v. S. Galic*. Case № IT-89-29-A. 30 November 2006. § 144

¹⁴⁶ См.: *Prosecutor v. G. Jelisic*. Case № IT-95-10-T. 14 December 1999. § 54; *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez*. Case № IT-95-14/2-T. 26 February 2001. § 180.

¹⁴⁷ *Prosecutor v. T. Blaskic*. Case № IT-95-14-T. 3 March 2000. § 214.

Связь преступлений против человечности с вооруженным конфликтом.

Вопрос о связи преступлений против человечности с вооруженным конфликтом (изначально – международным, а впоследствии – и внутренним) генетически связан с Приговорами Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Понятно, что инкриминированные осужденным преступления против человечности имели самую непосредственную связь с военными действиями и были совершены непосредственно в их ходе. Однако к моменту создания международных трибуналов *ad hoc* ситуация принципиально изменилась.

Международные трибуналы по Руанде и бывшей Югославии на протяжении более чем двадцати лет «параллельно» рассматривали дела о военных преступлениях и преступлениях против человечности (а также об актах геноцида) в соответствии с объемом юрисдикции, установленным в ст. 2–5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии и в ст. 2–3 Устава Международного трибунала по Руанде.

Перед тем, как рассмотреть вопрос об обязательности или необязательности связи преступления против человечности с вооруженным конфликтом, обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на существенную разницу в перечне деяний, считающихся военными преступлениями или преступлениями против человечности, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что де-факто одно и то же деяние может одновременно подпадать под признаки того или иного военного преступления и преступления против человечности.

Это касается, например, убийств, пыток, умышленного причинения «серьезного» вреда здоровью, актов сексуального насилия и иных деяний против жизни и здоровья, сексуальной свободы личности.

Недаром в доктрине отмечается, что *actus reus* (объективная сторона) «большинства таких [военных – Р.Н.] преступлений имеет сходство с объ-

ективной стороной преступлений против человечности»¹⁴⁸. Поэтому возникает закономерный вопрос: как правильно квалифицировать деяние, объективные признаки которого (*actus reus* в терминологии международного уголовного права) практически совпадают для конкретных составов военного преступления и преступления против человечности?

Обратимся к «наследию» международных уголовных трибуналов *ad hoc*. В деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии глубоко изучены объективные и субъективные признаки, прежде всего, военных преступлений. В частности, в наиболее «известных» решениях по делам *Prosecutor v. Z. Aleksovsky*, *Prosecutor v. T. Blaškić*, *Prosecutor v. Z. Delalić, Z. Mučić, H. Delić, E. Landzo*, *Prosecutor v. A. Furundžija*, *Prosecutor v. R. Krstić*, *Prosecutor v. D. Kunarač*, *Prosecutor v. Z. Mučić*, *Prosecutor v. D. Tadić* дано официальное толкование признакам таких военных преступлений, совершаемых в отношении участников оппозиционных вооруженных сил и/или гражданских лиц, как:

1) *убийство*¹⁴⁹;

2) *пытка* в отношении плененных участников вооруженных групп в конфликте немеждународного характера и/или представителей гражданского населения¹⁵⁰;

3) *«жестокое (дурное) обращение»*¹⁵¹;

4) *умышленное причинение «серьезных телесных повреждений» или «ущерба» здоровью, включая «ментальный» (психический) вред*¹⁵²;

5) *акты сексуального насилия*¹⁵³.

¹⁴⁸ Лямин Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 27.

¹⁴⁹ *Prosecutor v. Z. Mučić*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 439.

¹⁵⁰ См.: *Prosecutor v. Z. Delalić, Z. Mučić, H. Delić, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 468;

Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT-96-23/23/1-T. 22 February 2001. § 182.

¹⁵¹ *Prosecutor v. Z. Delalić, Z. Mučić, H. Delić, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 1086, 1124.

¹⁵² *Prosecutor v. Z. Delalić, Z. Mučić, H. Delić, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 509; *Prosecutor v. R. Krstić*. Case № IT-98-33-T. 2 August 2001. § 513.

За время деятельности органов международной уголовной юстиции ад hoc в решениях Международного трибунала по Руанде (в частности, по делам *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*; *Prosecutor v. I. Bagilishema*; *Prosecutor v. S. Gacumbitsi*; *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*; *Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana*; *Prosecutor v. G. Rutaganda*) и Международного трибунала по бывшей Югославии (например, по делам *Prosecutor v. D. Kordić and M. Čerkez*; *Prosecutor v. R. Krstić*; *Prosecutor v. M. Kvočka et al*; *Prosecutor v. M. Milutinović*; *Prosecutor v. M. Stakić*) многократно давалось содержательное толкование таким конкретным преступлениям против человечности, совершенным против представителей гражданского населения в контексте «широкомасштабного или систематического нападения», как:

- 1) *убийство*¹⁵⁴;
- 2) «*истребление*»¹⁵⁵;
- 3) *пытка*¹⁵⁶;
- 4) *акты сексуального насилия*¹⁵⁷.

¹⁵³ См.: *Prosecutor v. Z. Aleksovsky*. Case № IT-95-14/1– T. 25 June 1999. §§ 158, 173;

Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT-95-17/1–T. 10 December 1998. § 164–172.

¹⁵⁴ См.: *Prosecutor v. I. Bagilishema*. Case № ICTR-95-1A-T. 7 June 2001. § 88–89; *Prosecutor v. S. Gacumbitsi*. Case № ICTR-2001-64-T. 17 June 2004. § 309; *Prosecutor v. D. Kordić and M. Čerkez*. Case № IT-95-14/2-A. 17 December 2004. § 37;

Prosecutor v. M. Kvočka et al. Case № IT-98-30/1-A. 28 February 2005. § 261;

Prosecutor v. M. Milutinović. Case № IT-05-87-T. 26 February 2009. § 138.

¹⁵⁵ *Prosecutor v. I. Bagilishema*. Case № ICTR-95-1A-T. 7 June 2001. § 90; *Prosecutor v. S. Gacumbitsi*. Case № ICTR-2001-64-T. 17 June 2004. § 309; *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR-95-1-T. 21 May 1999. § 146–147;

Prosecutor v. R. Krstić. Case № IT-98-33–T. 2 August 2001. § 503;

Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana. Case № ICTR-96-10-A. 13 December 2004. § 516;

Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR-96-13-T. 6 December 1999. § 84;

Prosecutor v. M. Stakić. Case № IT-97-24-A. 22 March 2006. § 260.

¹⁵⁶ См.: *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4–T. 2 September 1998. § 594–596;

Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT-95-17/1–T. 10 December 1998. § 267; 18.

Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT-96-23/23/1–T. 22 February 2001. § 482;

Prosecutor v. Z. Mučić. Case № IT-96-21–T. 16 November 1998. § 496.

Содержательно в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии сходные по объективным и субъективным признакам деяния квалифицировались в одних случаях в качестве преступлений против человечности, а в других – как военные преступления. Однако, как известно, в силу принципа международного уголовного права «не суди дважды» (*non bis in idem*), имеющего прямые аналоги в национальном уголовном законодательстве (например, в ст. 6 УК РФ), одно деяние не может быть одновременно квалифицировано либо как преступление против человечности, либо как военное преступление. В связи с этим возникает проблема правильной квалификации указанных деяний в качестве военного преступления или преступления против человечности.

В литературе также обращено внимание на необходимость отграничения (в первую очередь, по объективной стороне) преступлений против человечности и военных преступлений в условиях вооруженного конфликта¹⁵⁸.

Так, по мнению В.А. Уткина, для этого уместны два критерия: вид вооруженного конфликта и принадлежность гражданского населения. «Нападение на гражданское население государства-противника в международном вооруженном конфликте должны расцениваться как военные преступления, а насильственные действия, предусмотренные ст. 7 Римского Статута, совершаемые в международном конфликте в отношении собственного населения или его части, – как преступления против человечности». С другой стороны, в случае наличия вооруженного конфликта немеждународного характера, «подобные деяния в отношении гражданского населения могут быть квалифицированы как военные преступления, если

¹⁵⁷ См.: *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 598; *Prosecutor v. A. Furundzija*. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998. § 185; *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Case № IT-96-23/23/1-T. 22 February 2001. § 458.

¹⁵⁸ Хотя ряд авторов считают совершение преступления против человечности в ходе вооруженного конфликта его квалифицирующим признаком.

См.: Скуратова А.Ю., Синякин И.И. Международное уголовное право / под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: Проспект, 2021. С. 95.

на территории государства идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами»¹⁵⁹.

Представляется, что для верной квалификации и отграничения совпадающих по объективной стороне (*actus reus*) преступлений против человечности от военных преступлений необходимо использовать, с одной стороны, предписания действующих норм международного уголовного права, а, с другой – «контекстуальные» и «квалификационные» правила, выработанные в решениях самих международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

В соответствии с уставами международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, а также конвенционными нормами (в частности, предписаниями Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г.), «адресатами» военных преступлений являются:

- 1) военнопленные и приравненные к ним лица в международном вооруженном конфликте;
- 2) пленные в ходе внутренних вооруженных конфликтов;
- 3) гражданское население, ставшее объектом преступных посягательств в ходе вооруженных конфликтов международного и внутреннего характера.

Потерпевшими от преступлений против человечности конвенционные нормы и общие нормы международного права называют только представителей гражданского населения. Поэтому совершение убийств, актов «жестокости обращения», действий, расцениваемых как сексуальное насилие и прочих «бесчеловечных» преступных деяний в отношении военнопленных и приравненных к ним лиц, а также в отношении пленных в ходе внутрен-

¹⁵⁹ Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью. Томск: Издательство НТЛ, 2017. С. 68.

них вооруженных конфликтов *должно расцениваться как военное преступление.*

Следовательно, основная проблема (в установлении «контекстуального элемента») при квалификации совершенного деяния как преступления против человечности или военного преступления возникает только в случае, если потерпевшими являются представители гражданского населения. Исходя из предписаний норм международного уголовного права и решений международных трибуналов *ad hoc*, практически все авторы единодушны в том, что для квалификации содеянного как военного преступления необходимо установить «контекстуальную связь» совершенного деяния с вооруженным конфликтом международного либо внутреннего характера. В соответствии с решением Международного трибунала по бывшей Югославии по делу *Prosecutor v. D. Kordić and M. Čerkez*, любое, даже «самое страшное», «общеуголовное» преступление может быть квалифицировано в качестве военного преступления только в случае установления «очевидной связи» совершенного преступления с фактически существующим вооруженным конфликтом¹⁶⁰.

При этом, как отмечается в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии, достаточно установить, что «инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта».

Согласно решениям по делам *Prosecutor v. D. Kunarač et al* и *Prosecutor v. D. Tadić*, военное преступление не обязательно совершается на непосредственно территории идущего вооруженного конфликта: вполне допускается ситуация, когда такое преступление может быть совершено вне непосредственной территории вооруженного конфликта, но в обязательной связи с вооруженным конфликтом¹⁶¹.

¹⁶⁰ *Prosecutor v. D. Kordić and M. Čerkez*. Case № IT-95-14/2-T. 26 February 2001. § 22.

¹⁶¹ См.: *Prosecutor v. D. Kunarač et al*. Case № IT-96-23/23/1-T. 22 February 2001. § 57;

Как подчеркивает А.Г. Кибальник, «одним из наиболее известных решений Международного трибунала по бывшей Югославии стало признание виновными в военных преступлениях группы боснийских мусульман, совершивших убийства, пытки и иные массовые акты насилия в отношении заключенных-сербов в концентрационном лагере “Челебичи”»¹⁶². Действительно, в судебном решении по делу *Prosecutor v. Z. Delalić, Z. Mučić, H. Delić, E. Landzo* сказано, расправа над сербскими пленными в этом лагере имела место, когда на этой территории вооруженный конфликт уже прекратился. Однако виновные «были арестованы и задержаны в результате военных действий, проводимых от имени правительства Боснии и Герцеговины и в ходе вооруженного конфликта, стороной которого являлась последняя»¹⁶³.

Наконец, в решениях международных уголовных трибуналов *ad hoc* принципиально важным моментом стало указание на тот факт, что военные преступления в равной степени могут совершаться в ходе международного и немеждународного (внутреннего) вооруженного конфликта.

Например, в «беспрецедентном» апелляционном решении по делу *Prosecutor v. D. Tadić* указано, что качестве именно военного преступления необходимо расценивать «серьезные нарушения как общей [для Женевских конвенций] Статьи 3 и дополняющих ее других общих принципов и норм защиты жертв внутреннего вооруженного конфликта, так и за серьезные нарушения определенных фундаментальных принципов и норм, касающихся средств и методов ведения войны в ходе гражданских волнений»¹⁶⁴.

Prosecutor v. D. Tadić. Case № IT-94-I-A. 2 October 1995. § 70.

¹⁶² Кибальник А.Г. Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. № 7. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2013. С. 440–441.

¹⁶³ *Prosecutor v. Z. Delalić, Z. Mučić, H. Delić, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 196.

¹⁶⁴ *Prosecutor v. D. Tadić*. Case № IT-94-I-A. 2 October 1995. § 128.

Таким образом, исходя из смысла решений Международного трибунала по бывшей Югославии, если преступное деяние (при установлении всех «конвенционных» и «контекстуальных» условий и признаков) совершено в отношении представителей гражданского населения в ходе вооруженного конфликта международного или немеждународного характера либо в непосредственной связи с таким конфликтом, то оно *должно квалифицироваться в качестве военного преступления*. Говоря иными словами, несмотря на совпадение объективной стороны многих преступлений против человечности и военных преступлений, для квалификации содеянного как преступления против человечности необходимо исключить его непосредственную связь с вооруженным конфликтом (как международным, так и внутренним).

Этот вывод вступает в определенное противоречие с положениями ст. 5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии. В ней, в отличие от аналогичной ст. 3 Устава Международного трибунала по Руанде, указывается на совершение преступлений против человечности все же в ходе вооруженного конфликта (неважно какого – внутреннего или международного).

Согласимся с мнением о том, что такая формулировка Устава Международного трибунала по бывшей Югославии стала данью «Нюрнбергской традиции». Действительно: в Уставе и Приговоре Нюрнбергского и Токийского трибуналов указывалось, что преступления против человечности непосредственно связаны с военными действиями (вооруженным конфликтом). Но в дальнейшем ситуация изменилась самым принципиальным образом.

Согласно интересной позиции К. Киттичайзари, включение в Устав Международного трибунала по бывшей Югославии требования о том, чтобы преступления против человечности совершались в вооруженном конфликте, «может стереть различие между военными преступлениями и преступлениями против человечности». Тем не менее, «такое различие все

еще существует даже в этом случае». Как считает автор, «по всей видимости», разработчики Устава «предполагали, что те военные преступления, которые, помимо целеполагания в отношении гражданских лиц как жертв, обладают особыми чертами, характерными для преступлений против человечности ... должны быть отнесены к категории преступлений против человечности»¹⁶⁵.

Однако в настоящее время практика международных трибуналов *ad hoc* (прежде всего, Международного трибунала по бывшей Югославии) сформировала принципиально иной подход. Например, в одном из «знаковых» решений по делу *Prosecutor v. D. Tadić* сказано о том, что «преступления против человечности не требуют связи с международным вооруженным конфликтом». Соответственно, в настоящее время «нет ни логического, ни правового основания для этого требования» – то есть для требования обязательной увязки совершения преступления против человечности с вооруженным конфликтом или в его контексте¹⁶⁶.

Именно решение по указанному делу, фактически подтвержденное в ряде последующих приговоров¹⁶⁷, дало основание говорить о «негласной революции» в понимании преступлений против человечности. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для применения норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности на национальном уровне – особенно в тех странах, где законодательно система преступлений против человечности отсутствует либо существует в рудиментарном виде.

В уголовном законодательстве большинства современных государств, в той или иной форме, имеется норма (нормы) о военном преступлении (военных преступлениях). И в случаях совершения вышеназванных нападений на военнопленных, плененных в ходе немеждународного вооруженного конфликта, а также гражданских лиц – при установленности «контек-

¹⁶⁵ Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. P. 93.

¹⁶⁶ *Prosecutor v. D. Tadić*. Case № IT-94-I-T. 2 October 1995. § 140–142.

¹⁶⁷ *Prosecutor v. T. Blaskic*. Case № IT-95-14-T. 3 March 2000. § 66–68

стуальной связи» такого нападения должна применяться норма о военном преступлении. Для Российской Федерации речь идет о квалификации содеянного по ст. 356 УК РФ о применении запрещенных средств и методов ведения войны.

Говоря иными словами, в случае юридической оценки по УК РФ деяний, совершенных в рамках широкомасштабного или систематического нападения на представителей гражданского населения, и установления непосредственной связи этого нападения с вооруженным конфликтом международного или внутреннего характера, квалификация должна происходить, в том числе, и по ст. 356 УК РФ. Это особенно актуально для «текущего момента» и реального правоприменения, так как Следственный комитет РФ возбудил и продолжает возбуждать значительное количество уголовных дел по факту совершения преступлений против мирных людей в ходе гражданской войны на востоке Украины, жертвами которой стали тысячи представителей гражданского населения. Начиная с 2014 г. такие уголовные дела возбуждаются в массовом порядке¹⁶⁸, и все они квалифицированы на стадии предварительного расследования по ст. 356 УК РФ. По состоянию на 13 ноября 2022 г. на официальном сайте Следственного комитета РФ размещены 743 материала о совершении военных преступлений украинскими военнослужащими и участниками вооруженных формирований¹⁶⁹.

«Широкомасштабность» и/или «систематичность» нападений на гражданское население.

В соответствии с конвенциональными, уставными и общими нормами международного уголовного права, для квалификации содеянного как пре-

¹⁶⁸ См., например: Возбуждены уголовные дела в отношении украинских военнослужащих, причастных к обстрелам гражданского населения Донбасса // <https://sledcom.ru/news/item/1449869/>; Возбуждены три уголовных дела по фактам обстрелов гражданского населения Донбасса // <https://sledcom.ru/news/item/1453556/>; Председатель СК России поручил возбудить уголовное дело по фактам пыток и убийств мирных жителей Купянска // <https://sledcom.ru/news/item/1730160/> (дата обращения 13.11.2022).

¹⁶⁹ <https://sledcom.ru/cases/item/1168/> (дата обращения – 13.11.2022).

ступления против человечности должен быть установлен *контекст «широкомасштабного» и/или «систематического» нападения* на гражданское население. Как было сказано выше, обычно в доктрине признак «широкомасштабности» посягательств связывается с количеством жертв¹⁷⁰, а «систематичность» – с планированием совершения этих деяний со стороны органов государственной власти, непрерывностью совершения преступлений, с использованием значительных ресурсов¹⁷¹.

Непосредственно в решениях международных уголовных трибуналов *ad hoc* отмечено, что именно «широкий масштаб» и «систематичность» нападений на гражданское население «трансформируют обычное преступление, наказуемое по внутригосударственному праву, в преступление против человечности, которое ... стало затрагивать также и интересы международного права»¹⁷².

Принципиально важна позиция, выработанная в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии, о том, что нападения, совершаемые на гражданское население, не обязательно должны одновременно обладать признаками «широкомасштабности» и «систематичности». Такие нападения, в соответствии с решением по делу *Prosecutor v. M. Naletilić and V. Martinović*, квалифицируются в качестве преступления против человечности при «соответствии» **хотя бы одному** из этих «контекстуальных условий»¹⁷³.

В решениях международных уголовных трибуналов *ad hoc* указывается, что под «широкомасштабным нападением», как правило, понимается то

¹⁷⁰ Отметим, что в доктрине нередко говорится о неопределенности этого признака, поскольку он сам по себе «не является решающим» для вменения преступления против человечности. См.: Скуратова А.Ю., Сиякин И.И. Международное уголовное право / под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: Проспект, 2021. С. 99.

¹⁷¹ См.: Иногамова-Хегай Л.В., Курносова Т.И. Особенности объективных признаков преступлений против человечности в международном и национальном уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2. С. 33–36;

Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmschurts E. International Criminal Law and Procedure. Cambridge University Press, 2007. P. 195.

¹⁷² *Prosecutor v. D. Tadic.* Case № IT-94-I-T. 7 May 1997. § 644.

¹⁷³ *Prosecutor v. M. Naletilić and V. Martinović.* Case № IT-98-34-T. 31 March 2003. § 26.

обстоятельство, что нападение одновременно имеет «крупные масштабы» и направлено «против значительного числа жертв». В свою очередь, как справедливо указывает А. Кассезе, «систематический» характер нападений на гражданское население подразумевает, что «насильственные действия», как правило, предполагают методичные и организованные действия и совершаются «в рамках составленного заранее плана» либо в целом «проводимой политики» со стороны государства или какой-либо организации¹⁷⁴.

С другой стороны, не все авторы разделяют позиции решений международных судов *ad hoc* в понимании признаков «систематичности» и «широкомасштабности» нападений. Например, по мнению К. Амбоса, предпочтительнее позиция «о жесткой связке» признаков систематичности и широкомасштабности при совершении преступлений против человечности. По его словам, «теперешняя ситуация может привести к тому, что какие-либо нападения, в которых не усмотрен тот или иной признак, могут быть либо не вполне оправданно наказаны, либо остаться без наказания»¹⁷⁵.

Тем не менее, практика международных трибуналов *ad hoc* говорит об обратной ситуации.

Например, в решении по делу *Prosecutor v. G. Jelisić* говорится, что «существование признанной политики, направленной против определенного сообщества, учреждение параллельных институтов, предназначенных для реализации этой политики, участие высокого уровня политических или военных чиновников, вовлеченность значительных финансовых, военных или других ресурсов, а также масштаб или повторяемый, неизменный и непрерывный характер насилия, совершенного против определенного гражданского населения, находятся среди факторов, которые могут проде-

¹⁷⁴ Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 92–95.

¹⁷⁵ Ambos K. Crimes against Humanity and the International Criminal Court // Forging the Convention for Crimes against Humanity / ed. by L.N. Sadat. Cambridge University Press, 2011. P. 286..

монстрировать широкомасштабную или систематическую природу нападения»¹⁷⁶.

Понимание широкомасштабного характера нападения развито в решении по делу *Prosecutor v. T. Blaskic*, в котором «широкомасштабность» определена как «широкое географическое пространство, в пределах которого совершались преступления, так и ситуацию, когда преступные действия совершались в пределах небольшой территории, но были направлены на большое количество лиц»¹⁷⁷. Данные правила определения «широкомасштабного» характера нападения на представителей гражданского населения подтверждены в других решениях Международного трибунала по бывшей Югославии – например, в решениях по делам *Prosecutor v. D. Kordić and M. Čerkez* и *Prosecutor v. D. Kunarač et al.*¹⁷⁸.

В практике Международного трибунала по Руанде «широкомасштабность» нападения определялась схожим образом как «массовое, многократное, крупномасштабное действие, совершенное группой лиц, носящее серьезный характер и направленное против большого количества жертв»¹⁷⁹.

С другой стороны, в уже неоднократно упоминавшемся решении Международного трибунала по бывшей Югославии *Prosecutor v. D. Tadić* указано, что «даже единичное действие, направленное против одной жертвы, может быть квалифицировано в качестве преступления против человечности при условии, что существует непосредственная связь между совершенным деянием и проводимыми массовыми и систематическими атаками на гражданское население»¹⁸⁰.

¹⁷⁶ *Prosecutor v. G. Jelisić*. Case № IT-95-10-T. 14 December 1999. § 5.

¹⁷⁷ *Prosecutor v. T. Blaskic*. Case № IT-95-14-T. 3 March 2000. § 206.

¹⁷⁸ См.: *Prosecutor v. D. Kordić and M. Čerkez*. Case № IT-95-14/2-T. 26 February 2001. § 178;

Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002. § 103

¹⁷⁹ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 580.

¹⁸⁰ *Prosecutor v. D. Tadić*. Case № IT-94-I-T. 7 May 1997. § 649.

Не смотря на то, что Россия не признает юрисдикцию Международного уголовного суда, отметим: в «небогатой» практике перманентного органа международной уголовной юстиции уже появились несколько новые критерии «широкомасштабности нападения». Они связаны не только с количеством жертв, но и с территориальными масштабами совершаемых преступлений. Например, в деле *Prosecutor v. O.H. Al-Bashir* сказано, что нападение на гражданское население суданской провинции Дарфур имело широкомасштабный характер, так как оно «было направлено против сотен тысяч людей и осуществлялось на обширных пространственных территориях региона Дарфур»¹⁸¹.

Как отмечено в литературе, в решениях Международного трибунала по Руанде систематичный характер нападений на гражданское население определен как совершение таких нападений в качестве «организованных по регулярному образцу на основе общей политики, вовлекающих существенные общественные или частные ресурсы»¹⁸². В частности, в решении по делу *Prosecutor v. J.-P. Akayesu* выработано очень важное квалификационное правило о том, что систематичный характер нападений при совершении преступлений против человечности «не требует» установления вовлеченности государства в практику осуществляемые нападения¹⁸³.

Вовлеченность государства в совершение преступлений против человечности.

Традиционной, на основании Приговора Нюрнбергского трибунала, считалась позиция о том, что совершение преступлений против человечности происходит в рамках «государственной политики» либо при непосредственном участии государства и/или его официальных структур. Данное положение нашло отражение в ряде «уставных» норм международного права.

¹⁸¹ *Prosecutor v. O.H. Al-Bashir*. ICC-02/05-01/09-1.

¹⁸² Кибальник А.Г. Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 4. С. 149–150.

¹⁸³ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 580.

Однако, исходя из практики международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, можно говорить, что в их решениях выработано еще одно принципиально важное для квалификации преступлений против человечности правило. Согласно этому правилу, вовлеченность государства в совершение преступлений против человечности (как прямая вовлеченность, так и вовлеченность в виде осуществления исполнителями «плана» или «политики» государства или официальных структур) *не является обязательным «квалификационным» признаком преступления против человечности*¹⁸⁴.

В частности, в апелляционном решении по делу *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Буквально сказано следующее: «В международном обычном праве ... нет ничего, что указало бы на необходимость доказывания наличия плана или политики, направленных на совершение [преступлений против человечности]»¹⁸⁵.

С другой стороны, согласно апелляционному решению по делу *Prosecutor v. T. Blaškić*, установление такой «вовлеченности государства» (т.е. политического фактора участия государства в совершении преступлений против человечности) «может быть важным при доказывании того, что нападение было направлено против гражданского населения и что оно было широкомасштабным или систематическим»¹⁸⁶. Данное правило получило, в целом, положительную оценку у отечественных и западных авторов¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Надо отметить, что доктрине и в настоящее время нередко утверждается, что для преступлений против человечности характерно «существование правительственной, организационной или групповой политики или плана, или факт того, что преступления поддерживались политикой или планом для их выполнения». Хотя преступные деяния против человечности «физические лица могут совершать и в личном качестве, однако для квалификации их как преступления против человечности, они должны поддерживаться государственной политикой, действовать с ней, так сказать, “в унисон”».

См.: *Светличная Д.В.* Определение понятия и состав преступлений против человечности – легальный и доктринальный подходы // *Международный правовой курьер*. 2020. № 4. С. 22.

¹⁸⁵ *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002. § 98.

¹⁸⁶ *Prosecutor v. T. Blaškić.* Case № IT-95-14-A. 29 July 2004. § 120.

¹⁸⁷ См.: *Кибальник А.Г.* Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2015. № 4. С. 151;

Субъективная составляющая «контекстуального элемента» преступлений против человечности.

С точки зрения субъективной стороны (*mens rea*), лицо, совершающее преступление против человечности, как правило, действует «*сознательно*» и «*намеренно*» (в российском уголовном праве к «намеренности» наиболее близка конструкция прямого умысла). Также субъективную составляющую преступлений против человечности включает «осознанность» («сознательность») относительно наступления последствий в виде причинения вреда представителям гражданского населения в результате совершения конкретных деяний, осуществленных в рамках широкомасштабного и/или систематического нападения на представителей гражданского населения.

Например, в решении Международного трибунала по Руанде по делу *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana* сказано, что «преступник должен сознательно совершать преступление против человечности в том смысле, что он должен понимать общий контекст своих действий. Часть того, что превращает действия индивида в преступление против человечности, – это включенность этих действий в акт (акты) преступного поведения большего размера, и поэтому конкретный обвиняемый должен знать об этом большем аспекте, чтобы быть в нем виновным... Соответственно требуется фактическое или конструктивное знание о более широком контексте действий, составляющих нападение, а это означает, что обвиняемый должен знать, что его действие (действия) является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население»¹⁸⁸.

Однако международное правосудие допускает и «*безрассудно безразличное*» отношение к причинению вреда представителям гражданского населения в результате совершенных нападений (понятие «безрассудного безразличия» очень близко к конструкции косвенного умысла в отече-

Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 96.

¹⁸⁸ *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR-95-1-T. 21 May 1999. §§ 133–134.

венном уголовном законодательстве). Например, согласно решению по делу *Prosecutor v. D. Kunarač et al*, в этом случае достаточно установить, что виновное лицо осознавало (должно было осознавать), что «совершает действия в рамках широкомасштабного и/или систематического нападения»¹⁸⁹.

Вывод по параграфу.

Обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что «контекстуальный элемент» преступлений против человечности, определенный в уставах международных трибуналов *ad hoc*, за последние десять-пятнадцать лет претерпел существенные изменения. И решающая роль этой трансформации принадлежит практике указанных трибуналов, на основании которой во многом определены Элементы преступлений Международного уголовного суда.

В частности, из «контекстуального элемента» преступлений против человечности исчезли требования обязательного установления связи совершенного преступления с вооруженным конфликтом, участия лишь государства в его совершении в виде осуществления «политического плана». На настоящий момент необходимыми составляющими «контекстуального элемента» преступлений против человечности является установление широкомасштабного или систематического характера нападения на гражданское население, под которым понимаются все (любые) гражданские лица на территории совершения нападения.

Изменение «контекстуального элемента» преступлений против человечности позволяет четко разграничить деяния, объективные признаки которых совпадают в конкретных составах преступлений против человечности и военных преступлений (например, убийства, пытки, причинения «серьезного» вреда здоровью, актов сексуального насилия).

При установлении непосредственной связи такого деяния с вооруженным конфликтом международного или внутреннего характера оно должно

¹⁸⁹ *Prosecutor v. D. Kunarac et al*. Case № IT-96-23/23/1-T. 22 February 2001. § 410.

быть квалифицировано как военное преступление. Это имеет большое значение для квалификации деяний в национальной юрисдикции в государствах, чье уголовное законодательство не предусматривает норм о преступлениях против человечности. В частности, для России данное обстоятельство принципиально важно для целей применения ст. 356 УК РФ («Применение запрещенных средств и методов ведения войны»).

С выводом по параграфу в целом согласились 20 из 25 (80%) опрошенных в ходе анкетирования специалистов-теоретиков в области уголовного и международного права и 62% юристов-практиков.

Предлагаемая дефиниция.

Предлагая авторское определение преступлений против человечности (в качестве общего вывода по главе), мы будем исходить из следующих посылок:

1. Основой для выделения преступлений против человечности в самостоятельную группу преступлений против мира и безопасности человечества являются предписания действующих норм международного уголовного права (прежде всего, Устава Нюрнбергского трибунала, уставов международных трибуналов *ad hoc* и Римского Статута Международного уголовного суда).

2. Общей тенденцией развития системы преступлений против человечности является требование к их криминализации в национальном уголовном законодательстве, непосредственным образом сформулированное в Проекте Единой конвенции ООН о преступлениях против человечности (внесена Комиссией международного права ООН в 2014 г.).

3. Социально-юридическая сущность преступлений против человечности состоит в осуществлении широкомасштабного и/или систематического нападения на гражданское население – то есть на любых гражданских лиц, не являющихся комбатантами, участниками иных вооруженных групп, военнопленными либо пленными в ходе немеждународных вооруженных конфликтов.

4. Исходя из современного «контекстуального элемента» преступлений против человечности, их совершение не должно быть связанным с вооруженным конфликтом (как международного, так и немеждународного характера). В обратном случае такое «широкомасштабное и/или систематическое нападение на гражданское население» расценивается как соответствующее военное преступление (и, например, в случае юридической оценки по российскому законодательству, содеянное подлежит квалификации по ст. 356 УК РФ).

5. В соответствии с «контекстуальным элементом», участие государства или официальных структур в совершении преступлений против человечности в настоящее время не является их обязательным признаком. Чаще всего, такое участие (в виде реализации «государственного плана» или «плана политики» имеет место) имеет место в действительности, но юридически допускается и противоположная ситуация – отсутствие всяческого участия государства в совершении преступления против человечности.

6. Субъективная сторона (*mens rea*) «контекстуального элемента» преступлений против человечности, как правило, выражается в «намеренности» и «осознанности» совершаемых деяний в ходе «широкомасштабного и/или систематического нападения на гражданское население». В российском уголовном праве этим критериям соответствуют характеристики прямого умысла в отношении деяния, прямого или косвенного умысла – в отношении последствий.

7. По смыслу действующих норм международного уголовного права, ответственности за преступления против человечности подлежит любой вменяемый субъект, достигший возраста уголовной ответственности.

На основе всего изложенного, полагаем возможным предложить следующее определение: ***«Преступления против человечности – это умышленные деяния, являющиеся частью системы преступлений против мира и безопасности человечества, выраженные в широкомасштабном или систематическом нападении на гражданское население,***

не связанном с вооруженным конфликтом. Преступность этих деяний установлена в международном уголовном праве и рекомендована к установлению в национальном уголовном законодательстве».

Отметим, что данное определение поддержали 21 из 25 (84%) опрошенных в ходе анкетирования специалистов-теоретиков в области уголовного и международного права и 62% юристов-практиков.

Глава 3. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

3.1. Зарубежный опыт криминализации преступлений против человечности (на примере стран континентальной Европы)

Как было показано в предыдущей главе, начиная с Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г., в конвенционных нормах международного уголовного права стало традиционным указание на то, что преступность и наказуемость того или иного деяния, определенные в международном документе, должна быть установлены в национальном законодательстве. Данное правило корреспондирует к положению ст. 27 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1963 г. о том, что государство-участник «не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора»¹⁹⁰.

Хотя «уставные» нормы международного уголовного права столь явного указания (об обязательной криминализации предусмотренных ими преступлений) прямо не содержат, именно вступление в силу Римского Статута Международного уголовного суда ознаменовало собой настоящую «революцию» для внутреннего уголовного законодательства государств-участников. Большинство из них, так или иначе, либо в той или иной мере, криминализовали преступления, перечисленные в Статуте, в своем национальном уголовном законодательстве¹⁹¹.

¹⁹⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

¹⁹¹ Подробнее см., например: *Елисеев Р.А.* Реализация международных обязательств по Римскому Статуту Международного уголовного суда 1998 года // Современное право. 2010. № 7. С. 113–115;

И произошло это, в немалой степени, «благодаря» наиболее спорному положению самого Римского Статута – положению о его «комплементарности», то есть о том, что Международный уголовный суд лишь «дополняет» органы национальной юстиции. Поэтому основной акцент на реальном уголовном преследовании за преступления против человечности и другие преступления против мира и безопасности человечества начал делаться на применении норм национального уголовного права. Комплементарность сама по себе «допускает множество степеней реализации и, помимо этого, множество способов достижения уголовного правосудия не только потому, что это разнообразие существует, но и потому, что оно само по себе имеет нормативную ценность». Деятельность Международного уголовного суда более ценна в том смысле, что «подчеркивает определенную степень политической и социальной готовности [государств] к необходимости иметь дело с наихудшими преступлениями». Поэтому значимость реализации «идей» международного уголовного права о неотвратимой ответственности за «наихудшие преступления» самими государствами (т.е. в системе национальной уголовной юстиции) «не имеет никаких сомнений»¹⁹².

Говоря о зарубежном опыте криминализации преступлений против человечности, мы, преимущественно, будем рассматривать такой опыт 20-

Савельев В.А. Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: общие вопросы, взгляд на международный опыт // Юриспруденция. 2006. № 8. С. 173–194;

Хачирова В.С. Ратификация Римского Статута международного уголовного суда как признание верховенства международного права в международных и внутригосударственных отношениях // Российский ежегодник международного права. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. С. 340–356;

Goldmann M. Implementing the Rome Statute in Europe: From Sovereign Distinction to Convergence in International Law // Finnish Yearbook of International Law. 2005. Vol. 16. P. 5–29;

Imoedemhe O.C. National Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court: Obligations and Challenges for States Parties // The Complementarity Regime of the International Criminal Court. Springer, 2017. P. 55–87;

Kress C., Lattanzi F. The Rome Statute of the International Criminal Court and Domestic Legal Orders. General Aspects and Constitutional Issues. Baden-Baden: Nomos Publ., 2000. P. 91–112; и др.

¹⁹² *Megret F.* Too Much of a Good Thing? ICC Implementation and the Uses of Complementarity // The International Criminal Court and Complementarity / edited by S. Stahn, M. El Zeidy. Cambridge University Press, 2011. P. 388–390.

сударств континентальной Европы. Так как уголовно-правовая система России принадлежит к континентальной (романо-германской) правовой семье¹⁹³, то опыт наиболее «родственных» в правовом отношении стран может быть для нас наиболее полезен. И этот опыт государств континентальной Европы, «вышедший за рамки Римского Статута», позволяет найти «приемлемое решение» в отношении «уголовного преследования наиболее опасных международных преступлений» национальными судебными органами в соответствии с национальным уголовным законодательством¹⁹⁴.

Прежде всего, надо отметить: общая обязанность криминализовать преступления по международному праву во внутреннем законодательстве проистекает из предписаний большинства *конституций* современных европейских стран, закрепляющих правило приоритета международного права над национальным правом.

Например, согласно ст. 55 Конституции Франции, международные договоры и соглашения, «должным образом одобренные и ратифицированные, имеют силу, превышающую силу законов»¹⁹⁵. Соответственно, «реализация принципа примата международного права над внутригосударственным привела к включению в УК новых норм, в частности, о преступлениях против мира и безопасности человечества». Ранее существовавшие в

¹⁹³ По этому вопросу см., например: Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть / под ред. *Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой*. М.: Зерцало–М, 2002. С. 542; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2018. С. 708.

¹⁹⁴ *Goldmann M.* Implementing the Rome Statute in Europe: From Sovereign Distinction to Convergence in International Law // *Finnish Yearbook of International Law*. 2005. Vol. 16. P. 27–29.

¹⁹⁵ Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 43.

Аналогичные предписания о приоритете норм международного права над национальным законодательством содержатся в большинстве конституций европейских государств. Например, в ст. 25 Конституции Федеративной Республики Германии: «Общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права. ... Они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации».

См.: Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 34.

уголовном законодательстве Франции нормы о международных преступлениях «были приведены в соответствие с международно-правовыми соглашениями»¹⁹⁶.

Какова современная ситуация с криминализацией преступлений против человечности в национальном уголовном праве зарубежных стран континентальной Европы?

Для начала отметим важное обстоятельство: в документах 71-й сессии Комиссии международного права ООН, посвященной обсуждению проекта Единой Конвенции о преступлениях против человечности, сказано, что «законы о преступлениях против человечности, предусматривающие уголовное преследование таких преступлений в рамках национальной системы, были приняты многими государствами».

Далее: именно Римский Статут [на основании предшествующего опыта – Р.Н.] «придал особый импульс принятию или пересмотру ряда национальных законов о преступлениях против человечности, где такие преступления определяются точно в точно таких же или аналогичных терминах, что и в определении в статье 7 Статута». С другой стороны, «многие государства приняли национальные законы, которые отличаются – и порой существенно отличаются – от определения в статье 7».

Наконец, «существует еще ряд государств, которые вообще не приняли национальных законов о преступлениях против человечности. Как правило, в таких государствах имеются национальные уголовные законы, предусматривающие наказания в той или иной форме за многие отдельные действия, которые при определенных обстоятельствах могут являться преступлениями против человечности, такие как убийство, пытки или изнасилование». Однако эти государства «не криминализировали преступления против человечности как таковые, и эта лакуна может препятствовать уго-

¹⁹⁶ См.: Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. 3-е изд. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Wolters Kluwer, 2010. С. 288;

Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. 4-е изд. / под ред. Н.Е. Крыловой. М.: Юрайт, 2013. С. 287–288.

ловному преследованию и наказанию таких деяний, соизмеримому с тяжестью правонарушения»¹⁹⁷.

Как отмечено во Втором докладе Комиссии международного права ООН о проекте Единой конвенции о преступлениях против человечности, 104 государства из 193 членов ООН «имеют в какой-либо форме национальные законы, однозначно касающиеся преступлений против человечности». Государства, в которых нормы о преступлениях против человечности отсутствуют, «обычно имеют национальные уголовные законы, позволяющие назначать наказания в той или иной форме за многие из индивидуальных действий, которые при определенных обстоятельствах могут представлять собой преступления против человечности, такие как убийство, пытки или изнасилование». Во Втором докладе Комиссии международного права ООН вновь подчеркнуто, что государства, не криминализовавшие преступления против человечности во внутреннем уголовном законодательстве, имеют «серьезную недоработку», которая «может помешать уголовному преследованию и наказанию за это деяние так, чтобы это было соизмеримо с тяжестью преступления»¹⁹⁸.

«Способы» или «модели» имплементации положений Римского Статута Международного уголовного суда и иных норм международного права (включающих положения о преступлениях против человечности) во внутреннее законодательство активно обсуждаются в доктрине последние два десятилетия. Если обобщить высказанные точки зрения¹⁹⁹ и попытать-

¹⁹⁷ <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/726> (дата обращения 13.11.2022).

¹⁹⁸ https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CN.4/690&referer=/english/&Lang=R (дата обращения 13.11.2022).

¹⁹⁹ См., например: *Додонов В.* Модели имплементации Римского Статута Международного уголовного суда в национальном законодательстве зарубежных стран // *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений.* М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 76–84;

Подшибякин А.С. Римский Статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // *Вестник МГИМО-университета.* 2008. № 3. С. 66–71;

Трикоз Е.Н. Римский Статут Международного уголовного суда: рамочная модель имплементации // *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений.* М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 144–162;

ся прийти к общему правовому «знаменателю», то представляется возможным говорить о существовании в настоящее время двух таких основных «способов» («моделей»), а именно:

1. *Инкорпорация* международно-правового акта – в этом случае международный документ текстуально полностью, без сколь-нибудь значимых изменений, включается в национальное уголовное законодательство (посредством внесения изменений в действующий уголовный кодекс либо принятия специального уголовного закона).

2. *Трансформация* международно-правового акта – данный «способ» («модель») подразумевает изменение национального уголовного закона с учетом его исторически сформированной специфики (исторической, текстуальной и прочей). Несмотря на возможность терминологических отступлений и вариаций, в национальном уголовном законе должно соблюдаться общее соответствие «целям и содержанию международного установления»²⁰⁰.

Рассмотрим на примере стран континентальной Европы эти основные «модели» имплементации международных норм о преступлениях против человечности в национальное уголовное законодательство.

Инкорпорация – эту «модель», в частности, выбрали Германия, Нидерланды и Португалия. Наибольший, на наш взгляд, интерес представляет опыт *Германии*. Именно эта страна первой приняла специальный (дополнительный) уголовный закон, в котором на внутригосударственном уровне

Du Plessis M. Bringing the International Criminal Court home – the implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act 2002 // South African Journal of Criminal Justice. 2003. Vol. 16. № 1. P. 1–16;

Meierhenrich J., Ko K. How Do States Joint the International Criminal Court // Journal of International Criminal Justice. 2009. Vol. 7. P. 233–256; и др.

²⁰⁰ Некоторые авторы в качестве «способа» имплементации норм международного права в национальное законодательства называют «отсылку» – то есть, указание в национальной норме на применимость какой-либо нормы (норм) международного права. Однако, надо согласиться с точкой зрения о том, что «отсылка», по сути, представляет собой «технический прием, позволяющий осуществлять непосредственное использование норм международного права».

См.: *Максуров А.А.* Национальное право как средство обеспечения реализации международного права // Государство и право. 2020. № 2. С. 126.

была криминализована система преступлений против человечности (наряду с преступлением геноцида и военными преступлениями) в соответствии с действующими для нее нормами международного уголовного права.

29 июня 2002 г. Федеративная Республика Германия приняла собственный «Кодекс международного уголовного права» (*Völkerstrafgesetzbuch*; иногда название переводится как «Международный уголовный кодекс ФРГ»)²⁰¹. Этот документ «имплементировал в немецкое уголовное право составы преступных деяний», предусмотренные в Римском Статуте Международного уголовного суда, исключив их непосредственно из УК Германии. В результате «международные преступные деяния» (включая преступления против человечности) стали кодифицированы в едином («дополнительном» к Кодексу) уголовно-правовом акте и могут «преследоваться по национальному уголовному праву» вне зависимости от места их совершения²⁰².

В целом, Кодекс международного уголовного права ФРГ получил положительную оценку. По мнению самих немецких авторов, германский законодатель «во внутреннем уголовном законодательстве предусмотрел специальное регулирование преступлений, относящихся к юрисдикции Международного уголовного суда. ... Тем самым был подчеркнут специфический характер этих преступлений и гарантировано, что Германия в состоянии сама преследовать эти преступления».

Подчеркнем: акцент сделан на том обстоятельстве, что преступления против человечности (равно как и другие международные преступления) стали изначально «преследоваться» в Германии по национальному уголовному закону. По существу, речь идет о том, что, во-первых, о стремлении Германии «к созданию юридического режима, препятствующего безнаказанности лиц, виновных в совершении геноцида, военных преступлений и

²⁰¹ <https://www.gesetze-im-internet.de/vstgb/VStGB.pdf> (дата обращения 13.11.2022).

²⁰² Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М.: Проспект, 2013. С. 13.

преступлений против человечности». Во-вторых, «объемная и полная» имплементация норм Римского статута Международного уголовного суда позволила государству «самостоятельно преследовать обвиняемых, исключая возможную передачу производства по делу Международному уголовному суду»²⁰³.

Именно с этой целью (т.е. с целью первоочередного установления национальной юрисдикции) Кодекс Международного уголовного права ФРГ «интегрировал в национальное право – правда, в несколько иной систематике – содержащиеся в Римском Статуте определения составов геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, и в ряде случаев, расширил их». За эти преступления Кодексом не предусмотрены сроки давности, и они [преступления] «преследуются в Германии [то есть по национальному законодательству этого государства – Р.Н.]» даже если «не имеют отношения к самой Германии»²⁰⁴.

Таким образом, исходя из принципа комплементарности («дополнительности») органов международной уголовной юстиции, «основная нагрузка в борьбе с международными преступлениями» легла на национальное уголовное право и органы национальной уголовной юстиции²⁰⁵.

Обратимся непосредственно к Кодексу международного уголовного права ФРГ. В § 7 (1) данного документа к преступлениям против человечности отнесено совершение «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на какое-либо гражданское население» любого из следующих десяти деяний:

- 1) убийство человека;

²⁰³ Сафаров Н.А. Материально-правовая имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов (окончание) // Государство и право. 2012. № 4. С. 93.

²⁰⁴ Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 23–24.

²⁰⁵ Сафаров Н.А. Материально-правовая имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов // Государство и право. 2012. № 3. С. 77–86. С. 80–81.

См. также: *Wirth S.* Germany's New International Crimes Code: Bringing a Case to Court // *Journal of International Criminal Justice*. 2002. Vol. 1. № 1. P. 157.

2) поставление человека «в целом или в части» в такие жизненные условия, «которые могут вызвать его полное или частичное физическое уничтожение», совершенное с намерением «уничтожить, полностью или частично, какое-либо население»;

3) занятие «торговлей людьми, в частности, женщиной или ребенком», или «иным образом» порабощение другого человека и с установлением «претензии» в этой связи «на право собственности» в отношении потерпевшего;

4) депортация или насильственное перемещение человека «из района, в котором он законно пребывает», совершенные «в нарушение какой-либо общей нормы международного права» посредством «выселения или иных принудительных действий в другое государство или в другой район»;

5) осуществление в отношении человека пытки, когда потерпевший «находится под стражей» или иным образом «под контролем» виновного, результатом которой становится «причинение ему [потерпевшему] серьезных телесных повреждений или умственного расстройства или страданий», которые не являются только лишь «результатом санкций, допускаемых международным правом»;

б) принуждение другого человека к сексуальным действиям или его изнасилование, принуждение жертвы к проституции, «лишение [жертвы] способности к размножению» или «лишение свободы какой-либо женщины, которая стала беременной в принудительном порядке», совершенные с «целью изменения этнического состава какого-либо населения»;

7) совершение действий, влекущих «насильственное исчезновение человека», выраженное в том, что виновный, с целью лишить жертву «защиты со стороны закона в течение длительного периода времени»:

а) «по поручению или с одобрения государства или политической организации» похитил или в иной жестокой форме лишил потерпевшего физической свободы, «без немедленного» сообщения «по запросу достоверного сообщения в последующем о его судьбе и местонахождении»; или

б) «по поручению государства или политической организации или в нарушение законной обязанности отказывается немедленно сообщить о судьбе и местонахождении человека», который был лишен физической свободы, а также сообщение ложных сведений о местонахождении такого человека;

8) причинение другому человеку «серьезных телесных повреждений или умственного расстройства», в частности, указанных в § 226 Уголовного кодекса²⁰⁶;

9) лишение человека физической свободы «в нарушение какой-либо общей нормы международного права в жестокой форме»;

10) преследование какой-либо «идентифицируемой группы или общности», выраженное в лишении ее «основополагающих прав человека» или «существенном ограничении этих прав»; такое преследование должно быть совершено «по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые признаны недопустимыми согласно общим нормам международного права».

Деяния, предусмотренные пунктами 1 и 2, караются пожизненным лишением свободы; пунктами 3–7 – лишением свободы на срок не менее пяти лет; пунктами 8–10, – лишением свободы на срок не менее трех лет.

В § 7 (5) Кодекса международного уголовного права ФРГ в качестве самостоятельного преступления против человечности названо преступление апартеида. Таковым считается любое из деяний, предусмотренных § 7 (1), совершенное «с целью сохранения институционализированного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой».

²⁰⁶ В § 226 УК Германии содержится состав «тяжкого телесного повреждения». В частности, к таким повреждениям отнесены: утрата зрения на один или оба глаза, слуха, «дара речи», способности к деторождению, «потеря важной конечности» либо невозможность «больше ее использовать», обезображивание, «приобретение хронической болезни, паралича, душевной болезни или увечья».

См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия // www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/german_criminal_code.pdf (дата обращения 13.11.2022).

Итак, основным материально-правовым признаком любого преступления против человечности по Кодексу международного уголовного права ФРГ является установлением «контекстуального элемента», т.е. совершение любого из перечисленных деяний в рамках «широкомасштабного или систематического нападения на какое-либо гражданское население». Определение «контекстуального элемента» преступлений против человечности в рассматриваемом документе отразило главные тенденции развития международного права – такой элемент не требует установление связи с каким-нибудь вооруженным конфликтом либо обязательного участия государства (его официальных структур) или организаций. Отсутствие «контекстуального элемента» изначально лишает возможности квалифицировать содеянное как преступление против человечности и «превращает» его в «общеуголовное» преступление²⁰⁷.

В литературе отмечено, что, несмотря на использование приема инкорпорации, отдельные аспекты регламентации составов преступлений против человечности в Кодексе международного уголовного права ФРГ «несколько отличаются» от подхода ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда. В частности, это относится к последовательности изложения составов преступлений и формулировкам некоторых составов. К примеру, если в Римском Статуте в качестве преступления против человечности квалифицируются «бесчеловечные деяния, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений либо серьезного ущерба психическому либо физическому здоровью», то в § 7 Кодекса международного уголовного права ФРГ говорится о «причинении другому человеку серьезных телесных повреждений или умственного расстройства». Далее, применительно к преступлению «преследования» Кодекс международного уголовного права ФРГ не требует связи с другим преступлением, и «в этом отношении его формулировка

²⁰⁷ *Серебренникова А.В.* Уголовная ответственность за преступления против человечности и военные преступления по законодательству Германии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 180.

шире по сравнению с соответствующей формулировкой» Римского Статута²⁰⁸.

Отметим, что немецкие авторы в целом говорят о принятии Кодекса международного уголовного права ФРГ как об «исторической вехе». Они выражают «большую надежду» на то, что данный закон может стать «своего рода примером для подражания», «экспортной моделью» для других стран, желающих привести свое законодательство в соответствие с требованиями Римского Статута Международного уголовного суда²⁰⁹.

Однако законодатель большинства стран континентальной Европы предпочел «другой путь»: «кодификация» системы преступлений против человечности (как и других преступлений против мира и безопасности человечества) в их внутреннем уголовном законодательстве была осуществлена путем *трансформации* международно-правового акта в национальном уголовном кодексе.

Рассмотрим этот вариант на примере Испании и Франции.

Испания.

Под прямым влиянием норм международного права в УК Испании²¹⁰ выделен раздел XXIV «Преступления против международного сообщества». Изначально он включал нормы о преступлениях против международного мира, геноциде, о преступлениях против лиц и собственности, имеющих защиту в случае вооруженных конфликтов. В силу вступления в силу для Испании Римского Статута Международного уголовного суда в УК этого государства была введена статья 607-bis о преступлениях против человечности.

²⁰⁸ Сафаров Н.А. Материально-правовая имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов (окончание) // Государство и право. 2012. № 4. С. 89.

²⁰⁹ Вилкицки П. Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда в Германии – модель для других стран? // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 54.

²¹⁰ Уголовный кодекс Испании – Spanish Criminal Code // www.legislationline.org/download/action/download/id/.../Spain_CC_am2013_en.pdf (дата обращения 13.11.2022).

Характерной особенностью испанского УК стала не дословная имплементация предписаний ст. 7 Римского Статута Международного суда, а заимствование его положений в соответствии со спецификой национального законодательства. В ч. 1 ст. 607-bis УК Испании (введена «органическим законом» LO 15/2003) содержится «контекстуальный элемент» преступлений против человечности, согласно которому «виновными в преступлениях против человечности» признаются те, кто совершил действия в качестве «части общего или систематического нападения на гражданское население или его часть».

Совершение деяний, перечисленных в ч. 2 ст. 607-bis УК Испании считается «преступлением против человечности» также: во-первых, «из-за принадлежности жертвы к группе или группе, преследуемой по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, инвалидным или иным причинам», которые «повсеместно признаны неприемлемыми в соответствии с международным правом»; во-вторых, если ни совершены «в контексте институционализированного режима систематического угнетения и господства расовой группы над одной или несколькими расовыми группами и с намерением сохранить этот режим».

Примечательной особенностью УК Испании является то, что наказуемость конкретного вида преступления против человечности зачастую ставится в прямую зависимость от степени причиненного вреда. Например, если результатом такого деяния стала смерть потерпевшего – наказание безальтернативно предусмотрено в виде пожизненного тюремного заключения. В случае причинения «серьезных травм» (по существу, тяжкого вреда здоровью) виновный карается тюремным заключением сроком от 12 до 15 лет. Если травмы носят «менее серьезный» характер, наказание в виде лишения свободы уменьшается соответствующим образом. К системе конкретных преступлений против человечности испанский законодатель

отнес в ч. 2 ст. 607-bis совершение следующих десяти деяний (при соблюдении условий ч. 1 ст. 607-bis):

1. Убийство – причинение смерти другому человеку.

2. Акт «любого сексуального насилия» в отношении потерпевшего.

3. «Причинение травм», указанных в ст. 149 УК Испании (то есть, «телесных повреждений, приведших к потере или повреждению существенно важного органа или конечности или органа чувств, к импотенции, бесплодию, серьезному уродству, психическому или физическому заболеванию»), или создание для людей «условий существования», которые ставят под угрозу их жизнь или угрожают причинением серьезного вреда их здоровью.

4. «Причинение травм», указанных в статье 150 УК Испании (то есть, «телесных повреждений, приведшие к потере или повреждению несущественно важного органа или конечности или уродству»).

5. Действия по «форсированию беременности любой женщины», если они совершены «с намерением изменить этнический состав населения».

6. Насильственное исчезновение людей – непосредственно в законе уточняется, что под таким исчезновением понимается «задержание, задержание или похищение или любая другая форма лишения свободы», которая является «работой государственных агентов или лиц или групп лиц, которые действуют с разрешения, поддержки или согласия государства». К данному деянию приравнивается «сокрытие судьбы или местонахождения исчезнувшего лица», лишаящее их «защиты закона».

7. «Нарушение международных стандартов содержания под стражей» лиц, произвольно лишенных свободы.

8. Применение «серьезных пыток» («физического или психологического страдания») к лицам, находящимся под стражей или «контролем» со стороны удерживающих лиц.

9. Принуждение потерпевшего к проституции, а также использование «насилия, запугивания или обмана», «злоупотребления ситуацией превосходства, нуждой или уязвимостью» с целью «сексуальной эксплуатации»

жертвы (здесь также оговорено ужесточение наказания в случае, если жертва – несовершеннолетний или недееспособный человек).

10. Обращение «кого-либо в рабство» или «оставление» потерпевшего «в рабском состоянии». При этом ситуация рабства определена как «положение лица, над которым другой человек осуществляет, даже фактически, все или некоторые атрибуты права на собственность, такие как покупка, продажа, кредитование или обмен».

По мнению испанских авторов, хотя преступления против человечности изначально «были определены в международном обычном праве», это «не помогает испанским судам преодолевать проблемы из-за принципа *nulla poena sine lege*», который требует, чтобы преступление было признано таковым во время его совершения. Некоторые авторы назвали систему преступлений против человечности в УК Испании «неполноценной», потому, что их дефиниция отличается от ст. 7 Римского Статута. В частности, это касается преступлений «преследования» и апартеида, не получившими самостоятельного закрепления, так как «уже были охвачены элементами других преступлений».

Также в испанской доктрине дискутируется вопрос о том, является ли «элемент политики» («существование государственной или организационной политики, стоящей за нападением») обязательным элементом преступления против человечности. Большинство авторов склоняется к утверждению о том, что ст. 607-bis УК Испании не требует, чтобы в качестве элемента преступления против человечности существовала такая государственная либо аффилированная с государством «политика». Почти все авторы считают, что определение преступления против человечности, данное в испанском УК, является «более широким», чем в ст. 7 Римского Статута, что объясняется «традициями» испанского законодательства²¹¹.

²¹¹ *De Rojas C., and others. Implementation of the Rome Statute in Spain // https://www.researchgate.net/publication/228227932_Implementation_of_the_Rome_Statute_in_Spain (дата обращения 13.11.2022).*

Франция.

В силу вступления в силу для Франции Римского Статута Международного уголовного суда и иных норм международного уголовного права, в УК Франции²¹² была проведена национальная кодификация преступлений против человечности (Книга II «Преступления и преступления против людей», глава I «Преступления против человечества и против человеческого рода»).

Особенностью французского УК является то обстоятельство, что геноцид признается частью системы преступлений против человечности и наказывается пожизненным заключением, равно как и «публичная и прямая провокация» совершения геноцида, если она привела к его осуществлению (ст. 211-1, 211-2).

Преступления, перечисленные в ст. 7 Римского Статута, в ст. 212-1 УК Франции названы «другими преступлениями против человечества». Для их уголовного преследования необходимо установить «контекстуальный элемент» – совершенные «во исполнение согласованного плана против какой-нибудь группы гражданского населения в рамках широкомасштабной или систематической атаки». Как и в случае Испании, французский законодатель, вслед за последними предписаниями норм международного уголовного права, не требует устанавливать связь совершенного преступления против человечности с вооруженным конфликтом или «участием государства». С другой стороны, если преступление против человечности совершено «в военное время во исполнение согласованного плана», оно наказывается лишением свободы «навсегда».

Перечень конкретных преступлений против человечности, совершаемых с соблюдением условий «контекстуального элемента», в ст. 212-1 УК Франции выглядит следующим образом:

²¹² Уголовный кодекс Франции – Penal Code of the French Republic // www.legifrance.gouv.fr/affich-Code.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20060701 (дата обращения 13.11.2022).

- 1) убийство («добровольное лишение жизни» другого человека);
- 2) истребление;
- 3) порабощение;
- 4) депортация или принудительное перемещение населения;
- 5) заключение в тюрьму или любая другая форма серьезного лишения физической свободы в нарушение основополагающих положений международного права;
- 6) пытки;
- 7) изнасилование, принудительная проституция, принудительная беременность, принудительная стерилизация, а также «любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести»;
- 8) преследование «любой идентифицируемой группы или сообщества» по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным или сексуальным мотивам или «на основе других критериев, повсеместно признанных неприемлемыми в соответствии с международным правом»;
- 9) насильственные исчезновения людей;
- 10) апартеид – акты сегрегации, совершенные в рамках «институционализированного режима систематического угнетения и господства расовой группы над любой другой расовой группой или всеми другими расовыми группами и с намерением сохранить этот режим»;
- 11) «другие бесчеловечные действия подобного характера, преднамеренно причиняющие большие страдания или серьезный ущерб физической или психической неприкосновенности».

Как и в УК Испании, в УК Франции сформулирован «адаптированный» под национальное законодательство перечень деяний, образующих систему преступлений против человечности и дословно не воспроизводящий положения ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда. В целом система преступлений против человечности в национальном законодательстве Франции (а ее формирование началось еще в 1964 г. с «адап-

тации» в тогдашнем УК положений Нюрнбергского Устава) считается одной из наиболее «эффективных» в мире и призванной обеспечить «приоритетное» и «адекватное» уголовное преследование лиц, их совершивших, в органах национальной юстиции²¹³.

В завершение обзора установления системы преступлений против человечности в национальном законодательстве, надо подчеркнуть, что в континентальной Европе до сих пор остаются государства, ратифицировавшие Римский Статут, но напрямую так и не включившие преступления, им предусмотренные (в т.ч. и преступления против человечности), в национальное уголовное законодательство. Одним из примеров такого положения дел является *Италия*.

Несмотря на длительную дискуссию, УК Италии²¹⁴ на настоящий момент времени не знает национального определения преступлений против человечности. По мнению итальянских авторов, большинство преступлений, содержащихся в ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда, лишь «частично охватываются внутренними уголовными нормами».

Например, это касается (ст. 575 УК Италии), изнасилования и других форм сексуального насилия (ст. 609-bis и др.), порабощения (ст. 600–602). Далее, незаконные «тюремное заключение или другое серьезное лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права» подпадают под действие ст. 605–607 УК Италии.

Однако «общеуголовные» нормы итальянского УК далеко не всегда соответствуют «международной судебной практике». Например, в настоящее время нет норм в УК Италии, которые бы соответствовали положениям Римского Статута о признании принудительной беременности и принудительной стерилизации в качестве преступлений против человечности. Также в уголовном законе Италии отсутствуют положения, предусматри-

²¹³ См., например: *Sadat L.N. Crimes against Humanity in the Modern Age // The American Journal of International Law. 2013. Vol. 107. P. 341.*

²¹⁴ Уголовный кодекс Италии – Italy Penal Code // www.euro-pam.eu/data/mechanisms/FD/FD%20Laws/Italy/Italy_Penal%20Code_2007%20last%20amended%202014.pdf (дата обращения 13.11.2022).

вающие преступления апартеида, истребления, депортации и насильственного перемещения населения, преследования и «других бесчеловечных актов». Лишь «некоторое поведение, равное пыткам» может охватываться статьями УК об избиении (581), нанесении телесных повреждений (582 и 583), похищении (605), незаконном аресте (606) и т.д.

В итоге у итальянских авторов «вызывает беспокойство» тот факт, что Италия, которая сыграла ведущую роль в создании Международного уголовного суда, еще не приняла эффективного имплементирующего законодательства для целей Римского статута, хотя такое обязательство «полностью вытекает» из текста ст. 117 (1) Конституции Италии. В отношении некоторых международных преступлений (геноцид, преступления против человечности) это обязательство вытекает из норм *jus cogens*²¹⁵.

Вывод по параграфу.

Под влиянием норм международного права (в первую очередь, Римского Статута Международного уголовного суда – для государств-участников) в современном зарубежном уголовном законодательстве наблюдается тенденция к криминализации системы преступлений на национальном уровне. Несколько парадоксально, но этому способствует принцип комплементарности («дополнительности») органов международной уголовной юстиции: национальные законодатели стремятся осуществлять уголовное преследование в отношении лиц, совершивших указанные преступления, в органах национальной уголовной юстиции.

В настоящее время существуют два основных способа имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство: *инкорпорация* (международно-правовой документ полностью либо с минимальными изменениями вводится во внутреннее законодательство) либо *трансформация* (нормы международного права адаптируются во внутрен-

²¹⁵ *Roscini M.* Great Expectations: The Implementation of the Rome Statute in Italy // *Journal of International Criminal Justice*. 2007. Vol. 5. P. 500–501, 512.

См. также: *Sacchi P., Borelli S.* Implementation of the Rome Statute in Italy // *Finnish Yearbook of International Law*. 2005. Vol. 16. P. 163–196.

нем уголовном законодательстве с учетом его особенностей при соблюдении общих «целей и принципов» международного акта).

Большинство стран континентальной Европы, чья правовая система наиболее близка российской, пошли по пути трансформации норм международного уголовного права о преступлениях против человечности во внутреннее уголовное законодательство.

С данным выводом в целом согласились почти все (24 из 25) опрошенных специалистов-теоретиков в области уголовного и международного уголовного права.

3.2. Перспектива криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России

Необходима ли самостоятельная криминализация преступлений против человечности в российском уголовном законодательстве?

Отвечая утвердительно на этот вопрос, попытаемся сформулировать систему аргументов «в пользу». Эти доводы можно условно разделить на следующие основания криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России: международно-правовые, конституционно-правовые, политико-правовые и социально-правовые²¹⁶.

1. *Международно-правовые основания* криминализации преступлений против человечности в УК РФ, собственно говоря, просты. Даже если не брать в расчет положения Римского Статута, не имеющего силы для России, остается непреложным следующий факт: для нашей страны действует целый ряд международно-правовых документов, определяющих, обязывающих либо рекомендуящих установить преступность деяний против человечности во внутреннем законодательстве.

Прежде всего, это касается обязывающих предписаний конвенционального характера, содержащихся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) и Конвенции о преду-

²¹⁶ Схожие по смыслу основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ были предложены другими авторами. Например, Д.В. Лобач проанализировал международно-правовые и уголовно-правовые «аспекты, объясняющие необходимость установления уголовной ответственности» за преступления против человечности. Им аргументируется позиция о том, что «отсутствие в уголовном законе России норм о преступлениях против человечности редуцирует правоохранительный потенциал уголовного закона в части обеспечения международного мира и безопасности человечества». Также автором обосновывается вывод, в соответствии с которым, «бесчеловечные деяния, составляющие группу преступлений против человечности, как они представлены в современной системе международного уголовного права, могут быть криминализованы в российском законодательстве на дифференцированной основе».

См.: Лобач Д.В. К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 115–123.

преждении преступления апартеида и наказания за него (1973 г.). Если преступность геноцида установлена в УК РФ (ст. 357) практически в полном соответствии с положениями соответствующей Конвенции, то обязательство по криминализации преступления апартеида не выполнено до сих пор²¹⁷.

На первый взгляд, «уставные» нормы международного уголовного права (то есть, уставы Нюрнбергского и Токийского послевоенных трибуналов, уставы современных международных трибуналов *ad hoc* по Руанде и бывшей Югославии) не содержат предписания криминализовать содержащуюся в них систему преступлений против человечности на национальном уровне. Однако это не совсем так. Названные «уставные» нормы международного уголовного права, как говорилось ранее, являются обычными нормами международного права, отражают общепринятую межгосударственную практику и, по существу, обладают признаками норм *jus cogens* – то есть, императивных международно-правовых норм высшей юридической силы. В соответствии со ст. 53 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.²¹⁸, норма *jus cogens* принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

В свою очередь, борьба с наиболее серьезными международными преступлениями, включая преступления против человечности, прямо вытекающая из норм *jus cogens*, порождает международное обязательство государства *erga omnes*²¹⁹. Обязательство такого характера («подразумеваю-

²¹⁷ См., например: Гигинейшвили М.Т. К вопросу об оптимизации главы 34 УК // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: МГЮА, 2015. С. 471.

²¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

²¹⁹ См., например: Абашидзе А. Участие государств в Римском Статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 45–52.

щее», в частности, криминализацию международных преступлений на национальном уровне) имеет универсальный характер перед всем мировым сообществом. В его обеспечении заинтересовано каждое государство.

В силу предписаний ч. 2 ст. 1 УК РФ, перечисленные нормы международного права, по существу, являются фундаментальным основанием отечественного уголовного законодательства. Недаром подавляющее большинство современных российских авторов расценивает (с различными вариациями) принципы и нормы международного права в качестве формальных источников национального уголовного права²²⁰. А это, в плане интересующей нас проблематики, означает, что имеются все международно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ.

2. Конституционно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ следуют из положений ч. 4 ст. 15 Конституции России о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права включаются в ее правовую систему и обладают, в случае коллизии, приоритетом над национальным законодательством.

Следует отметить, что высшая судебная инстанция России под общепризнанными принципами международного права определила «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклоне-

²²⁰ По этому вопросу см., например: *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2010. С. 165–167;

Кузнецова Н.Ф. Взаимодействие международного и российского уголовного права // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / отв. ред. *В.С. Комиссаров*. М.: Городец, 2009. С. 13–17;

Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 135–140;

Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. С. 158–162;

Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд. / под ред. *А.В. Наумова*. М.: Wolters Kluwer, 2010. С. 10–11;

Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. С. 6–7; и др.

ние от которых недопустимо». Общепризнанной нормой международного права предписано считать «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»²²¹.

«Уставные» нормы международного уголовного права, в которых сформулирована система преступлений против человечности, бесспорно, надо расценивать в качестве «общепризнанных». Это, в свою очередь, означает, что существуют конституционно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ.

Говоря иными словами, исходя из конституционного положения о приоритете норм международного права над национальным правом²²², существует определенная правовая коллизия. Ее смысл состоит в следующем: общепризнанные нормы международного права содержат положения о преступлениях против человечности, а УК РФ – нет. И данная коллизия, с конституционно-правовой точки зрения, может быть разрешена лишь одним путем – путем криминализации этих преступлений в национальном законодательстве Российской Федерации.

Как известно, УК РФ предписывает включать все законы, касающиеся уголовной ответственности, непосредственно в текст уголовного закона (ч. 1 ст.1). Следовательно, нормы международного права, касающиеся вопросов уголовной ответственности и имеющие силу для России (признавае-

²²¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 3.

²²² Вопрос о понимании конституционного правила приоритета норм международного права в последнее время в российской конституционно-правовой доктрине вызывает бурное обсуждение. Не вдаваясь в суть этой дискуссии, отметим: подавляющее большинство авторов продолжает признавать правило приоритета международного права над правом национальным, в т.ч. и уголовным. Однако некоторыми учеными приоритет международного права над внутренним уголовным законодательством начинает ставиться под сомнение.

См., например: *Савенков А.Н.* Влияние международных правовых норм и правовых институтов на уголовно-правовую политику Российской Федерации // Государство и право. 2018. № 7. С. 6–8.

мые ей априори либо прошедшие все ратификационные процедуры и вступившие в силу²²³) должны получить отражение непосредственно в уголовном законодательстве.

3. *Политико-правовые основания* криминализации преступлений против человечности, как ни парадоксально, на первый взгляд, связаны с задачей укрепления национального правового суверенитета российского государства.

Как было показано в предыдущем параграфе, страны-участницы Римского Статута различным образом и с разными вариациями криминализовали систему преступлений против человечности в своем уголовном законодательстве. При этом зарубежные специалисты единодушно отметили, что такая криминализация позволит провести более эффективное уголовное преследование лиц, совершивших преступления против человечности, именно на национальном уровне, так как национальные суды приоритетно применяют нормы внутреннего права. Соответственно, необходимость «оглядываться» на Международный уголовный суд (в плане уголовного преследования лиц, совершивших международные преступления) сводится к минимуму.

Для России, не являющейся участницей Международного уголовного суда, криминализация преступлений против человечности в национальном УК еще более «выгодна» с политико-правовых позиций охраны национального суверенитета. «Эффективное» уголовное преследование лиц, совершивших такие преступления, в рамках национальной уголовной юстиции исключит потенциальную возможность не просто «оглядываться» на перманентный орган международной уголовной юстиции. Будет исключена возможность «предъявлять обвинения» (неважно, со стороны отдельных стран или «прогрессивного мирового сообщества») в том, что отечествен-

²²³ Порядок признания норма международного права, их ратификации и вступления в силу регламентирован Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

ная уголовная юстиция «неэффективна» либо «недостаточно» эффективна в плане борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества и нуждается в поддержке «извне».

Также надо отметить, что, в случае криминализации преступлений против человечности, в отношении лиц, виновных в их совершении, будет распространен принцип «универсальной юрисдикции» (ч. 3 ст. 12 УК РФ). Данный принцип уже действует в отношении деяний, преступность которых предусмотрена нормами международного права и установлена во внутреннем уголовном законе (например, для УК РФ этот принцип распространен на лиц, совершивших преступление геноцида и военные преступления, предусмотренные ст. 356 УК РФ).

Установление принципа «универсальной юрисдикции» означает, что российский правоприменитель сможет давать юридическую оценку таким преступлениям вне зависимости от наличия гражданства или подданства субъекта, места совершения такого преступления. Как показано в предыдущем параграфе, именно установление национальными судами «универсальной юрисдикции» в отношении лиц, совершивших преступления против человечности, свидетельствует об эффективности уголовного преследования

4. Наконец, *социально-юридические основания* криминализации преступлений против человечности также носят очевидный характер: характер и степень тяжести (общественной опасности) этих преступлений настолько высок, что они просто не могут получать юридическую оценку как «общеуголовные» преступления, пусть и самые тяжкие (убийства, изнасилования и пр.). В этом вопросе единодушны все отечественные и зарубежные авторы, о чем подробно шла речь в первой главе.

Надо сказать, что в отечественной доктрине вопрос о «внутренней» криминализации преступлений против человечности уже обсуждался и был высказан ряд соответствующих предложений.

Например, еще до фактического отказа России от участия в Международном уголовном суде, коллектив авторов (Г.И. Богуш, Г.А. Есаков, В.Н. Русинова) предложил свою модель имплементации этих преступлений (а также военных преступлений) в УК РФ с максимально возможным дублированием положений Римского Статута.

В результате получилась громоздкая конструкция, содержащая оценочные признаки (свойственные Римскому Статуту) и не отражающая современное понимание «контекстуального элемента» преступлений против человечности. В частности, их совершение предлагалось рассматривать «в увязке» с «неоднократным» (!) совершением «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц, предпринимаемого в целях проведения политики государства, организации или преступной группы либо в целях содействия такой политике»²²⁴.

²²⁴ Приведем полностью текст нормы о преступлениях против человечности, предложенной Г.И. Богушем, Г.А. Есаковым и В.Н. Русиновой:

«Статья 357¹. Преступления против человечности

1. Умышленные причинение вреда здоровью, истязание, создание условий жизни, рассчитанных на причинение смерти, торговля людьми, обращение в рабство, использование рабского труда, насильственное исчезновение, заведомо незаконные похищение человека, лишение свободы, задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, заведомо незаконные перемещение или депортирование, захват или удержание лица в качестве заложника, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, обращение в сексуальное рабство, принуждение к занятию проституцией, совершение действий, влекущих принудительную беременность, принудительная стерилизация или иные формы сексуального насилия сопоставимой тяжести, апартеид, преследование или иная дискриминация лица в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а равно иные бесчеловечные действия (бездействие), сопряженные с умышленным причинением вреда здоровью или истязанием, если эти деяния совершены неоднократно в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц, предпринимаемого в целях проведения политики государства, организации или преступной группы либо в целях содействия такой политике, –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Убийство, совершенное неоднократно в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц, предпринимаемого в целях проведения политики государства, организации или преступной группы либо в целях содействия такой политике, –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо пожизненным лишением свободы».

Другой вариант криминализации преступлений против человечности был предложен Т.И. Курносовой (также до отказа России от участия в Международном уголовном суде). В предложенном ей проекте нормы о преступлениях против человечности отсутствует жесткая «увязка» с положениями Римского Статута, а терминология в большей мере соответствует традициям отечественного законодательства. Однако «контекстуальный элемент» преступлений против человечности неожиданно связывался не только с «широкомасштабным или систематическим нападением на гражданских лиц», но и с «целями проведения политики государства или оформленной вооруженной силы или политической организации по осуществлению такого нападения»²²⁵.

Повторимся: в современной доктрине, актах международного права и их проектах, решениях современных международных уголовных трибуналов *ad hoc* связь преступлений против человечности с вооруженным конфликтом либо с государственным (квазигосударственным) участием не является юридически обязательной, несмотря на то, что в реальности такая связь обычно существует.

Какой может (должна) быть норма о преступлениях против человечности в УК РФ?

См.: *Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н.* Международные преступления: модель имплементации в Российское законодательство. М.: Проспект, 2017. С. 174–175.

²²⁵ Приведем дословно проект нормы о преступлениях против человечности, предложенный Т.И. Курносовой:

«Статья 356¹. Преступление против человечности

Убийство, истребление, порабощение, заключение в тюрьму, пытки, изнасилование, обращение в сексуальное рабство или другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести, преследование группы лиц по национальным, политическим, расовым, этническим, гендерным, культурным, религиозным или другим мотивам, или любое иное общественно-опасное деяние, причинившее умышленно тяжкие вред здоровью человека, совершенное в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц, или в целях проведения политики государства или оформленной вооруженной силы или политической организации по осуществлению такого нападения, – наказывается...».

См.: *Курносова Т.И.* Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2015. С. 229.

Во-первых, очевиден тот факт, что данная норма должна располагаться в 34-й главе УК РФ в системе преступлений против мира и безопасности человечества. Германский опыт инкорпорации норм международного права в национальное законодательство и принятия «специального» уголовного закона для нас не применим в принципе в силу предписаний ч. 1 ст. 1 УК РФ. Поэтому единственно возможный путь – это трансформация положений УК РФ в соответствии с принципами и нормами международного права.

Во-вторых, надо определиться с тем, а какие именно принципы и нормы международного права о преступлениях против человечности могут (точнее – должны) быть имплементированы (трансформированы) в национальное уголовное законодательство. В этом отношении необходимо согласиться с Е.Н. Субботиной в том, что «необходимо принимать во внимание предварительную оценку соответствия действующего уголовного законодательства нормам международного уголовного права» для выявления «объема необходимых изменений, системного подхода к процессу имплементации и использования приемов законодательной техники»²²⁶.

В свете сказанного, по понятным причинам, положения Римского Статута не могут быть положены в основу криминализации предлагаемой нормы о преступлениях против человечности. Зато в полной мере могут быть использованы положения уставов послевоенных трибуналов и современных уголовных трибуналов *ad hoc*, признаваемых Россией и содержащих необходимые международно-правовые предписания о преступлениях против человечности. Также должны быть использованы конвенционные нормы, имеющие силу для Российской Федерации, но не отраженные в ее национальном уголовном законодательстве (прежде всего, это касается Конвенции о предупреждении преступления апартеида и наказании за него).

²²⁶ Субботина Е.Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 8–9.

В-третьих, в предлагаемой норме должно быть (в максимально возможной мере) учтены традиционные для УК РФ приемы законодательной техники и сложившаяся терминологическая система. Предлагаемая норма должна быть, по возможности, лишена оценочных признаков и обладать ясной правовой определенностью²²⁷ – так как речь идет о криминализации одного из наиболее тяжких деяний, то сама возможность расширительного толкования и необоснованного применения такой нормы должна быть сведена к минимуму. Терминология нормы должна иметь «сквозной» характер и пониматься однозначно применительно ко всем нормам уголовного законодательства.

Поэтому представляется правильным суждение Д.В. Лобача о том, что криминализация преступлений против человечности на современном этапе «должна осуществляться только с учетом специфики национальной юридической техники и принципам правотворчества». Далее, особое внимание необходимо обращать на «вынужденную адаптацию ключевых дефиниций, отраженных в нормативно-правовом концепте “преступления против человечности” применительно к понятийно-категориальному аппарату российского уголовного права»²²⁸.

В-четвертых, предлагаемая норма о преступлениях против человечности должна иметь структурную логику и внутреннее единство. Они могут быть определены через единый «контекстуальный элемент», присущий

²²⁷ Заметим: именно «неопределенность» уголовно-правового запрета и уголовно-правовой нормы обычно расценивается в качестве одного из основных недостатков национального уголовного закона.

См., например: *Иванов Н.Г.* Принцип правовой определенности в уголовном праве // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2018. № 4. С. 161–166;

Кауфман М.А. Нормативная неопределенность в уголовном законодательстве // *Журнал российского права.* 2009. № 10. С. 58–62;

Яцеленко Б.В. Толкование уголовного закона как способ преодоления его неопределенности // *Вестник Российской правовой академии.* 2014. № 3. С. 55–59; и др.

²²⁸ *Лобач Д.В.* Политико-правовые основания криминализации деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // *Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права.* М.: Юрлитинформ, 2020. С. 601.

всем конкретным видам таких преступлений. Повторимся – в отечественной доктрине предлагалось криминализовать апартеид в качестве самостоятельного преступления против человечности, однако более правильным представляется включение состава апартеида в качестве составной части единой нормы о преступлениях против человечности. Учитывая то обстоятельство, что наиболее тяжкое преступление против безопасности человечества – преступление геноцида – уже криминализовано в УК РФ, и оно имеет много общих черт с преступлением апартеида²²⁹, должно быть проведено легальное (в тексте закона) разграничение преступлений апартеида и геноцида.

Надо согласиться с мнением М.Т. Гигинейшвили о том, что конвенциональное определение апартеида как актов сегрегации лиц по расовому признаку в настоящее время «устарел» (Конвенция была принята в условиях существования официального политического режима апартеида в Южно-Африканской Республике). Исторический опыт и развитие международного уголовного права свидетельствует о том, что «критерием дискриминации может быть не только расовая, но и этническая, национальная принадлежность, вероисповедание и т.д.». Далее, «вполне допустима иная расстановка сил»: расовое, национальное, этническое или религиозное большинство совершают «бесчеловечные» акты против меньшинства²³⁰.

Если совершение таких «бесчеловечных» актов не обусловлено достижением цели уничтожения определенной демографической группы полностью или частично (установление такой цели позволяет говорить об осуществлении акта геноцида), то налицо дискриминационные акты, которые могут расцениваться в качестве проявлений апартеида.

²²⁹ Прохорова М.Л., Гигинейшвили М.Т. Конвенционное определение преступлений геноцида и апартеида: сравнительный анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 3–6.

²³⁰ Гигинейшвили М.Т. Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2013. С. 14.

Почему в предлагаемой части нормы об апартеиде речь идет только о расовой, национальной, этнической или религиозной группе людей? Ответ очевиден: начиная с Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., в нормах международного права именно эти демографические группы названы в качестве специально защищаемых от международных преступлений. И нет никаких оснований пересматривать сложившуюся традицию.

Также в предлагаемой норме о преступлениях против человечности необходимо учесть основное правило дифференциации уголовной ответственности, основанное на принципе справедливости уголовного закона (ст. 6 УК РФ): более тяжкое деяние должно влечь более строгое наказание.

В-пятых, надо обратить внимание на *возрастной признак* субъекта предлагаемых к криминализации преступлений против человечности.

Как известно, международные уголовные суды современности обладают юрисдикцией в отношении только совершеннолетних лиц. В национальной уголовной юрисдикции возраст общего субъекта преступления установлен по-разному. Согласно положениям ст. 21 УК РФ, стандартный возраст уголовной ответственности связан с достижением лицом 16-ти летнего возраста (ч. 1), а исключительный – с наступлением 14-летнего возраста (ч. 2).

Для наступления уголовной ответственности за преступления против человечности требуется, чтобы лицо не просто «намеренно» или «осознанно» выполняло объективную сторону конкретного такого преступления – обязательным условием является осознание «контекстуального элемента». Говоря иными словами, человек, совершающий деяние, должен понимать, что действует в рамках «широкомасштабного или систематического нападения» именно в отношении представителей гражданского населения. Может ли это в полной мере осознавать лицо в возрасте от 14-ти до 16-ти лет (т.е. «исключительный» возрастной субъект по российскому уголовному праву)? Это весьма сложный вопрос. Понятно, что некоторые субъекты в

данных возрастных рамках вполне отчетливо представляют себе истинный смысл происходящего.

Но вполне допустима и обратная ситуация.

В доктрине доминирует мнение, что в перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14-ти лет, включены только те деяния, «общественная опасность которых доступна пониманию в этом возрасте» (преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности, собственности, общественной безопасности). «Существенную роль» для установления ответственности с 14-ти лет играет «относительная распространенность данного преступления в подростковом возрасте»²³¹.

По всей видимости, этих же критериев придерживался законодатель, установив возраст уголовной ответственности за все преступления против мира и безопасности человечества «общеуголовную» возрастную границу (кроме нападения на защищаемых международным правом лиц и учреждений и акта международного терроризма – ст. 360 и 361 УК РФ). Даже для наиболее тяжкого преступления против мира и безопасности человечества – геноцида – установлен общий возраст уголовной ответственности. Действительно, далеко не каждый человек в возрасте от 14-ти до 16-ти способен осознать истинный характер «геноцидальной цели» (т.е. стремления полностью или частично уничтожить специально защищаемую демографическую группу).

Полагаем, что также далеко не каждое лицо в указанном возрасте способно понимать истинный характер «контекстуального элемента» преступления против человечности, без чего квалификация содеянного как преступления против человечности попросту невозможна. Поэтому считаем возможным установить «общий» 16-летний возраст уголовной ответствен-

²³¹ См., например: Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало–М, 2002. С. 273–274;

Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2018. С. 388–389.

ности за предлагаемые к криминализации преступления против человечности.

В завершение параграфа мы изложим формулировку предлагаемой нормы о преступлениях против человечности.

Вывод по параграфу.

Основаниями криминализации преступлений против мира и безопасности в УК РФ являются предписания действующих для России норм международного права, конституционное положение о включении общепризнанных норм и принципов международного права в национальную правовую систему государства. Эти основания имеют универсальный характер обязательственного характера. Кроме того, криминализация преступлений против человечности позволит российской юстиции осуществлять эффективное уголовное преследование в отношении лиц, их совершивших, и не попадать в потенциальную зависимость от органов международной уголовной юстиции, что будет способствовать укреплению суверенитета нашего государства.

Наиболее предпочтительным видится такой способ криминализации преступлений против человечности в УК РФ как *трансформация* действующих для России норм международного права в самостоятельную норму главы 34-й УК РФ.

С данным выводом в целом согласились 18 из 25 опрошенных специалистов-теоретиков в области уголовного и международного уголовного права, а также 56% опрошенных практикующих юристов.

Предлагаемая норма УК РФ о преступлениях против человечности.

Говоря о существующей необходимости самостоятельной криминализации преступлений против человечности в российском уголовном законодательстве, мы исходим из следующих посылок:

1. Основным непосредственным объектом преступлений против человечности являются, в соответствии с действующим УК РФ, интересы безо-

пасности всего человечества (человечности) как составная часть интересов международного мира и безопасности человечества – поэтому предлагаемая норма должна содержаться в 34-й главе УК РФ. Учитывая, что традиционно в российской доктрине геноцид признается наиболее тяжким преступлением против человечества (человечности), логично расположить предлагаемую норму непосредственно после нормы о геноциде с порядковым номером 357¹.

2. Применительно к любому конкретному деянию, являющемуся преступлением против человечности, должен быть относим «контекстуальный элемент». В соответствии с действующими для России нормами международного права, признаваемыми нашим государством решениями международных уголовных судов *ad hoc* и достижениями доктрины, такой «контекстуальный элемент» может быть определен как «широкомасштабное или систематическое нападение на представителей гражданского населения».

3. При определении конкретных деяний, образующих преступления против человечности, необходимо основываться на действующих для России нормах международного уголовного права. Также возможен учет положений проекта Единой Конвенции о преступлениях против человечности, представленной Комиссией по международному праву ООН.

4. Перечень конкретных деяний, образующих преступления против человечности, не должен буквально повторять перечень таких деяний в нормах международного уголовного права. Криминализация преступлений против человечности в УК РФ должна быть произведена посредством *трансформации* предписаний международного уголовного права в национальный уголовный закон, учитывать специфику и законотворческие традиции России. Кроме того, предлагаемая норма должна быть в максимальной мере лишена правовой неопределенности. Также необходимо отказаться от оценочных признаков (например, признака «другие бесчеловечные деяния аналогичного масштаба») и избегать дублирования признаков преступлений против человечности (например, термину «ис-

требление» в национальном законодательстве соответствует определению «убийство двух и более лиц»).

5. Исходя из традиций отечественного законодательства, смысла действующих для России норм международного уголовного права, в перечень деяний, составляющих преступления против человечности, необходимо включить: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, похищение человека, незаконное лишение свободы, торговлю людьми, использование рабского труда, изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

Употребляемые в нормах международного уголовного права деяния в виде «истребления», «пытки», «насильственного исчезновения людей», «заключения в тюрьму» в полной мере охватываются вышеприведенным перечнем деяний, предлагаемых к криминализации в качестве конкретных видов преступлений против человечности. Употребление терминов в единственном числе является данью законодательной традиции.

Так как убийство является наиболее тяжким из деяний, образующих преступления против человечности, его необходимо структурно обособить в предлагаемой норме.

6. В соответствии с положениями Конвенции о предупреждении преступления апартеида и наказании за него 1973 г., в качестве самостоятельного преступления против человечности необходимо криминализовать акты *апартеида*, перечень которых совпадает с перечнем конкретных преступлений против человечности. Отличительной особенностью современного понимания апартеида, необходимо считать существование условия институционализированной дискриминации не только расовой, но и национальной, этнической или религиозной группы в целях установления и поддержания господства над такой группой. Структурно это преступление может быть предусмотрено в качестве составной части предлагаемой ст. 357¹ УК РФ, охватывающей конкретные виды преступлений против человечности, но предусматривающей дополнительный контекст «институцио-

нализированной дискриминации» специально защищаемой международным правом демографической группы.

7. Объективные и субъективные признаки конкретных перечисленных деяний должны (с учетом «контекстуального элемента») пониматься аналогично «общеуголовным» преступлениям против личности. При квалификации содеянного как преступления против человечности в полной мере применимы легальные определения признаков, данные применительно к «общеуголовным» преступлениям против личности (например, определение «пытки» в примечании 1 к ст. 286 УК РФ²³², «эксплуатации человека» – в примечании 2 к ст. 127¹ УК РФ²³³).

8. Решение вопроса о *наказуемости* преступлений против человечности должно быть поставлено в зависимость от тяжести конкретного деяния, совершенного в рамках «контекстуального элемента». Наказуемость преступления против человечности в виде убийства должна соответствовать наказуемости убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также наказуемости наиболее «родственного» преступления геноцида (ст. 357 УК РФ) и включать пожизненное лишение свободы в качестве наиболее строгого наказания²³⁴.

Аналогичным образом должен быть решен вопрос о пенализации актов апартеида как преступления против человечности, предусматривающего ситуацию умышленного причинения смерти потерпевшему (потерпевшим).

²³² «Под пыткой ... понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

²³³ «Под эксплуатацией человека ... понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние».

²³⁴ В санкциях ч. 2 ст. 105 и ст. 357 УК РФ содержится наказание в виде смертной казни. Учитывая, что в настоящее время в России действует запрет на назначение этого вида наказания, в предлагаемой редакции нормы о преступлениях против человечности указание на смертную казнь отсутствует.

Наказуемость иных деяний, образующих преступления против человечности, не связанных с умышленным причинением смерти, должна быть ограничена лишением свободы на срок до 20 лет. Нижняя граница наказуемости может быть определена с учетом медианы нижних пределов наказуемости перечисленных «общеуголовных» преступлений против личности и определена в 8 лет лишения свободы.

9. Исходя из положений Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.²³⁵ (имеет силу для Российской Федерации), за преступления против человечества не должны исчисляться сроки давности уголовной ответственности и обвинительного приговора суда (равно как за такие преступления против мира и безопасности человечества как преступление агрессии, геноцид и применение запрещенных средств и методов ведения войны). Данное положение должно быть отражено в ст. 78 и 83 УК РФ.

С учетом вышесказанного, предлагаемая норма УК РФ о преступлениях против человечности может выглядеть следующим образом:

«Статья 357¹. Преступления против человечности

1. Убийство, совершенное в рамках широкомасштабного или систематического нападения на представителей гражданского населения, –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы.

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, похищение человека, незаконное лишение свободы, торговля людьми, использование рабского труда, изнасилование или насильственные действия сексуального характера, совершенные в рамках широкомасштабного или систематического нападения на представителей гражданского населения, –

²³⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2. Ст. 18.

наказываются лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до двух лет.

3. Апартеид, то есть деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в условиях институционализированной дискриминации национальной, этнической, расовой или религиозной группы в целях установления и поддержания господства над такой группой, при отсутствии цели, указанной в статье 357 настоящего Кодекса, –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы».

Предлагаемую норму о преступлениях против человечности в целом одобрили 17 из 25 (68%) опрошенных специалистов-теоретиков в области национального и международного уголовного права, а также 54% опрошенных практикующих юристов.

Глава 4. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

4.1. Квалификация преступлений против человечности по Уголовному кодексу РФ: существующая практика

Прежде всего, надо отметить, что практика применения национальными судами норм о преступлениях против человечности (речь идет о государствах, в которых такие нормы криминализованы во внутреннем законодательстве) весьма скудна и неустойчива. Таким же образом обстоят дела в России относительно практики применения норм о преступлениях против мира и безопасности человечества²³⁶.

Национальные суды обычно рассматривают такие дела в силу распространения на преступления против человечности принципа универсальной юрисдикции (что корреспондирует к положениям ч. 3 ст. 12 УК РФ). Исследователи говорят о многочисленных проблемах, связанных с определением категории «преступления против человечности» национальными судами, а также «политическими и правовыми дилеммами», с которыми столкнулись суды этих государств (в частности, Испании, Канады и Франции)²³⁷.

²³⁶ Вплоть до 2014 г. более-менее сложившаяся практика применения норм о преступлениях против мира и безопасности человечества имела применительно к ст. 359 УК РФ о наемничестве, что было обусловлено участием значительного количества наемников в период обеих «чеченских» кампаний. Начиная с 2014 г. (т.е. с началом вооруженного конфликта на востоке Украины) Следственным комитетом РФ в массовом порядке возбуждаются уголовные дела по ст. 356 УК РФ о применении запрещенных средств и методов ведения войны. Однако по ним нет ни одного приговора, вступившего в законную силу (по состоянию на ноябрь 2022 г.). С другой стороны, имеется довольно обширная практика применения ст. 354¹ о реабилитации нацизма, введенной в 2014 г.

²³⁷ См., например: *Нелаева Г.А.* Рассмотрение преступлений против человечности национальными судами: проблемы, дискуссии, противоречия // *Международное правосудие.* 2017. № 1. С. 122–133.

В условиях отсутствия в УК РФ нормы о преступлениях против человечности, российский правоприменитель, столкнувшись с необходимостью дать юридическую оценку деянию, содержащему признаки преступления против человечности, оказывается в весьма непростой ситуации. По существу, у него имеется возможность квалифицировать содеянное (естественно, в зависимости от фактических объективных и субъективных обстоятельств), как акт геноцида²³⁸ либо как «общеуголовное» преступление, содержащее лишь «признаки» преступлений против человечности.

Особенности квалификации геноцида как преступления против человечности по действующему УК РФ.

Как неоднократно говорилось выше, для отечественной доктрины традиционна позиция признания геноцида (ст. 357 УК РФ) в качестве «тягчайшего», «опаснейшего» преступления против человечности (безопасности человечества). В чем заключается квалификационная «специфика» данного преступления?

Во-первых, в целях установления объективных и субъективных признаков геноцида для Российской Федерации действуют не только ст. 357 УК РФ²³⁹, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказа-

²³⁸ Отметим, что за все время действия УК РФ 1996 г. в отечественной правоприменительной практике имела единственная (в итоге оказавшаяся неудачной) попытка квалифицировать содеянное как акт геноцида. Речь идет о массовом истреблении русского населения в станицах Червленая и Шелковская, расположенных на территории Чеченской Республики. В итоге суд исключил из формулы обвинения ст. 357 УК РФ (на основании «недоказанности» цели «полного или частичного уничтожения русского населения»), признав подсудимых виновными в десяти убийствах, совершенных по мотиву национальной ненависти и вражды, а также в двух изнасилованиях и четырех разбойных нападениях.

См.: *Еринских А.* Первое дело о геноциде русского народа // Коммерсант. 2001. 11 апреля.

²³⁹ Надо отметить, что именно при криминализации преступления геноцида отечественным законодателем был использован способ (прием) инкорпорации. В диспозиции ст. 357 УК РФ и тексте Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948 г.) существует только одно непринципиальное расхождение: конвенционный термин «причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства» заменен на аналогичный по содержанию термин «причинение тяжкого вреда здоровью».

См.: *Опалич О.В.* Проблемы реализации международно-правовых норм, направленных на обеспечение мира и безопасности человечества, в уголовном законодатель-

нии за него 1948 г. и уставы современных международных трибуналов *ad hoc*, в которых содержится нормативное определение этого преступления. Гораздо более важным в квалификационном, правоприменительном отношении является то обстоятельство, что практически все признаки геноцида получили свое официальное толкование в решениях международных трибуналов *ad hoc* (прежде всего – в решениях Международного трибунала по Руанде).

Именно эти решения наполнили международно-правовые и национальные нормы о преступлении геноцида «живым содержанием» и могут быть использованы при квалификации актов геноцида по национальному законодательству, так как Российская Федерация официально признает Международные трибуналы по Руанде и бывшей Югославии, соответственно, признает результаты их деятельности²⁴⁰.

Во-вторых, положения ст. 357 УК РФ никак не связывают совершение этого преступления с вооруженным конфликтом – более того, вышеназванная Конвенция прямо говорит о том, что не имеет никакого значения, совершается ли геноцид «в мирное или военное время» (ст. I). Поэтому никакой контекстуальной связи актов геноцида с вооруженным конфликтом устанавливать не надо. Однако, в случае установления такой связи, сама ситуация вооруженного конфликта может быть признана отягчающим наказанием обстоятельством по признаку совершения преступления в обстановке «иного общественного бедствия» (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

В-третьих, необходимо установить принадлежность потерпевшего (потерпевших) к определенной специально защищаемой группе. И названная Конвенция, и ст. 357 УК РФ содержат исчерпывающий перечень таких демографических групп – национальная, этническая, расовая и религиозная. Собственно, все акты геноцида совершаются по причине принадлеж-

стве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Томский государственный университет, 2002. С. 7.

²⁴⁰ Кибальник А.Г., Мартиросян А.С. Геноцид в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 51.

ности потерпевшего (потерпевших) к одной из этих «оппозиционных» групп. В решении Международного трибунала по Руанде по делу *Prosecutor v. A. Musema* говорится, что преступление геноцида воспринимается как уничтожение членов «устойчивых» групп, определенных Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Членство в таких группах для их участников и преступников является «несомненным», «автоматическим» и «непрерывным», зачастую определяется «по факту рождения» и отсутствием произвольной «возможности изменить свою принадлежность [к группе]»²⁴¹.

В доктрине выработано довольно устойчивое понимание перечисленных защищаемых групп людей, а противоречия в высказанных суждениях по данному вопросу имеют непринципиальный характер²⁴². Обычно к *национальной группе* относят этнически однотипных людей, которые исторически проживают на единой территории, имеют общие экономические и культурные связи, говорят на одном языке, обладают «национальным самосознанием». Кроме того, принадлежность к национальной группе иногда определяется как «принадлежность к государству»²⁴³.

О своеобразном «официальном» характере принадлежности человека к национальной группе говорит и решение Международного трибунала по Руанде по делу *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*, в котором национальная группа напрямую «связана» со статусом гражданства потерпевшего и определена

²⁴¹ *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ITCR-96-13-T. 27 January 2000. § 160–163.

²⁴² См., например: *Вартанян В.М.* Уголовная ответственность за геноцид: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. С. 13–15;

Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. С. 90–92;

Панкратова Е.Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. С. 17–18;

Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 119–122;

Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. P. 69–70; и др.

²⁴³ *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. М.: Проспект, 2014. С. 60.

как «общность людей ... имеющих общее гражданство с взаимностью прав и обязанностей»²⁴⁴.

Этническая группа людей традиционно понимается как исторически устойчивая общность людей на определенной территории, связанных общей культурой, языком, групповыми психологическими характеристиками²⁴⁵. Также многие авторы рассматривают этнос как составную часть более широкой общности – нации. В вышеприведенном решении Международного трибунала по Руанде этническая группа определена как «группа, члены которой имеют общий язык и культуру». На основе этих признаков группа осуществляет самоидентификацию, а также «выделяется другими группами», «включая тех, кто совершил преступления»²⁴⁶.

Принадлежность к *расовой группе* определяется исключительно биологическими (анатомическими и физиологическими) характеристиками, передаваемыми по наследству – например, пропорции телосложения, цвет кожи и т.д. Это единственная из специально защищаемых групп, в которой человек не может произвольно изменить свое участие.

Религиозная группа определяется через принадлежность людей (неважно, какой они расы, национальности или этнической принадлежности) к определенному религиозному культу, к определенному вероисповеданию. При этом не имеет значения характер самой религии.

Разработанные в доктрине и «апробированные» в практике международных уголовных трибуналов *ad hoc* признаки принадлежности к специально защищаемой демографической группе могут быть использованы, в случае криминализации, и для квалификации актов апартеида как одного из видов преступлений против человечности.

²⁴⁴ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 512.

²⁴⁵ Заметим, что общность территории как признак этнической группы признается не всеми авторами. В частности, А.А. Арямов говорит о том, что этнические армяне, евреи проживают компактными группами практически по всему миру.

См.: Арямов А.А. Актуальные направления развития современного международного уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 120.

²⁴⁶ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 513.

В-четвертых, определенной спецификой отличается ряд деяний, образующих объективную сторону преступления геноцида. С квалификацией убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и «насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую» (последнее деяние подпадает под «квалификационные рамки» похищения человека) «особых» проблем возникать не должно – признаки этих деяний очень детально отражены в практике Верховного Суда РФ.

Однако вполне вероятны сложности в понимании таких деяний как «насильственное воспрепятствование деторождению» и «иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы». Что касается *насильственного воспрепятствования деторождению*, то в практике международных трибуналов *ad hoc* ими расценивались любые действия, результатом которого явилось возникновение препятствия свободному зачатию, вынашиванию и рождению ребенка – причем это препятствие носило временный либо постоянный или даже необратимый характер.

В частности, как временное, но «достаточно продолжительное» воспрепятствование деторождению Международный трибунал по бывшей Югославии в решении по делу *Prosecutor v. R. Karadzic and R. Mladic* в качестве такого воспрепятствования расценил раздельное содержание мужчин и женщин в местах принудительного их содержания, совершенное с целью недопущения сексуальных контактов и самой возможности появления детей²⁴⁷.

С другой стороны, в решениях Международного трибунала по Руанде по делам *Prosecutor v. A. Musema* и *Prosecutor v. G. Rutaganda* в качестве воспрепятствования деторождению были расценены принудительная стерилизация женщин народности тутси и совершение актов принудительного прерывания беременности. При этом указанные деяния были также квали-

²⁴⁷ *Prosecutor v. R. Karadzic and R. Mladic*. Case № IT-95-5/18-1-T. 11 July 1996. § 94.

фицированы как «причинение серьезных телесных повреждений»²⁴⁸. Согласно положениям отечественного УК, такого рода деяния будут однозначно квалифицированы по признаку умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Что касается *иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов группы*, то в решениях Международного трибунала по Руанде ими названы такие «методы уничтожения», которые «не убивают членов группы немедленно». Эти «методы уничтожения» характеризуются такими «масштабами» и «продолжительностью», которые, в конечном итоге, «способны вызвать действительное уничтожение группы»²⁴⁹.

В частности, «методы уничтожения» могут выражаться в «систематическом ограничении в питании ниже необходимого минимума», в «лишении пищи и воды», «систематическом изгнании из жилищ», «отказе от предоставления санитарного и медицинского обслуживания», «принуждении к изнуряющему труду»²⁵⁰.

В-пятых, при квалификации актов геноцида принципиальное значение имеет сформулированный в решениях международных трибуналов *ad hoc* количественный «порог значительности количества жертв». В ст. 357 УК РФ термин «убийство» употреблен в единственном числе. В доктрине также указывается, что требование «широкомасштабности» применительно к количеству жертв геноцида прямо не вытекает из конвенционных предписаний. Хотя «геноцидальное намерение» виновного рассчитано на уничтожение хотя бы «значительной части» представителей демогра-

²⁴⁸ *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ITCR-96-13-T. 27 January 2000. § 158;

Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR-96-13-T. 6 December 1999. § 52.

²⁴⁹ *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR-95-1-T. 21 May 1999. § 548.

²⁵⁰ См.: *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ITCR-96-13-T. 27 January 2000. § 157;

Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR-96-13-T. 6 December 1999. § 52.

фической группы, «нормативное требование выполняется уже в том случае, когда деянием затрагивается хотя бы один член группы»²⁵¹.

Практика международных уголовных трибуналов *ad hoc* подтвердила справедливость такой доктринальной позиции. Международный трибунал по бывшей Югославии в решении по делу *Prosecutor v. R. Krstic*²⁵² указал, что «геноцидальное намерение» должно быть направлено на уничтожение «очень большого» числа членной защищаемой группы. В то же время в решениях Международного трибунала по Руанде по делам *Prosecutor v. L. Semanza* и *Prosecutor v. A. Simba* было сформулировано правило о том, что «не существует какого-либо верхнего или нижнего предела» числа жертв представителей группы, специально защищаемой от преступления геноцида²⁵³.

В-шестых (и это главное) – для квалификации акта геноцида должно быть установлено специальное «геноцидальное намерение» («геноцидальная цель») полного или частичного уничтожения защищаемой демографической группы.

В доктрине доминирует единодушная позиция о том, что именно «геноцидальное намерение» отличает геноцид от любых других преступлений против человечности, пусть даже самых «широкомасштабных» и «ужасающих» по своим последствиям²⁵⁴. «Геноцидальное намерение» является

²⁵¹ Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 100.

²⁵² *Prosecutor v. R. Krstic*. Case № IT-98-33-T. 2 August 2001. § 634.

²⁵³ См.: *Prosecutor v. L. Semanza*. Case № ICTR-97-20-T. 15 May 2003. § 316;

Prosecutor v. A. Simba. Case № ICTR-01-76-T. 13 May 2005. § 412.

²⁵⁴ См., например: Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 378–379;

Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. С. 105–107;

Костенко Н.И. Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М., 2014. С. 203–205;

Bassiouni M.Ch. Crimes against Humanity in International Criminal Law. 2nd edition. New York: Martin Nijhoff Publ., 1999. P. 470;

Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. P. 125–127;

конститутивным признаком преступления геноцида. Его содержание образует «стремление виновного лица к полному либо частичному уничтожению представителей защищаемой группы именно по причине их принадлежности к такой группе», то есть, виновный желает уничтожения именно группы, а не индивидуальной жертвы (жертв). Данное намерение обычно определенно выражено при совершении деяний, составляющих объективную сторону геноцида²⁵⁵.

Наиболее ярко квалификационное значение установления «геноцидального намерения» сформулировано в решении Международного трибунала по бывшей Югославии в деле *Prosecutor v. G. Jelusic*: «Несмотря на всю чудовищность совершенного деяния, оно не может считаться геноцидом, если у виновного отсутствует намерение уничтожить группу как таковую»²⁵⁶. Данное правило было подтверждено и в других решениях этого трибунала²⁵⁷.

В решениях Международного трибунала по Руанде уточнено, что «геноцидальное намерение» не обязательно должно заключаться в стремлении уничтожить представителей группы «всех до единого». Оно может выражаться в стремлении уничтожить, как минимум, «существенную» либо «значительную» часть защищаемой группы²⁵⁸. При этом критерий «существенности» («значительности») желаемого уничтожения группы может быть как количественным, так и качественным.

Количественный характер «существенности» желаемого уничтожения состоит в стремлении нанести группе «максимально возможный» численный ущерб – то есть, убить как можно больше представителей защищаемой

Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. З. 72–75; и др.

²⁵⁵ *Мартиросян А.С.* Геноцид в решениях современных международных трибуналов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. С. 11.

²⁵⁶ *Prosecutor v. G. Jelusic.* Case № IT–95–10–Т. 14 December 1999. § 93.

²⁵⁷ *Prosecutor v. R. Krstic.* Case № IT–98–33–А. 19 April 2004. § 15.

²⁵⁸ *Prosecutor v. L. Semanza.* Case № ICTR–97–20–Т. 15 May 2003. § 316.

мой группы²⁵⁹. Качественный характер желаемого уничтожения имеет место при «селективном» уничтожении представителей группы, которое сказывается на жизнеспособности группы в целом (например, при уничтожении политических и религиозных лидеров, интеллигенции, «успешных» бизнесменов)²⁶⁰.

Суммируя сказанное, можно прийти к выводу о том, что убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и иные «бесчеловечные акты» могут быть квалифицированы по ст. 357 УК РФ как «тягчайшее» преступление против человечности – геноцид – при соблюдении ряда условий. «Ключевыми» из таких условий являются принадлежность жертвы к специально защищаемой демографической группе (национальной, этнической, расовой или религиозной) и наличие у виновного «геноцидального намерения» как обязательного признака субъективной стороны.

*Если такие условия не соблюдены, любые, даже самые тяжкие и «бесчеловечные акты» квалифицируются «по остаточному принципу»: в соответствии с национальным уголовным законом они расцениваются как **общеуголовные преступления против личности**. При этом в соответствии с действующим уголовным законодательством, не играет роли наличие «широкомасштабного или систематического нападения» на представителей гражданского населения, являющееся обязательным условием для квалификации преступления против человечности по международному уголовному праву.*

Исходя из диспозиции предложенной нами нормы о преступлениях против человечности, такая «остаточная» квалификация (т.е. если деяние не квалифицировано как акт геноцида) может быть осуществлена по «общеуголовным» нормам уголовного закона. Речь идет о статьях УК РФ об убийстве (ст. 105); умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст.

²⁵⁹ См.: *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR-95-1-A. 1 June 2001. § 159;

Prosecutor v. S. Gacumbitsi. Case № ICTR-2001-64-A. 7 July 2006. § 40;

Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR-96-13-A. 26 May 2003. § 525.

²⁶⁰ *Prosecutor v. I. Bagilishema*. Case № ICTR-95-1A-T. 7 June 2001. § 64.

111); истязании (ст. 117); похищении человека (ст. 126); незаконном лишении свободы (ст. 127); торговле людьми (ст. 127¹); использовании рабского труда (ст. 127²); изнасиловании (ст. 131) и насильственных действиях сексуального характера (ст. 132).

Для квалификации *убийства* основное значение в отечественном правоприменении имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»²⁶¹. В этом документе содержатся основные правила установления объективных и субъективных признаков убийства, а также его квалифицированных видов.

Принципиальными (для целей настоящего исследования) являются, в частности, правила разграничения прямого и косвенного умысла при убийстве. Известно, что убийство (как вид преступлений против человечности в международном уголовном праве) обычно совершается в соучастии и нередко характеризуется «бесчеловечным» отношением к жертве, а также использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Поэтому большое значение для квалификации содеянного по УК РФ имеют сформулированные в Постановлении особенности квалификации убийства, совершенного в той или иной форме соучастия, а также рекомендации по установлению признака особой жестокости и общепасного способа совершения преступления. Это положение также в полной мере относится ко всем другим из перечисленных преступлений, где эти признаки являются отягчающими обстоятельствами и официально истолкованы в соответствующих решениях Верховного Суда РФ.

Так как хорошо известный международно-правовым актам термин «истребление», по существу, означает убийство двух и более лиц, особую важность приобретают судебные правила установления данного вида квалифицированного убийства.

²⁶¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2. (в действ. ред.).

Как показала практика международных судов *ad hoc*, преступления против человечности нередко совершаются по мотивам «преследования» по национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности жертв. Поэтому для квалификации убийств и других преступлений, совершенных по данным мотивам, немаловажен учет правил установления экстремистских побуждений, определенных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»²⁶².

При квалификации *умышленного причинения тяжкого вреда здоровью* следует иметь в виду, что международно-правовой признак «серьезности ментального вреда», отражен в диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ как последствие в виде «психического расстройства». В свою очередь, признак «принудительной стерилизации» также подпадает под действие национальной нормы об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью.

Для установления конкретных «телесных» видов тяжкого вреда здоровью в отечественном уголовном праве решающее значение имеют подзаконные акты: Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека от 17 августа 2007 г.²⁶³ и Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека²⁶⁴.

Широко используемые в актах международного уголовного права термины «пытка», «другие бесчеловечные деяния, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий» в отечественном законодательстве являются одними из видов (а пытка – квалифицирующим признаком) *истязания*. К тому же определение «пытки» имеет легальное толкование в примечании 1 к ст. 286 УК РФ, прямо корреспондирующее к

²⁶² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8. С. 3. (в действ. ред.).

²⁶³ Постановление Правительства РФ от 17 августа 2008 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2007. 24 августа.

²⁶⁴ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. 5 сентября.

имеющей силу для России Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.²⁶⁵.

Правила квалификации *похищения человека, незаконного лишения свободы, торговли людьми и использования рабского труда*, а также правила разграничения этих преступлений сформулированы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 46 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»²⁶⁶.

Многие международно-правовые термины, описывающие конкретные виды преступлений против человечности, в значительной мере (а нередко и буквально) соответствуют признакам перечисленных преступлений против личной свободы по российскому уголовному законодательству, в частности:

– «насильственное исчезновение людей» охватывается признаками похищения человека с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, совершенного в отношении двух и более лиц;

– «заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права» подпадает под действие нормы о незаконном лишении свободы или (при установлении факта перемещения жертвы в пространстве) нормы о насильственном похищении человека;

– «порабощение» может быть квалифицировано, в зависимости от фактических обстоятельств, как торговля людьми и/или использование рабского труда.

Наконец, правила квалификация *изнасилования и насильственных действий сексуального характера* содержатся в Постановлении Пленума

²⁶⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

²⁶⁶ Российская газета. 2019. 31 декабря.

Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»²⁶⁷. Указанные в актах международного права «любые другие формы сексуального насилия» и насильственное «принуждение к проституции» полностью подпадают под определение «иные насильственные действия сексуального характера» (ст. 132 УК РФ).

Вывод по параграфу.

В ситуации отсутствия в УК РФ нормы о преступлениях против человечности отечественный правоприменитель может квалифицировать конкретные деяния, подпадающие под признаки таких преступлений, как акты геноцида – «тягчайшего» преступления против человечности (ст. 357 УК РФ). Для этого необходимо установить два «ключевых» условия, а именно: принадлежность жертвы (жертв) к одной из специально защищаемых демографических групп и наличие у виновного «геноцидального намерения».

Если возможность квалификации содеянного как геноцида исключена, то деяния, подпадающие под признаки преступлений против человечности, квалифицируются по «остаточному принципу», то есть как «общеуголовные» преступления против личности. В отечественной правоприменительной практике все признаки таких деяний получили подробное официальное толкование в решениях Верховного Суда РФ.

С этим выводом в целом согласились 17 из 25 опрошенных специалистов-теоретиков в области уголовного и международного уголовного права и 61% практикующих юристов.

²⁶⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2. С. 2.

4.2. Квалификация преступлений против человечности по Уголовному кодексу РФ: возможные перспективы с учетом международной практики

В случае криминализации преступлений против человечности в качестве самостоятельного преступления против мира и безопасности человечества по УК РФ, для квалификации конкретных видов таких преступлений в полной мере будут применимы все правила, уже разработанные Верховным Судом РФ. Принципиально важным станет то обстоятельство, что, наряду с этими «внутренними» правилами квалификации будут *в полной мере применимы квалификационные правила, сформулированные в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc*, признаваемых Российской Федерацией.

Поэтому представляется необходимым сделать обзор основных квалификационных правил, выработанных в практике указанных международных судов и применимых к установлению признаков преступлений против человечности в предложенной ранее норме УК РФ.

Прежде всего, решения Международных судов по Руанде и бывшей Югославии применимы для установления «контекстуального элемента» предложенной нормы о преступлениях против человечности. Повторимся – он определен, с учетом действующих для России норм международного уголовного права как «широкомасштабное или систематическое нападение на представителей гражданского населения» и подробно рассмотрен во втором параграфе второй главы. Тем не менее, надо подчеркнуть, что для квалификации любого конкретного вида преступлений против человечности требуется установление того обстоятельства, что виновный осознавал свое участие в «широкомасштабном или систематическом нападении на гражданское население», а совершенные им деяния являются «составной частью» такого нападения.

Данное правило о необходимости «осознанного» участия субъекта в широкомасштабном или систематическом нападении именно на представителей гражданского населения неоднократно повторено в многочисленных решениях международных трибуналов по Руанде²⁶⁸ и бывшей Югославии²⁶⁹. Если этот элемент (т.е. элемент «осознанного участия» субъекта в нападении) не установлен, квалификация содеянного как преступления против человечности исключается²⁷⁰.

Если в «широкомасштабном или систематическом нападении на гражданское население» установлено участие государства, официальных структур или «организованной силы» (что, само по себе, не является обязательным квалификационным требованием для установления «контекстуального элемента»), то устанавливать «достоверное знание» виновного об этом обстоятельстве не требуется²⁷¹.

А теперь целесообразно представить обзор решений международных трибуналов *ad hoc*, применимых для квалификации конкретных видов преступлений против человечности, сформулированных в предложенной ст. 357¹ УК РФ.

Убийство. По существу, в решениях международных трибуналов *ad hoc* убийством как преступлением против человечности признается любое «намеренное» либо «сознательное» причинение смерти хотя бы одному представителю гражданского населения, совершенное в рамках «контекстуального элемента». Более того, в ряде таких решений сказано, что на-

²⁶⁸ См., например: *Prosecutor v. F. Nahimana et al.* Case № ICTR-99-52-A. 28 November 2007. § 924.

²⁶⁹ См.: *Prosecutor v. M. Milutinović.* Case № IT-05-87-T. 26 February 2009. § 153;

Prosecutor v. Blaskić. Case № IT-95-14-A. 29 July 2004. § 124;

Prosecutor v. D. Kunarac et al. Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002. § 121.

²⁷⁰ Заметим, что это квалификационное правило было подтверждено и в формирующейся практике Международного уголовного суда. См.: *Prosecutor v. G. Katanga and M. Ngunjolo Chi.* Case № ICC-01/04-01/07. 30 September 2008. § 401.

²⁷¹ См., например, решения Международного трибунала по бывшей Югославии:

Prosecutor v. M. Krajisnik. Case № IT-00-39-T. 27 September 2006. § 706;

Prosecutor v. V. Blagojević and D. Jokić. Case № IT-02-60-T. 17 January 2005. § 548;

Prosecutor v. R. Brđanin. Case № IT-99-36-T. 1 September 2004. § 394.

мерение причинить смерть потерпевшему «не является обязательным» субъективным признаком – достаточно установить, что причинитель допускал «вероятность» наступления смерти жертвы в результате своих действий. Сам умысел на убийство не обязательно должен быть «заранее обдуманным»²⁷².

Как было сказано выше, определенное в актах международного права деяние в виде «истребления» представителей гражданского населения подпадает (по отечественному законодательству) под «квалификационные рамки» убийства двух и более лиц. Данное утверждение основано на решениях международных трибуналов *ad hoc*, в которых «истребление» прямо названо «специальным видом» убийства²⁷³.

При этом в решениях Международного трибунала по Руанде особо оговаривается, что «истребление» представляет собой как непосредственное, так и «косвенное» причинение смерти «части» гражданского населения²⁷⁴. При этом в качестве примера «косвенного» причинения смерти части гражданского населения было расценено «заражение [части гражданского населения] смертельным вирусом с последующим лишением доступа к медицинской помощи»²⁷⁵.

В решениях Международного трибунала по бывшей Югославии также говорится, что убийства, совершенные в ходе «истребления», должны при-

²⁷² См., например, решения Международного трибунала по бывшей Югославии: *Prosecutor v. L. Boskorski and J. Tarculovski*. Case № IT-04-82-T. 10 July 2008. § 305;

Prosecutor v. M. Martić. Case № IT-95-11-T. 12 June 2007. § 58;

Prosecutor v. M. Stakić. Case № IT-97-24-T. 31 July 2003. § 587;

а также решения Международного трибунала по Руанде:

Prosecutor v. F. Karera. Case № ICTR-01-74-T. 7 December 2007. § 558;

Prosecutor v. J. Nzabirinda. Case № ITCR-01-13-T. 23 February 2007. § 25;

Prosecutor v. A. Musema. Case № ITCR-96-13-T. 27 January 2000. § 215.

²⁷³ См.: *Prosecutor v. V. Blagojevic and D. Jokic*. Case № IT-02-60-T. 17 January 2005. § 802;

Prosecutor v. L. Semanza. Case № ICTR-97-20-T. 15 May 2003. § 500.

²⁷⁴ См.: *Prosecutor v. P. Bisengimana*. Case № ICTR-00-60-T. 13 April 2006. § 72;

Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana. Case № ICTR-96-10-A. 13 December 2004. § 522.

²⁷⁵ *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR-95-1-T. 21 May 1999. § 146.

водить к гибели «количественно значимой части» гражданского населения²⁷⁶. При этом, как подчеркнуто в решении по делу *Prosecutor v. M. Vasiljevic*, «ответственности [за истребление] подлежат только лица, ответственные за большое количество смертей, даже если их роль [в причинении смертей] была удаленной или косвенной»²⁷⁷.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Если признаки тяжкого вреда здоровью в национальном законодательстве определены исчерпывающим образом в ч. 1 ст. 111 УК РФ, то в практике международных трибуналов *ad hoc* говорится, что «причинение серьезных телесных и ментальных повреждений» (в рамках «контекстуального элемента») квалифицируется в «рамках конкретного случая»²⁷⁸.

В решении Международного трибунала по Руанде по делу *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana* сказано, что достаточно установить умысел, «направленный» на причинение «серьезного телесного повреждения» либо установить «осознание субъектом того, что вероятным результатом его действия» станет «серьезное телесное повреждение»²⁷⁹.

Истязание. В «квалификационные рамки» этого преступления по национальному уголовному праву могут быть включены такие конкретные виды преступлений против человечности по международному уголовному праву, как: пытки и «другие бесчеловечные деяния, причиняющие сильные страдания». Практика международных уголовных трибуналов *ad hoc* в целом опирается на определение пытки, содержащееся в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. При этом в решениях этих судов

²⁷⁶ См.: *Prosecutor v. M. Krajisnik*. Case № IT-00-39-T. 27 September 2006. § 720; *Prosecutor v. R. Krstic*. Case № IT-98-33-T. 2 August 2001. § 503; *Prosecutor v. M. Stakič*. Case № IT-97-24-A. 22 March 2006. § 259.

²⁷⁷ *Prosecutor v. M. Vasiljevic*. Case № IT-98-32-T. 29 November 2002. § 227.

²⁷⁸ *Prosecutor v. T. Blaskic*. Case № IT-95-14-T. 3 March 2000. § 239.

²⁷⁹ *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR-95-1-T. 21 May 1999. § 154.

подчеркивается принципиальная невозможность составить «исчерпывающий каталог» деяний, образующих пытки²⁸⁰.

Например, в многочисленных решениях Международного трибунала по бывшей Югославии в качестве пытки расценивались: ломание костей жертвы; погружение головы потерпевшего в воду до «степени утопления»; удары электрическим током; вырывание зубов и ногтей без какой-либо анестезии; лишение жертвы пищи, воды и сна; удары по ушам, приводившие к разрыву барабанных перепонок; удушение жертвы; прижигание различных частей тела; распыление кислоты в глаза и т.д.²⁸¹.

В качестве деяний, причинивших «сильные душевные боли и страдания» потерпевшим в решениях международных трибуналов *ad hoc* назывались, в частности: понуждение хоронить тела родственников и близких лиц; понуждение к присутствию при пытках и казнях родственников и близких лиц; симулирование казни жертвы²⁸².

С точки зрения формальных правил квалификации, принятых в отечественной правоприменительной практике, если вышеперечисленные действия привели к причинению какого-либо тяжкого вреда здоровью потерпевшего, они не могут дополнительно расцениваться как истязание. Говоря иными словами, истязание «поглощается» умышленным причинением

²⁸⁰ См., например:

Prosecutor v. M. Kvočka et al. Case № IT-98-30/1-T. 2 November 2001. § 147;

Prosecutor v. Z. Mucic. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 461.

²⁸¹ См., например:

Prosecutor v. R. Brdanin. Case № IT-99-36-T. 1 September 2004. § 483;

Prosecutor v. M. Kvočka et al. Case № IT-98-30/1-T. 2 November 2001. § 145;

Prosecutor v. D. Kunarac et al. Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002. § 150;

Prosecutor v. F. Limaj et al. Case № IT-03-66-T. 30 November 2005. § 237;

Prosecutor v. M. Martić. Case № IT-95-11-T. 12 June 2007. § 75;

Prosecutor v. Z. Mucic. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 496;

Prosecutor v. M. Naletilic and V. Martinovic. Case № IT-98-34-A. 3 May 2006. § 299; и др.

²⁸² См., например:

Prosecutor v. R. Brdanin. Case № IT-99-36-A. 3 April 2007. § 249;

Prosecutor v. A. Furundžija. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998. § 267;

Prosecutor v. M. Kvočka et al. Case № IT-98-30/1-T. 2 November 2001. § 148-149;

Prosecutor v. F. Limaj et al. Case № IT-03-66-T. 30 November 2005. § 236;

Prosecutor v. M. Martić. Case № IT-95-11-T. 12 June 2007. § 76; и др.

тяжкого вреда здоровью, наступившим в его результате, а содеянное квалифицируется только по признаку умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (как самостоятельного предлагаемого вида преступлений против человечности).

Похищение человека. В «квалификационных рамках» похищения человека как предлагаемого вида преступлений против человечности возможна юридическая оценка (по национальному законодательству) как собственно похищения человека (в прямом значении), так и некоторых других видов преступлений против человечности, как они названы в документах международного права. В частности, речь идет о таких деяниях «насильственное исчезновение людей» и/или «заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права».

Последнее из названных деяний может быть квалифицировано по признаку похищения человека при установлении факта перемещения потерпевшего в пространстве. Если такой факт отсутствует, содеянное квалифицируется (в качестве самостоятельного вида преступлений против человечности) как *незаконное лишение свободы*.

Для обоих этих деяний (похищение человека и незаконное лишение свободы) применимо правило, выработанное в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии о том, что «наиболее важным» аспектом «в данном контексте» выступает именно «произвольный характер» лишения потерпевшего его личной свободы²⁸³.

Торговля людьми и/или использование рабского труда. В «квалификационных рамках» торговли людьми и использования рабского труда как предлагаемого вида преступлений против человечности возможна юридическая оценка (по национальному законодательству) как собственно этих деяний в прямом значении, так в рамках более широкого по содержанию

²⁸³ См., например: *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez*. Case № IT-95-14/2-T. 26 February 2001. § 302;

деяния в виде «порабощения». Как уже говорилось, термин «порабощение» используется в нормах международного права для определения «осуществления любых или всех правомочий, связанных с правом собственности в отношении человека».

Обычно (но не всегда) акты «порабощения» представителей гражданского населения как раз и состоят в последовательном выполнении деяний в виде торговли людьми с последующим использованием их «рабского труда». Нередко этим деянием предшествует похищение потерпевшего и/или незаконное лишение его свободы. Таким образом, акт «порабощения», как он определен в нормах международного уголовного права, может быть квалифицирован как последовательное совершение нескольких самостоятельных преступлений против человечности (в соответствии с предлагаемой нормой о таких преступлениях и законодательной традицией отечественного УК).

Для понимания торговли людьми и использования рабского труда как самостоятельных видов преступлений против человечности большое значение имеет апелляционное решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Согласно фабуле дела, виновные в течение нескольких месяцев удерживали в неволе (в пустующем доме) двух девушек и «полностью контролировали их жизнь».

В решении по данному делу указано, что признаки «порабощения» включают в себя «элементы контроля и осуществления права собственности», «ограничение или контроль свободы выбора и свободы передвижения», нередко – «извлечение материальной выгоды». При этом полностью отсутствуют «согласие или свобода воли жертвы, которые часто невозможны ... по причине насилия, обмана или ложных обещаний, ... лишения свободы и психологического подавления». Далее, «приобретение или продажа кого-то в обмен на денежное или иное вознаграждение» является «первоочередным примером осуществления права собственности в отношении какого-либо человека». Наконец, «продолжительность предпола-

гаемого осуществления правомочий, связанных с правом собственности» не является «необходимым условием» для квалификации деяния в качестве преступления против человечности²⁸⁴.

Изнасилование и/или насильственные действия сексуального характера. Прежде всего, заметим, что законодательное деление актов сексуального насилия на изнасилование и насильственные действия сексуального характера – это традиция отечественного законодательства, разделяющего оценивающего насильственное совершение полового сношения от иных насильственных сексуальных действий.

В нормах международного уголовного права содержится довольно широкий перечень актов сексуального насилия – собственно изнасилование (в широком смысле как совершение актов прямого сексуального насилия в отношении любого потерпевшего), «принуждение к проституции» и «другие формы сексуального насилия». Однако все эти деяния в «квалификационном» смысле могут быть оценены как изнасилование и/или насильственные действия сексуального характера в качестве самостоятельных видов преступлений против человечности в предлагаемой ст. 357¹ УК РФ. Это следует из той посылки, что любое сексуальное действие, совершенное в отношении жертвы, является результатом примененного физического или психического насилия непосредственно к ней или любому другому лицу.

Наряду с убийством, умышленным причинением тяжкого вреда здоровью и истязанием (пыткой), именно акты сексуального насилия стали одними из наиболее распространенных видов преступлений против человечности в практике международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

В первых решениях международных трибуналов *ad hoc* изнасилование трактовалось как совершение сексуального действия в «жесткой увязке» с применением физического или психического насилия. Например, в реше-

²⁸⁴ *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002. § 106–120.

нии Международного трибунала по Руанде по делу *Prosecutor v. J.-P. Akayesu* изнасилование определено как «физическое проникновение сексуального характера, совершенное в отношении человека при обстоятельствах, связанных с принуждением»²⁸⁵. Международный трибунал по бывшей Югославии в решении по делу *Prosecutor v. A. Furundzija* изнасилованием назвал «сексуальное проникновение в телесную полость жертвы с применением принуждения или насилия либо угрозы насилием в отношении жертвы или третьего лица»²⁸⁶.

Многие исследователи отметили, что в последующей деятельности международные уголовные трибуналы *ad hoc* отказались от «узкой» трактовки изнасилования²⁸⁷.

Действительно, в более поздних решениях изнасилование и иные насильственные акты сексуального характера связывались не только с проявлениями физического и/или психического насилия, но и с отсутствием согласия жертвы на совершение сексуального акта. Отсутствие такого согласия было расценено как совершение сексуального акта «против воли жертвы». Согласие «должно быть высказано добровольно, в результате свободного волеизъявления жертвы, которое должно оцениваться в соответствии с сопутствующими обстоятельствами»²⁸⁸.

Одной из наиболее примечательных тенденций стало постепенно признание в решениях международных уголовных трибуналов *ad hoc* того факта, что не только женщины, но и мужчины (в равной степени) могут стать жертвами актов сексуального насилия как преступления против человечности²⁸⁹. В литературе эта тенденция была названа «гендерно равным

²⁸⁵ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 598.

²⁸⁶ *Prosecutor v. A. Furundzija*. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998. § 185.

²⁸⁷ См.: Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. С. 439–440;

Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 201.

²⁸⁸ *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Case № IT-96-23/23/1-T. 22 February 2001. § 460.

²⁸⁹ *Prosecutor v. R. Cestic*. Case № IT-95-10/1-T. 11 March 2004. § 52–53.

подходом» и «преодолением феминистского уклона», при котором жертвами сексуального насилия признавались «исключительно женщины»²⁹⁰.

В заключение надо оговориться, что предлагаемая в УК РФ норма о преступлениях против человечности должна иметь **«квалификационный приоритет»** над «общеуголовными» преступлениями против личности. Это означает, что все деяния, образующие конкретные виды таких преступлений, будут охвачены диспозицией предложенной ст. 357¹ УК РФ, и не требовать дополнительной квалификации по другим нормам уголовного законодательства. Данное правило «квалификационного приоритета» прямо следует из запрета на двойной вменение, содержащегося в принципе справедливости уголовного закона (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Вывод по параграфу.

В случае криминализации преступлений против человечности в УК РФ, для их квалификации станут применимыми не только правила квалификации, разработанные высшей судебной инстанцией, но и весь массив практики международных уголовных судов *ad hoc*, признаваемых Российской Федерацией. Это касается как установления «контекстуального элемента» преступлений против человечности, так и их конкретных видов. Предлагаемая норма о преступлениях против человечности должна обладать «квалификационным приоритетом» над «общеуголовными» нормами УК РФ об «общеуголовных» преступлениях против личности.

С этим выводом в целом согласились 15 из 25 опрошенных специалистов-теоретиков в области уголовного и международного уголовного права и 52% практикующих юристов.

²⁹⁰ См.: Трикоз Е.Н. Международное уголовное правосудие: гендерные аспекты // Библиотека криминалиста. 2012. № 2. С. 191–192;

Lewis D.A. Unrecognized Victims: Sexual Violence against Men in Conflict Settings under International Law // Wisconsin International Law Journal. 2009. Vol. 27. P. 1–10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что такое человечность? До сих пор никто не дал исчерпывающий ответ на этот вопрос. Да и вряд ли когда-нибудь даст. Быть человеком, конечно, означает не только жить в биологическом смысле, но и быть разумным, свободным, независимым, достойным, сострадающим, испытывать чувства...

Все это – конечно же, человечность. Человечность подразумевается самой природой человека, его интеллектом и волей, личными качествами, самой жизнью в семье и обществе. И, к великому сожалению, вся человеческая история буквально пропитана чудовищными актами бесчеловечности, когда одни люди в самом буквальном смысле отказывают в человеческой природе другим, лишают их человечности, лишают их права быть людьми.

Злодеяния, которые мы сейчас, уже привычно, называем преступлениями против человечности, совершались, начиная с Библейских времен. Совершаются они и в настоящее время. Можно совершенно определенно сказать, что они будут совершаться и в будущем. Однако ни одно действие не остается без противодействия – как в природе, так и в человеческом обществе. Около полутора веков назад человечество начало осознавать весь ужас совершаемых злодеяний против своей человеческой природы. Продолжает осознавать и сейчас, будет осознавать в будущем.

Одним из проявлений такого осознания стало понимание того, что сама человеческая природа, человечность требуют защиты в самые страшные моменты – в моменты беспощадных войн, катаклизмов и прочих бедствий. Можно считать национальным достоянием, что известная юридическая оговорка, призвавшая охранять и беречь человеческую природу людей даже в самые жестокие ситуации, принадлежит нашему соотечествен-

нику – Федору Федоровичу Мартенсу – автору бессмертного труда «Современное международное право цивилизованных народов».

Начиная с оговорки Мартенса, идея о том, что человеку не все позволено в отношении другого человека, даже на поле битвы, стала получать юридическое оформление. Уже к началу Первой Мировой войны был принят свод правил, ограничивающих воюющие стороны в выборе оружия и средств ведения военных действий, а также дававших минимальные гарантии защиты лицам, не участвующим в военном противостоянии – то есть, гражданскому населению.

Однако потребовался поистине чудовищный опыт Второй Мировой войны для того, чтобы эти идеи и своды правил получили всеобщее признание и юридическое оформление. Впервые термин «преступления против человечности» официально был употреблен на Нюрнбергском процессе. Именно в Уставе Нюрнбергского трибунала эти преступления были определены, наряду с преступлением агрессии и военными преступлениями, в качестве «тягчайших» преступных посягательств против всего человечества. Отечественные и зарубежные авторы единодушны в признании того, что именно с Нюрнберга в международном и национальном уголовном праве начала свою историю современная система преступлений против человечности.

Эта история была долгой, она продолжается и по сей день. Если в Уставе Нюрнбергского трибунала совершение преступлений против человечности связывалось с войной, военными действиями и участием государства в их совершении, то в дальнейшем было признано, что такая связь вовсе не обязательна. Уже в документах «Нюрнбергского наследия», в частности – в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., говорилось о возможности совершения актов геноцида (повсеместно признаваемых в качестве «тягчайшего» преступления против всего человечества) и в мирное время.

В период «Холодной войны» совершение преступлений против человечности и неотвратимость наказания за них как бы выпали из фокуса зрения мирового сообщества. Лишь в первой половине 1990-х годов, под впечатлением от масштабов невиданных зверств, учиненных в формально мирное время, Совет Безопасности ООН создал два специальных Международных уголовных трибунала. Эти трибуналы были предназначены для осуждения преступлений против человечности, актов геноцида и военных преступлений, совершенных на территории бывшей Югославии и Руанды. В Уставах указанных трибуналов, впервые со времен Нюрнберга, нормативно определялась система преступлений против человечности.

За два десятилетия деятельности Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии был накоплен значительный опыт юридической оценки самых тяжких преступлений против мира и безопасности человечества. Но гораздо важнее то обстоятельство, что в понимании природы преступлений против человечности произошла настоящая революция.

Из так называемого «контекстуального элемента» преступлений против человечности исчезли требования установить обязательную связь такого преступления с вооруженным конфликтом и доказать участие государства в его совершении. Говоря иными словами, в настоящее время факт совершения преступления против человечности (и, следовательно, уголовное преследование за него) не обусловлен существованием международного либо внутреннего вооруженного противостояния, а также вовлеченностью в его совершение государственных или иных официальных структур. Также принципиальным «наследием» деятельности специальных трибуналов стало признание того, что жертвами преступлений против человечности теперь признаются любые гражданские (то есть, не участвующие в вооруженном конфликте) лица, вне зависимости от их принадлежности к национальной, расовой, этнической или религиозной группе.

После учреждения специальных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, мировое сообщество осознало необходимость создания посто-

янно действующего международного органа уголовной юстиции. В 1998 г. был принят Римский Статут Международного уголовного суда, в котором система преступлений против человечности была сформулирована в наиболее завершенном виде. Однако надежды на эффективную деятельность Международного уголовного суда не оправдались – по различным причинам в нем не участвуют три из пяти государств – Постоянных членов Совета Безопасности ООН (Китай, Россия и США).

Тогда Объединенные Нации вернулись к хорошо известной практике, а именно – к принятию Единой Конвенции о преступлениях против человечности, которая имела бы обязательный характер для всех государств-участников ООН. В 2014 г. Комиссия международного права ООН представила Проект такой Конвенции, обсуждаемый в настоящее время. Принципиально важным в данном документе является императивное требование криминализовать преступления против человечности в национальном уголовном законодательстве.

Многие страны сделали этот шаг под влиянием Римского Статута. Некоторые (например, Германия) приняли самостоятельные законы об уголовном преследовании за преступления против мира и безопасности человечества. Большинство государств просто включили положения о наказуемости этих преступлений (включая преступления против человечности) в национальные уголовные законы (кодексы). Но такой шаг предприняли, в основном, страны-участницы Международного уголовного суда. Россия осталась в стороне.

Актуальна ли криминализация преступлений против человечности в Уголовном законе Российской Федерации? Ведь существует мнение, что делать этого не следует, так как у нас уже есть норма о преступлении геноцида. Однако для уголовного преследования за геноцид надо, в обязательном порядке, установить два обстоятельства: 1) жертва принадлежит к специально защищаемой демографической группе – национальной, расо-

вой, этнической или религиозной; 2) у виновного наличествует цель полного или частичного уничтожения такой группы.

Возникает закономерный вопрос: как следует поступить (в юридическом смысле), если убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, пытки, акты сексуального насилия совершены в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, но носили избирательный характер? Говоря иными словами, для преступника была ли различна национальность, этническая, расовая или религиозная принадлежность жертвы, либо он не ставил под вопрос существование какой-либо демографической группы? Ответ здесь может быть только один: на текущий момент содеянное будет квалифицировано по «общеуголовным» статьям.

Справедливо ли это? Конечно – нет. Достаточно вспомнить масштабы преступных посягательств, совершенных в обеих «чеченских кампаниях», в ходе гражданской войны на Украине, Специальной военной операции. Недаром Следственный Комитет РФ возбудил более тысячи уголовных дел о преступлениях против гражданского населения, совершенных в 2014–2022 гг. на востоке Украины. Поэтому криминализация преступлений против человечности в нашем национальном уголовном законодательстве России нужна не просто в силу требований международного права, а в силу существующей объективной необходимости.

Каков будет путь такой криминализации? Понятно, что германский опыт издания отдельного уголовного закона для нас не применим. Поэтому наиболее предпочтительным выглядит введение в 34 главу УК РФ самостоятельной нормы о преступлениях против человечности, учитывающей действующие для России нормы международного права, положения проекта Единой Конвенции о преступлениях против человечности и содержащей оговорку об отграничении такого преступления против человечности как апартеид от преступления геноцида.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные акты международного, российского и зарубежного права

1. Конституция Российской Федерации – принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Устав Организации Объединенных наций и Статут Международного Суда ООН: Официальное издание ООН. Нью-Йорк, 1968.
3. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала // http://un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 // http://un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
5. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран от 8 августа 1945 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 1. М., 1987. С. 166–183.
6. Приговор Международного (Нюрнбергского) военного трибунала от 1 октября 1946 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 561–721.
7. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г. // <http://docs.cntd.ru/document/902053853>
8. Устав Международного трибунала (по бывшей Югославии) от 25 мая 1993 г. // UN/S/RES/827/Russian.
9. Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. // UN/S/RES/955/Russian.

10. Международный Остаточный Механизм для международных трибуналов от 20 декабря 2010 г. // UN/S/RES/1966/Russian.
11. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // UN/Doc/A/CONF.183/9. Russian.
12. Элементы преступлений Международного уголовного суда // UN Doc. ICC-ASP/1/3. Part II-B.
13. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Сборник стандартов Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание ООН. Нью-Йорк, 1992. С. 275–279.
14. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Сборник стандартов Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание ООН. Нью-Йорк, 1992. С. 289–304.
15. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
16. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.
17. Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 43. Ст. 686.
18. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.
19. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

20. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2. Ст. 18.

21. Женевская Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 71–100.

22. Женевская Конвенция об улучшении участи раненых, больных лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 101–124.

23. Женевская Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 125–204.

24. Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 205–280.

25. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 апреля 1981 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.

26. Официальный доклад Организации Объединенных Наций «Геноцид в Руанде и ООН» // <http://un.org/ru/preventgenocide/rwanda/rwandagenocide.shtml>.

27. Проект Конвенции о преступлениях против человечности. Доклад Комиссии международного права ООН. 68 сессия // <https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/chp7.pdf>

28. Преступления против человечности. Соображения и замечания, полученные от правительств, международных организаций и других сторон. Документ 71 Сессии Комиссии международного права ООН от 21 января 2019 г. // <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/726>

29. Первый доклад о преступлениях против человечности. Документ 68 Сессии Комиссии международного права ООН от 17 февраля 2015 г. // https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CN.4/680&referer=/english/&Lang=R

30. Второй доклад о преступлениях против человечности. Документ 69 Сессии Комиссии международного права ООН от 21 января 2016 г. // https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CN.4/690&referer=/english/&Lang=R

31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 г. (по состоянию на 30 апреля 2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».

32. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

33. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Российская газета. 2016. 18 ноября.

34. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2008 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2007. 24 августа.

35. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. 5 сентября.

36. Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991.

37. Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989.

38. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: German Criminal Code // www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/german_criminal_code.pdf

39. Кодекс международного уголовного права Федеративной Республики Германия от 29 июня 2002 г.: Völkerstrafgesetzbuch // <https://www.gesetze-im-internet.de/vstgb/VStGB.pdf>

40. Уголовный кодекс Испании: Spanish Criminal Code // www.legislationline.org/download/action/download/id/.../Spain_CC_am2013_en.pdf

41. Уголовный кодекс Италии: Italy Penal Code // www.euro-pam.eu/data/mechanisms/FD/FD%20Laws/Italy/Italy_Penal%20Code_2007%20last%20amended%202014.pdf

42. Уголовный кодекс Франции: Penal Code of the French Republic // www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20060701

Решения международных и национальных судов (трибуналов)

43. *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998.

44. *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-A. 1 June 2001.

45. *Prosecutor v. I. Bagilishema*. Case № ICTR-95-1A-T. 7 June 2001.

46. *Prosecutor v. I. Bagilishema*. Case № ICTR-95-1A-T. 7 June 2001.

47. *Prosecutor v. P. Bisengimana*. Case № ICTR-00-60-T. 13 April 2006.

48. *Prosecutor v. S. Gacumbitsi*. Case № ICTR-2001-64-T. 17 June 2004.

49. *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR–95–1–T. 21 May 1999.
50. *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana*. Case № ICTR–95–1–A. 1 June 2001.
51. *Prosecutor v. S. Gacumbitsi*. Case № ICTR–2001–64–A. 7 July 2006.
52. *Prosecutor v. F. Karera*. Case № ICTR–01–74–T. 7 December 2007.
53. *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ICTR–96–13–T. 27 January 2000.
54. *Prosecutor v. F. Nahimana et al.* Case № ICTR–99–52–A. 28 November 2007.
55. *Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana*. Case № ICTR–96–10–T. 21 February 2003.
56. *Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana*. Case № ICTR–96–10–A. 13 December 2004.
57. *Prosecutor v. J. Nzabirinda*. Case № ICTR–01–13–T. 23 February 2007.
58. *Prosecutor v. G. Rutaganda*. Case № ICTR–96–13–T. 6 December 1999.
59. *Prosecutor v. G. Rutaganda*. Case № ICTR–96–13–A. 26 May 2003.
60. *Prosecutor v. L. Semanza*. Case № ICTR–97–20–T. 15 May 2003.
61. *Prosecutor v. A. Simba*. Case № ICTR–01–76–T. 13 May 2005.
62. *Prosecutor v. Z. Aleksovsky*. Case № IT–95–14/1–T. 25 June 1999.
63. *Prosecutor v. V. Blagojevic and D. Jokic*. Case № IT–02–60–T. 17 January 2005.
64. *Prosecutor v. T. Blaskic*. Case № IT–95–14–T. 3 March 2000.
65. *Prosecutor v. Blaskic*. Case № IT–95–14–A. 29 July 2004.
66. *Prosecutor v. L. Boskorski and J. Tarculovski*. Case № IT–04–82–T. 10 July 2008.
67. *Prosecutor v. R. Brdanin*. Case № IT–99–36–T. 1 September 2004.
68. *Prosecutor v. R. Brdanin*. Case № IT–99–36–A. 3 April 2007.
69. *Prosecutor v. R. Cesic*. Case № IT–95–10/1–T. 11 March 2004.

70. *Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998.
71. *Prosecutor v. D. Erdemovic*. Case № IT-96-22-T. 29 November 1996.
72. *Prosecutor v. A. Furundzija*. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998.
73. *Prosecutor v. S. Galic*. Case № IT-89-29-A. 30 November 2006.
74. *Prosecutor v. G. Jelusic*. Case № IT-95-10-T. 14 December 1999.
75. *Prosecutor v. R. Karadzic and R. Mladic*. Case № IT-95-5/18-1-T. 11 July 1996.
76. *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez*. Case № IT-95-14/2-T. 26 February 2001.
77. *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez*. Case № IT-95-14/2-A. 17 December 2004.
78. *Prosecutor v. M. Krajisnik*. Case № IT-00-39-T. 27 September 2006.
79. *Prosecutor v. R. Krstic*. Case № IT-98-33-T. 2 August 2001.
80. *Prosecutor v. R. Krstic*. Case № IT-98-33-A. 19 April 2004.
81. *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Case № IT-96-23/23/1-T. 22 February 2001.
82. *Prosecutor v. D. Kunarac et al.* Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002.
83. *Prosecutor v. M. Kvočka et al.* Case № IT-98-30/1-T. 2 November 2001.
84. *Prosecutor v. M. Kvočka et al.* Case № IT-98-30/1-A. 28 February 2005.
85. *Prosecutor v. M. Martić*. Case № IT-95-11-T. 12 June 2007.
86. *Prosecutor v. F. Limaj et al.* Case № IT-03-66-T. 30 November 2005.
87. *Prosecutor v. M. Milutinović*. Case № IT-05-87-T. 26 February 2009.
88. *Prosecutor v. Z. Mucic*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998.
89. *Prosecutor v. M. Naletilic and V. Martinovic*. Case № IT-98-34-T. 31 March 2003.

90. *Prosecutor v. M. Naletilic and V. Martinovic*. Case № IT-98-34-A. 3 May 2006.
91. *Prosecutor v. M. Stakič*. Case № IT-97-24-T. 31 July 2003.
92. *Prosecutor v. M. Stakič*. Case № IT-97-24-A. 22 March 2006.
93. *Prosecutor v. D. Tadic*. Case № IT-94-I-T. 2 October 1995.
94. *Prosecutor v. D. Tadic*. Case № IT-94-I-T. 7 May 1997.
95. *Prosecutor v. D. Tadic*. Case № IT-94-1-A. 15 July 1999.
96. *Prosecutor v. M. Vasiljevic*. Case № IT-98-32-T. 29 November 2002.
97. *Prosecutor v. G. Katanga and M. Ngunjolo Chi*. Case № ICC-01/04-01/07. 30 September 2008.
98. *Prosecutor v. O.H. Al-Bashir*. ICC-02/05-01/09-1.
99. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
100. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
101. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
102. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
103. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 46 «О судебной практике по делам о похище-

нии человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета. 2019, 31 декабря.

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

104. *Арямов А.А.* Актуальные направления развития современного международного уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.

105. *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд. М.: Юнити, 1998. 240 с.

106. *Богущ Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н.* Международные преступления: модель имплементации в Российское законодательство. М.: Проспект, 2017. 176 с.

107. *Верле Г.* Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс – Москва: ТрансЛит, 2011. 910 с.

108. *Головненков П.В.* Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М.: Проспект, 2013. 312 с.

109. *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. М.: Проспект, 2014. 112 с.

110. Институты международного правосудия / под ред. *В.Л. Толстых.* М.: Международные отношения, 2014. 504 с.

111. *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М.: Юридическая литература, 1979. 264 с.

112. *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право. 2-е изд. М. Wolters Kluwer, 2010. 304 с.

113. *Кибальник А.Г., Мартиросян А.С.* Геноцид в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. М.: Юрлитинформ, 2015. 192 с.

114. *Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г.* Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. 385 с.

115. *Костенко Н.И.* Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М.: Юрлитинформ, 2014. 424 с.
116. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть / под ред. *Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой.* М.: Зерцало–М, 2002. 612 с.
117. Курс уголовного права. Т. 5. Особенная часть / под ред. *Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова.* М.: Зерцало–М, 2002. 512 с.
118. *Лебединец И.П.* Международное уголовное право. М.: Проспект, 2017. 112 с.
119. *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. 287 с.
120. *Лулу А.А., Оськина И.Ю.* Транснациональное криминальное право. М.: Дело и сервис, 2012. 352 с.
121. *Лямин Н.М.* Международный уголовный суд и преступные нарушения прав человека. М.: Юрлитинформ, 2018. 176 с.
122. Международное уголовное право / под ред. *А.В. Бриллиантова.* М.: Юрайт, 2016. 358 с.
123. Международное уголовное право. 2-е изд. / под ред. *В.Н. Кудрявцева.* М.: Наука, 1999. 264 с.
124. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2018. 784 с.
125. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3. Особенная часть. 5-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2011. 704 с.
126. *Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В.* Международное уголовное право / под ред. *А.В. Наумова, А.Г. Кибальника.* 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. 509 с.
127. *Ного С.* Международное уголовное право. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2019. 336 с.
128. *Ображиев К.В.* Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. 504 с.

129. *Панов В.П.* Международное уголовное право. М.: Инфра–М, 1997. 320 с.
130. *Пикте Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1994. 127 с.
131. Полный курс уголовного права. Т. V. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. *А.И. Коробеева*. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. 951 с.
132. *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М.: Наука, 1965. 352 с.
133. *Попаденко Е.В.* Международное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.
134. *Попаденко Е.В.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М.: Юрлитинформ, 264 с.
135. *Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С.* Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. 297 с.
136. Российское уголовное право. Общая и Особенная части. Т. 3. Особенная часть / под ред. *Н.А. Лопашенко*. М.: Юрлитинформ, 2014. 664 с.
137. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. *В.П. Конахина, М.Л. Прохоровой*. М.: Контракт, 2015. 928 с.
138. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. *М.П. Журавлева, С.И. Никулина*. М.: Спарк, 1998. 496 с.
139. *Русанов Г.А.* Международная уголовная ответственность и международное преступление. М.: Юрлитинформ, 2015. 144 с.
140. *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право / под ред. *А.Н. Вылегжанина*. М.: Проспект, 2021. 560 с.

141. *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М.: Издательство АН СССР, 1956. 299 с.
142. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969. 454 с.
143. *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. 512 с.
144. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. 3-е изд. / под ред. *И.Д. Козочкина*. М.: Wolters Kluwer, 2010. 1056 с.
145. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. 4-е изд. / под ред. *Н.Е. Крыловой*. М.: Юрайт, 2013. 1054 с.
146. Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд. / под ред. *А.В. Наумова*. М.: Wolters Kluwer, 2010. 800 с.
147. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 8-е изд. / под ред. *А.И. Рарога*. М.: Проспект, 2014. 784 с.
148. *Уткин В.А.* Международное право борьбы с преступностью. Томск: Издательство НТЛ, 2017. 216 с.
149. *Фристер Г.* Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 712 с.
150. *Bassiouni M.Ch.* Crimes against Humanity in International Criminal Law. 2nd edition. New York: Martin Nijhoff Publ., 1999. 652 p.
151. *Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A.* Cassese's International Criminal Law. 3rd edition. Oxford University Press, 2013. 414 p.
152. *Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurts E.* International Criminal Law and Procedure. Cambridge University Press, 2007. 685 p.
153. *Kress C., Lattanzi F.* The Rome Statute of the International Criminal Court and Domestic Legal Orders. Vol. 1. General Aspects and Constitutional Issues. Baden-Baden: Nomos Publ., 2000. 289 p.

154. *Forging the Convention for Crimes against Humanity* / ed. by *L.N. Sadat*. Cambridge University Press, 2011. 640 p.

155. *May L. Crimes against Humanity: A Normative Account*. Cambridge University Press, 2005. 310 p.

156. *Kittichaisaree K. International Criminal Law*. Oxford University Press, 2001. 482 p.

157. *Schabas W.A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone*. Cambridge University Press, 2006. 766 p.

158. *Smith J. Criminal Law*. 10th ed. London: Lexis Nexis Publ., 2002. 807 p.

Статьи в периодических изданиях и сборниках

159. *Абашидзе А. Участие государств в Римском Статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств erga omnes* // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 45–52.

160. *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Экоцид как международное преступление: проблемы и перспективы* // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 258–274.

161. *Богущи Г.И. Элементы преступлений в системе применимого права Международного уголовного суда* // Российский ежегодник международного права 2009. Специальный выпуск. СПб., 2010. С. 422–429.

162. *Булдаков Б.С. Нюрнбергский процесс и Хабаровский процесс – два главных события XX В. В борьбе с преступлениями против человечности* // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 7. С. 107–112.

163. *Валеев Р.М.* Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридическая наука. 2015. № 5. С. 69–74.

164. *Вилкицки П.* Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда в Германии – модель для других стран? // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 54–75.

165. *Волеводз А.Г.* К вопросу об установлении уголовной ответственности за акт международного терроризма: что не учел законодатель в ст. 361 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 75–90.

166. *Волеводз А.Г.* Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 55–68.

167. *Вылегжанин А.Н., Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала) // Современное право. 2017. № 1. С. 117–130.

168. *Гигинейшвили М.Т.* К вопросу об оптимизации главы 34 УК // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: МГЮА, 2015. С. 470–472.

169. *Гигинейшвили М.Т.* Субъект преступлений против человечности: проблемы теории и практики // Российский следователь. 2012. № 23. С. 44–45.

170. *Гигинейшвили М.Т.* К вопросу об имплементации в УК РФ предписаний Римского Статута Международного уголовного суда об ответственности за преступления против человечности // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 559–564.

171. *Глотова С.В.* Концепция преступлений против человечности: генезис и современное понимание концепции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 101–108.

172. *Глотова С.В.* Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и существенные признаки в свете современного развития международного права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 3. С. 36–49.

173. *Грицаев С.А.* Эволюция понятия «преступления против человечности»: от Санкт-Петербургской декларации 1868 г. до Римского статута 1998 г. // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 174–179.

174. *Давитадзе М.Д.* Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 85–89

175. *Джантаев Х.М.* Токийский трибунал: второй опыт международного правосудия (к 60-летию Токийского трибунала) // Международное право. 2007. Т. 31. № 3. С. 190–206.

176. *Додонов В.* Модели имплементации Римского Статута Международного уголовного суда в национальном законодательстве зарубежных стран // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 76–84.

177. *Елисеев Р.А.* Реализация международных обязательств по Римскому Статуту Международного уголовного суда 1998 года // Современное право. 2010. № 7. С. 113–115.

178. *Иванов Н.Г.* Принцип правовой определенности в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 161–166.

179. *Иногамова-Хегай Л.В.* Международный терроризм как международное преступление против человечности в международном уголовном

праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1. С. 19–23.

180. *Иногамова-Хегай Л.В., Курносова Т.И.* Международные «преступления против человечности» и «преступления против человечества»: их соотношение // Общество и право. 2015. № 4. С. 72–76.

181. *Иногамова-Хегай Л.В., Курносова Т.И.* Особенности объективных признаков преступлений против человечности в международном и национальном уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2. С. 33–36.

182. *Иногамова-Хегай Л.В., Курносова Т.И.* Преступления против человечности или преступления против человечества: идентичны ли понятия? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2016. С. 577–580.

183. *Кауфман М.А.* Нормативная неопределенность в уголовном законодательстве // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 58–62.

184. *Кибальник А.Г.* Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 4. С. 147–159.

185. *Кибальник А.Г.* Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. № 7. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2013. С. 439–453.

186. *Кибальник А.Г.* Геноцид в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 1. С. 12–15.

187. *Кларк Р.* Преступления против человечности на Нюрнбергском судебном процессе // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. *И.А. Ледях, И.И. Лукашука.* М.: Институт государства и права РАН, 1995. С. 160–169.

188. *Колчевский И.Б.* Возникновение и содержание понятия «преступления против человечности» // Закон и право. 2016. № 12. С. 103–105.

189. *Королев А.Н.* Экоцид в системе международных правонарушений // *Международное публичное и частное право.* 2007. № 2. С. 46–48.

190. *Котов С.В., Невский Р.Э.* Исполнение приказа при совершении преступлений против человечности: использование опыта международного права в российском уголовном праве // *Евразийский юридический журнал.* 2020. № 5. С. 262–263.

191. *Кубанцев С.П.* Преступления против человечности: международно-правовой аспект // *Вестник Краснодарского университета МВД России.* 2015. № 4. С. 66–68.

192. *Кузнецова Н.Ф.* Взаимодействие международного и российского уголовного права // *Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров.* М.: Городец, 2009. С. 8–24.

193. *Курносова Т.И.* История закрепления понятий о военных преступлениях и преступлениях против человечности в законодательстве Российской Федерации // *Вестник Краснодарского университета МВД России.* 2015. № 4. С. 110–115.

194. *Лебедева Н.С.* Нюрнбергский процесс и его приговор // *Вестник МГИМО университета.* 2010. № 6. С. 75–92.

195. *Лобач Д.В.* Политико-правовые основания криминализации деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // *Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права.* М.: Юрлитинформ, 2020. С. 597–601.

196. *Лобач Д.В.* К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2019. № 3. С. 115–123.

197. *Максуров А.А.* Национальное право как средство обеспечения реализации международного права // Государство и право. 2020. № 2. С. 125–132.

198. *Мальцев А.В.* Преступления против человечности // Влияние итогов Нюрнбергского процесса на становление новой системы международного судопроизводства / под ред. *А.Г. Чернявского, Г.Ф. Чекмарева, Н.А. Синяевой.* М.: Русайнс, 2022. С. 54–56.

199. *Малярова Е.А.* Контекстуальный элемент преступлений против человечности: от истоков к современности // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11. С. 57–59.

200. *Маня В.С.* Инициатива о криминализации пропаганды геноцида или преступлений против человечности // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 3–5. С. 95–100.

201. *Марочкин С.Ю., Нелаева Г.А.* Правотворческий эффект решений международных трибуналов (на примере решений Международного трибунала по бывшей Югославии) // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 206–214.

202. *Мезе Э.* Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного уголовного трибунала по Руанде // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 54–61.

203. *Мезяев А.Б.* Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 46–49.

204. *Михайлов Н.Г.* Принцип законности в толковании судей Международного трибунала по бывшей Югославии // Государство и право. 2010. № 4. С. 63–70.

205. *Михайлов Н.Г.* Преступления против человечности в Статуте МУС и Уставе МТБЮ // Международное право. 2007. Т. 29. № 1. С. 153–162.

206. *Наумов А.В.* Нюрнбергский процесс и международный правопорядок // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 15–38.

207. *Невский Р.Э.* Перспектива криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 3. С. 29–34.

208. *Невский Р.Э.* Доктринальное понимание «контекстуального элемента» преступлений против человечности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4. С. 272–273.

209. *Невский Р.Э., Троицкий Н.С.* Военные преступления и преступления против человечности: общее и особенное в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 197–202.

210. *Невский Р.Э., Троицкий Н.С.* Где находится грань между военным преступлением и преступлением против человечности? // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: Материалы XII Российского конгресса уголовного права. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 174–177.

211. *Нелаева Г.А.* Изнасилования и насильственные действия сексуального характера как преступления против человечности в практике международного трибунала побывшей Югославии (МТБЮ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 1. С. 10–12.

212. *Нелаева Г.А.* Рассмотрение преступлений против человечности национальными судами: проблемы, дискуссии, противоречия // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 122–133.

213. *Нелаева Г.А., Хабарова Н.А.* Оценки деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии: взгляды российских и зарубежных экспертов // Международное право и международные организации. 2016. № 4. С. 457–464.

214. *Павлова Л.В.* Роль комментария к Проекту статей о преступлениях против человечности, разрабатываемого комиссией международного права ООН, в унификации национального уголовного законодательства по данному вопросу // Беларусь в современном мире: Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2017. С. 106–108.

215. *Подшибякин А.С.* Римский Статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО-университета. 2008. № 3. С. 66–71.

216. *Прохорова М.Л., Гигинейшвили М.Т.* Конвенционное определение преступлений геноцида и апартеида: сравнительный анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 3–6.

217. *Пшеничников И.М.* Преступления против человечности и человечества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 329–332.

218. *Радошнова Н.В., Варфоломеева Т.В., Карлик С.М.* Решение Нюрнбергского международного военного трибунала как правовое основание криминализации преступлений против человечности // Вопросы экономики и права. 2021. Вып. 157. С. 24–28.

219. *Решетов Ю.А.* Развитие норм международного права о преступлениях против человечности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. *И.А. Ледях, И.И. Лукашука*. М.: Институт государства и права РАН, 1995. С. 169–179.

220. *Савельев В.А.* Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: общие вопросы, взгляд на международный опыт // Юриспруденция. 2006. № 8. С. 173–194.

221. *Савенков А.Н.* Влияние международных правовых норм и правовых институтов на уголовно-правовую политику Российской Федерации // Государство и право. 2018. № 7. С. 5–20.

222. *Самович Ю.В.* Генезис международно-правовой регламентации понятия «преступления против человечности» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 132–135.

223. *Сафаров Н.А.* Материально-правовая имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов // Государство и право. 2012. № 3. С. 77–86.

224. *Сафаров Н.А.* Материально-правовая имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов (окончание) // Государство и право. 2012. № 4. С. 84–93.

225. *Сафаров Н.А., Сафаров Ф.Н.* Предупреждение и наказание преступлений против человечности: проблемы разработки международной конвенции // Правоведение. 2016. № 6. С. 94–133.

226. *Светличная Д.В.* Определение понятия и состав преступлений против человечности – легальный и доктринальный подходы // Международный правовой курьер. 2020. № 4. С. 20–27.

227. *Светличная Д.В.* К истории международной криминализации преступлений против человечности // Международный правовой курьер. 2019. № 5. С. 31–36.

228. *Серебренникова А.В.* Уголовная ответственность за преступления против человечности и военные преступления по законодательству Германии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 179–183.

229. *Скуратова А.Ю.* К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 58–78.

230. *Слабкая Д.Н., Новиков А.В.* К вопросу о преступлениях против человечности // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1. С. 140–148.

231. *Сухарев А.Я.* Нюрнбергский процесс на службе мировой законности // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 3–14.

232. *Триkoz Е.Н.* Международное уголовное правосудие: гендерные аспекты // Библиотека криминалиста. 2012. № 2. С. 187–203.

233. *Триkoz Е.Н.* Имплементация обязательств, вытекающих из Римского Статута: рамочная модель для Российской Федерации // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 586–600.

234. *Триkoz Е.Н.* Международный уголовный суд: комплементарность vs. наднациональность // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / отв. ред. *А.И. Рарог*. М.: МГЮА, 2009. С. 493–497.

235. *Триkoz Е.Н.* Римский Статут Международного уголовного суда: рамочная модель имплементации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 144–162.

236. *Триkoz Е.Н.* Преступления против человечности в международном уголовном праве // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 100–117.

237. *Хачирова В.С.* Ратификация Римского Статута международного уголовного суда как признание верховенства международного права в международных и внутригосударственных отношениях // Российский ежегодник международного права. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. С. 340–356.

238. *Хлестов О.Н., Прокофьев Н.В.* Уроки Нюрнберга // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 39–46.

239. *Яцеленко Б.В.* Толкование уголовного закона как способ преодоления его неопределенности // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 3. С. 55–59.

240. *Ambos K., Wirth S.* The Current Law of Crimes against Humanity // Criminal Law Forum. 2002. Vol. 13. P. 1–90.

241. *Brehm H.M., Uggen C., Gasanabo J.D.* Genocide, Justice, and Rwanda's Gacaca Courts // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2014. Vol. 30. № 3. P. 333–352.

242. *De Rojas C., and others.* Implementation of the Rome Statute in Spain // https://www.researchgate.net/publication/228227932_Implementation_of_the_Rome_Statute_in_Spain

243. *Dinstein Y.* Crimes against Humanity after Tadic // Leyden Journal of International Law. 2000. Vol. 13. № 2. P. 373–394.

244. *Du Plessis M.* Bringing the International Criminal Court home - the implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act 2002 // South African Journal of Criminal Justice. 2003. Vol. 16. № 1. P. 1–16.

245. *Frulli M.* Are Crimes against Humanity More Serious Than War Crimes? // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. № 2. P. 329–350

246. *Goldmann M.* Implementing the Rome Statute in Europe: From Sovereign Distinction to Convergence in International Law // Finnish Yearbook of International Law. 2005. Vol. 16. P. 5–29.

247. *Imoedemhe O.C.* National Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court: Obligations and Challenges for States Parties // The Complementarity Regime of the International Criminal Court. Springer, 2017. P. 55–87.

248. *Jalloh Ch.* What Makes a Crime Against Humanity a Crime Against Humanity? // American University International Law Review. 2013. Vol. 28. P. 382–441.

249. *Kibalnik A.G.* Evaluation of Activities of the International Tribunal for the Former Yugoslavia in the Russian Doctrine of International Criminal

Law // Sovereignty and Works of International Courts / edited by *S. Nogo*. Belgrade, 2018. P. 241–247.

250. *Lewis D.A.* Unrecognized Victims: Sexual Violence against Men in Conflict Settings under International Law // *Wisconsin International Law Journal*. 2009/ vol. 27. P. 1–10.

251. *Luban D.* A Theory of Crimes against Humanity // *Yale Journal of International Law*. 2004. Vol. 29. P. 85–167.

252. *Macleod C.* Towards a Philosophical Account of Crimes against Humanity // *European Journal of International Law*. 2011. Vol. 21. № 2. P. 281–302.

253. *Meierhenrich J., Ko K.* How Do States Join the International Criminal Court // *Journal of International Criminal Justice*. 2009. Vol. 7. P. 233–256

254. *Megret F.* Too Much of a Good Thing? ICC Implementation and the Uses of Complementarity // *The International Criminal Court and Complementarity* / edited by *S. Stahn, M. El Zeidy*. Cambridge, 2011. P. 361–390.

255. *Mettraux G.* Crimes against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda // *Harvard International Law Journal*. 2002. Vol. 43. № 1. P. 237–316.

256. *Palombino F.M.* Should Genocide Subsume Crimes Against Humanity? Some Remarks in the Light of the *Krstić* Appeal Judgment // *Journal of International Criminal Justice*. 2005. Vol. 3. № 3. P. 778–789.

257. *Payam A.* Reconciling Crimes against Humanity with the Laws of War: Human Rights, Armed Conflict, and the Limits of Progressive Jurisprudence // *Journal of International Criminal Justice*. 2008. Vol. 6. № 1. P. 21–37

258. *Renzo M.* Crimes against Humanity and the Limits of International Criminal Law // *Law and Philosophy*. 2012. Vol. 31. P. 443–476.

259. *Robinson D.* Defining «Crimes against Humanity» at the Rome Conference // *American Journal of International Law*. 1999. Vol. 93. № 1. P. 43–57.

260. *Roscini M.* Great Expectations: The Implementation of the Rome Statute in Italy // *Journal of International Criminal Justice*. 2007. Vol. 5. P. 493–512.

261. *Sacchi P., Borelli S.* Implementation of the Rome Statute in Italy // *Finnish Yearbook of International Law*. 2005. Vol. 16. P. 163–196.

262. *Sadat L.N.* Crimes against Humanity in the Modern Age // *The American Journal of International Law*. 2013. Vol. 107. P. 334–377.

263. *Simonovic I.* The Role of ICTY in the Development of International Criminal Adjudication // *Fordham International Law Journal*. 1999. Vol. 23. № 2. P. 450–459.

264. *Van Der Wilth H.* Trafficking in Human Beings, Enslavement, Crimes against Humanity: Unravelling the Concepts // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. № 2. P. 297–334.

265. *Wirth S.* Germany's New International Crimes Code: Bringing a Case to Court // *Journal of International Criminal Justice*. 2002. Vol. 1. № 1. P. 151–168.

Диссертации, авторефераты диссертаций

266. *Аванесян В.В.* Геноцид: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 37 с.

267. *Агамиров Н.И.* Международный уголовный суд в новых политических реалиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.

268. *Вартанян В.М.* Уголовная ответственность за геноцид: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. 26 с.

269. *Васякина Е.В.* Эволюция международных уголовных трибуналов (1945–1994 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2014. 23 с.

270. *Волеводз А.Г.* Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М.: НИИ Генеральной прокуратуры РФ, 2002. 38 с.

271. *Гедиев М.Ш.* Незаконный оборот оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2012. 28 с.

272. *Гигинейшвили М.Т.* Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2013. 25 с.

273. *Греченкова О.Ю.* Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2007. 27 с.

274. *Грицаев С.А.* Теоретические аспекты правосудия по Римскому Статуту Международного уголовного суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2005. 22 с.

275. *Дадуани Т.Г.* Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2012. 21 с.

276. *Иванов А.Ю.* Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. 29 с.

277. *Каюмова А.Р.* Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. 40 с.

278. *Кибальник А.Г.* Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 51 с.

279. *Князькина А.К.* Конвенционные преступления как вид конвенциональных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2009. 27 с.

280. *Курносова Т.И.* Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2015. 292 с.

281. *Лямин Н.М.* Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. 30 с.

282. *Малярова Е.А.* Контекстуальные обстоятельства как элемент состава преступления по международному уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. 29 с.

283. *Мартиросян А.С.* Геноцид в решениях современных международных трибуналов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. 26 с.

284. *Михайлов Н.Г.* Международный уголовный суд по бывшей Югославии как инструмент международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. 54 с.

285. *Моргун Д.О.* Правые основы и механизмы сотрудничества органов международной уголовной юстиции с субъектами международного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. 27 с.

286. *Москалев Г.Л.* Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 26 с.

287. *Накашидзе М.Р.* Органы международной уголовной юстиции: проблемы становления и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2007. 26 с.

288. *Опалич О.В.* Проблемы реализации международно-правовых норм, направленных на обеспечение мира и безопасности человечества, в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Томский государственный университет, 2002. 23 с.

289. *Панкратова Е.Д.* Уголовно-правовая характеристика геноцида: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. 33 с.

290. *Рабаданова А.А.* Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. 24 с.

291. *Родионова Т.А.* Влияние международного права на отечественное уголовное законодательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2011. 22 с.

292. *Сафиуллина И.П.* Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: автореферат дис. канд. юрид. наук. Казань: Казанский государственный университет, 2003. 25 с.

293. *Скуратова А.Ю.* Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГИМО МИД России, 2006. 33 с.

294. *Спирidonov А.П.* Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 416 с.

295. *Субботина Е.Н.* Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РПА Минюста России, 2013. 23 с.

296. *Суворов В.А.* Уголовная ответственность за акт международного терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2019. 25 с.

297. *Шибков О.Н.* Принципы и нормы международного права как источники уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. 24 с.

298. *Bass G.J.* Judging War: The Politics of International War Crimes Tribunals: thesis ... PhD degree. Harvard University, 1999

299. *Cerimovic E.* To Prevent and To Punish: Genocidal Intent: thesis ... PhD degree. Budapest, 2010.

300. *Futamura M.* Revising the «Nuremberg Legacy»: Societal Transformation and the Strategic Success of International War Crime Tribunals – Lessons from the Tokyo Trial and Japanese Experience: thesis ... LLD degree. London, 2005.

301. *Maguire P.H.* Nuremberg: A Cold War Conflict of Interest: thesis ... PhD degree. Columbia University, 1995.

302. *Olafsson S.G.* Crimes against Humanity: Emergency of a Law of Humanity: thesis ... PhD degree. Stockholm, 2012.

303. *Peltonen A.* The Role of International Criminal Courts in the Formation of Customary International Law: thesis ... PhD degree. Helsinki, 2013.

Сообщения СМИ и электронные ресурсы

304. Возбуждены уголовные дела в отношении украинских военнослужащих, причастных к обстрелам гражданского населения Донбасса // <https://sledcom.ru/news/item/1449869/>

305. Возбуждены три уголовных дела по фактам обстрелов гражданского населения Донбасса // <https://sledcom.ru/news/item/1453556/>

306. *Еринских А.* Первое дело о геноциде русского народа // Коммерсант. 2001. 11 апреля.

307. Как продвигается расследование преступлений украинских националистов, которые воюют с мирными гражданами? Интервью главы СК РФ Александра Бастрыкина// Российская газета. 2022. 25 июля.

308. МИД РФ: вердикт суда по МН17 указывает на то, что в его основе лежал политический заказ // <https://tass.ru/politika/16361285>

309. Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии: <https://www.icty.org/>

310. Официальный сайт Международного трибунала по Руанде: <https://www.unicttr.org>

311. Официальный сайт Международного уголовного суда: <https://www.icc-cpi.int>

312. Председатель СК России поручил возбудить уголовное дело по фактам пыток и убийств мирных жителей Купянска // <https://sledcom.ru/news/item/1730160/>